Факультет социологии
Государственного академического университета гуманитарных наук

Институт социологии Российской академии наук

«Социополис»
Библиотека современного социогуманитарного знания
Общая редакция В.В. Козловского

В.А. Ядов

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Курс лекций для студентов магистратуры по социологии

(Издание второе, дополненное и переработанное)

Санкт-Петербург
2009

ББК 60.5
Я37

Ядов В.А.
Я37 Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. — СПб.: Интерсоцис, 2009. — 138 с.
(«Социополис»: Библиотека современного социогуманитарного знания)

ISBN 978-5-94348-053-9

В курсе лекций рассматриваются основные категория классической социологии и раскрывается инструментальное значение современного деятельностно-активистского подхода в изучении социальных перемен в российском обществе.

Издание имеет особый практический смысл для профессионального роста социологов, для их исследовательской деятельности. Предназначено для социологов, студентов магистратуры и аспирантов по социологии.

ББК 60.5

ISBN 978-5-94348-053-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Вводные замечания 8

Лекция первая. Полипарадигмальность в современной социологии 11
1.1. Научные школы и парадигмы 11
1.2. Почему возникают разные научные школы 12
1.3. Социологические метапарадигмы 13
1.4. Нынешнее состояние макротеории 18

Лекция вторая. Социальные общности и общество как объект социологического исследования 28
2.1. Обсуждение проблемы о предмете социологии 28
2.2. Необходимые и достаточные критерии зрелого общества 31
Универсалии социальных общностей 32
Понятие зрелого общества 33

Лекция третья. Социальные институты 37
3.1. Социальные институты в классической парадигме 37
3.2. Неоинституционализм — радикальная смена парадигмы 38
3.3. Российские институты в анализе соотечественников 42
3.4. Феномен экономической колеи 44

Лекция четвертая. Социальное расслоение 49
Классовые теории Маркса и Вебера 49
Деятельностно-активистский подход 52
Концепция маргинализации 54
Концепция социальной ниши 54
Концепция эмерджентности Д. Блау 55
Вместо структур — сетевые взаимодействия 56
Векторы социальной мобильности 56

Лекция пятая. Культура и личность 59
5.1. Культура 59
5.2. Личность 62
5.3. Национальный менталитет: культура, ставшая компонентом самосознания личности 65
5.4. Являются ли особенности национального менталитета решающим фактором успешных трансформаций общества? .. 68

Лекция шестая. Макротеории социальных изменений 72
6.1. Раймон Будон о возможности применения общенаучных методов в социологических прогнозах 72
6.2. Оптимистические и пессимистические концепции социальных трансформаций. Эволюционизм 74
Альтернатива девелопментализма — риск теории 76
Теории циклических изменений 77
Деятельностно-активистская концепция 79
6.3. Глобализация и ее воздействие на социальные изменения 79

Лекция седьмая. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций ... 86
7.1. Сомнения относительно традиционной теории модернизации ... 86
7.2. Концепции посткоммунистических трансформаций ... 90
Вклад Ральфа Дарендорфа ... 90
Теория Ильи Пригожина ... 91
Метафоры «транзита» ... 91
Теория Петра Штомпки ... 93
Системная концепция трансформации Т.И. Заславской ... 94
7.3. Что считать завершением «переходного» периода? ... 95

Лекция восьмая. Стратегии совмещения различных теоретических подходов в эмпирическом исследовании ... 99
8.1. Варианты стратегий ... 99
Комплиментарный подход ... 99
Дж. Тернер: «аналитическое теоретизирование» ... 100
Использование универсального исследовательского инструмента ... 101
Разработка интегральных теорий. Другие стратегии ... 101
8.2. Проблема «макро-микро» в теории и программировании эмпирического исследования ... 103
Макро-микро дилемма ... 103
Путь к решению со стороны макротеоретиков ... 104
Путь к решению с позиций интерпретативной социологии. Демонстративный пример ... 106
8.3. Должна ли социологическая теория иметь «национальные» черты? ... 110

Заключение ... 114
Приложение 1. Советы студенту относительно работы над рефератом и эссе ... 117
Приложение 2. Обращение к коллегам-преподавателям: варианты активных методик групповых занятий ... 119
Дебаты ... 119
Панель ... 121
Аналитический тренинг ... 122
Задание ... 122
Видеонаблюдение реальных практик ... 123
Игровое занятие по теме «Культура и личность». «Хэппенинг» ... 124
On-line общение со студентами ... 125
Приложение 3. П. Штомпка. Теоретическая социология и социологическое воображение ... 126

Предисловие

Книгой одного из основателей социологической науки в советское время, ревнителя социологии в постсоветский период Владимира Александровича Ядова «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций» мы начинаем публиковать лучшие работы, подготовленные в 2003–2004 гг. в рамках проекта «Создание Федерального центра повышения квалификации “Социология”» при поддержке Национального фонда подготовки кадров (НФПК). По результатам инновационного проекта разработаны четыре программы дополнительного профессионального образования: «Общая социология», «Социология рынков», «Социальные коммуникации», «Преподавание социологии в высшей школе», подготовлено более трех десятков учебных, учебно-методических пособий высокого научно-педагогического уровня.

Особенность предлагаемых научному сообществу материалов состоит в их инновативности, инструментальности, междисциплинарности, практической ценности, что заметно отличает их от растущего вала учебной литературы по социологии.

Социологическое образование и социальные исследования в России начала XXI столетия едва успевают за происходящими социальными и экономическими переменами, процессом втягивания страны в разнообразные потоки глобализации, новейшими историческими тенденциями в мировом обществе, за новой экономикой и развитием общества знания. Сетевой характер информационной эпохи подталкивает к широкому цивилизационному транзиту и затрагивает основания российской культуры и социума. Эти факторы не могут остаться незамеченными и, конечно, находят отражение в современных отечественных социальных исследованиях. Вместе с тем научные достижения в ходе изучения резко меняющегося российского общества с запозданием включаются в содержание новых образовательных программ, учебных курсов и материалов.

Для преодоления наметившегося расхождения между исследовательскими разработками и включением их в состав социологического образования как раз и был подготовлен ряд учебных пособий, которые планируется издать в серии «Социополис: Библиотека современного социогуманитарного знания». Она открыта для авторов, работающих в области социальных и гуманитарных наук. Внедрение фундаментальных научных достижений в образовательный процесс является неотъемлемым элементом современного стиля обучения, в котором исследовательская практика органично входит в обучение. Освоение исследовательских стратегий в ходе образования глубоко меняет характер обучения, делает его фактически

инновационным и фундаментальным. Оно формирует необходимые профессионалу-социологу аналитические и креативные качества, умения и навыки работать с инновационными технологиями. Замысел предлагаемой серии направлен на рост мастерства и квалификации работающих в поле социологии, гуманитарного знания.

Серия открывается курсом лекций В.А. Ядова, в котором заявленная цель — совершенствование профессионального мастерства социолога — достигается на примере критического изложения и применения социологических теорий к изучению российских трансформаций.

Существует определенная перекличка времен. В 1913 г. наши предшественники в российской социологии, М.М. Ковалевский, Е.В. ДеРоберти начали издавать серию «Новые идеи в социологии». Это было время упований и надежд общественности на слово интеллектуала, прежде всего слово гуманитарных, исторических, социальных наук — период расцвета социологии, который был, однако коротким. Революционные потрясения в советской России второй четверти прошлого века прервали развитие социологии. В настоящее время социология в России переживает период возрождения и роста. Но следует признать, что многому приходится учиться у зарубежной мировой социологии, которая за сто лет совершила большую эволюцию. Она стала законодательницей научной моды в середине прошлого столетия и утратила свое очарование в конце XX в. Ее становление уже настолько осложнено парадигмальным и концептуальным разнообразием, теоретическими и методологическими столкновениями, что приходится констатировать методологический анархизм и произвол как принцип постнеклассического развития социологии. В курсе лекций В.А. Ядова отчетливо показана сложившаяся ситуация в теоретической мировой социологии.

Между тем социальная наука как в российском, так и в мировом контексте существенно обогатилась разработками теоретических и эмпирических методов исследований, новыми подходами в изучении микро- и макросоциальных институтов и процессов. Нельзя исключать этот научный капитал из обращения в отечественном социологическом образовании и научных разработках.

В.А. Ядов принадлежит к числу интегрально мыслящих авторов, для которых важнее всего обнаружить рациональное зерно в той или иной теории для дальнейшего ее применения и модификации в изучении центрального предмета его внимания — российских трансформаций последних пятнадцати лет.

Перед нами необычный курс лекций маститого ученого, представляющий собой своеобразный путеводитель по сложному лабиринту современной теоретической социологии. Особенно важно, что совре-

менные теории автор целенаправленно разбирает, оценивает и применяет для анализа трансформирующегося российского общества.

Подобный подход в отечественном социологическом образовании уникален. Он означает, что наработанный в мировой социологии теоретический арсенал не просто изложен для удовлетворения любопытства или в целом просвещения, он превращен в лабораторию творческого поиска, открытого для читателя-единомышленника, кем бы он ни был — студентом, молодым исследователем, зрелым ученым.

Эволюцию творческих научных поисков В.А. Ядова еще предстоит проанализировать. В настоящее время автор придерживается концепции деятельностного (деятельностно-активистского) подхода. В начале своей научной карьеры, в 1960-х гг., он использовал парадигму структурного функционализма. Неутомимость и открытость его научных и педагогических исканий отмечается многими. Его труды по методологии, стратегии и методике социологических исследований стали классическими в современной российской социологии.

Новая книга, дополненная и исправленная во втором издании — плод размышлений зрелого специалиста. Глубокий критический разбор состояния современной теоретической социологии и обоснование принципа деятельности для изучения российских трансформаций — это серьезный вклад как в социологическое образование новых поколений, так и в совершенствование профессионального мастерства российских социологов.

В связи с предстоящим 80-летним юбилеем Владимира Александровича Ядова желаю нашему старейшине социологического сообщества доброго здоровья, новых трудов, неиссякаемого чувства юмора и жизнелюбия.

Февраль 2006 г.,
Март 2009 г.

С.-Петербург
Владимир Козловский

Моим внукам
Кате, Соне, Янику и
правнуку Димке

Вводные замечания

Замысел курса возник под влиянием общения с Петром Штомпкой, профессором Ягеллонского университета. Мы познакомились в начале 1990-х годов на заседании Экспертного совета Венского центра по социальным наукам и долгими вечерними часами говорили о тогдашних «судьбоносных» событиях в наших странах и о том, какую позицию занимали в этих событиях общие знакомые — советские и польские социологи. Штомпка изложил суть своей теории социального становления (его монография «Society in action» только что была сдана в печать). Он убежденно и темпераментно доказывал адекватность нашему времени активистского подхода. Я принялся штудировать соответствующих авторов, после чего окончательно убедился в его правоте. Отсюда логически следовало отношение к классическому наследству — извлечение из классиков всего, что ценно для понимания современных социальных процессов[1].

Начиная с 1960-х годов в теоретической социологии утверждается концепция деятельностного (деятельностно-активистского) подхода к описанию, объяснению и пониманию социальной реальности, социальных процессов.

Суть деятельностно-активистского подхода: отказ от идеи диктата «естественно-исторических» закономерностей социального прогресса в пользу утверждения принципа «социально-исторического» процесса, не имеющего жестко заданного вектора, ибо решающую роль в современных обществах играют деятельные социальные субъекты (agency), включая научно-технические открытия, социальные движения, легитимных лидеров, массы обычных граждан.

Этот подход существенно видоизменяет, иногда переворачивает представления о взаимоотношениях между подсистемами социокультурного целого, между объективными условиями общественного бытия и ролью социальных агентов, своей практической деятельностью изменяющих социальные институты и себя самих.

Деятельностно-активистский подход к анализу социальных процессов, по существу сформулированный Марксом в его утверждении о том, что люди, рождаясь при одних обстоятельствах, своей практической деятельностью создают новые, иные обстоятельства общественной жизни, развивается сегодня в трудах Дж. Александера, М. Арчер, П. Бурдье, Э. Гидденса, П. Штомпки и др. Теоретики данного направления стремятся удержать многое из классики прошлого и начала нашего века, совмес-

[1] Петр Штомпка, будучи президентом Международной социологической ассоциации, выступил с яркой лекцией о состоянии современной теории и гражданской функции социолога в современном мире. Статью на основе этой лекции я решил включить в Приложение.

тить макросистемный и микроповседневно-жизненный уровни социального анализа.

Задачи курса. (а) Рассмотреть основные социологические категории полипарадигмально, акцентируя внимание на современном деятельностно-активистском направлении развития теории, и (б) показать, что деятельностно-активистский подход адекватен для описания, анализа и понимания современной динамичной реальности и, в частности, российских трансформационных процессов. В каждой лекции рассматриваются современные российские проблемы с позиций разных концептуальных подходов[2].

Почему «лекции»? Я старался по возможности совместить стилистику занятий в аудитории со стилем печатного пособия. В Приложении осмелился поделиться с коллегами своим опытом чтения курса и высказать студентам некоторые соображения относительно письменных зачетных работ.

Из студенческих эссе и высказываний на занятиях я извлекал и дидактические уроки, и нередко нетривиальные суждения, которые использовал в тексте, увы, без ссылок на автора. Преподаватель подчас не способен четко отделить, что ему самому пришло в голову при чтении работ гигантов науки и коллег «по цеху», а что привлекло внимание в какой-то дискуссии или беседе. Один из лидирующих в современной психологии теоретик Кеннет Герген начинает свою работу «Реалии и человеческие взаимодействия» с возражения Декарту[2]. Он не согласен с формулой Cogito ergo sum, что Декарт утверждает источником сомнений. На каком основании? Потому, что сомнения возникают не в изолированном индивидуальном мозгу, но во взаимодействии думающего индивида с множеством других думающих.

Принципиально важно, что в современной социологии границы между теоретическими парадигмами не жестки. Например, Энтони Гидденс говорит о цивилизации «высокой модерности», прибегая к лексике постмодернистов, полагает невозможным исследовать социальные процессы без привлечения данных исторической науки, экономики, психологии[3]. Мануэль Кастельс предлагает сетевую теорию современного глобального мира, используя марксистские категории «способ производства» и «производственные отношения» и т. д.

Я глубоко признателен Михаилу Чернышу за его рецензию на первое издание лекций, в которой немало суждений, требующих осмысления.. В одном пункте хотел бы поспорить с моим коллегой. Он считает, что я переоцениваю рефлексивные способности студентов и предлагаю вопросы, на которые и зрелый специалист не всегда найдет ответ. Это верно.

---

[2] Сущность деятельностно-активистского подхода наиболее концентрированно представила российскому читателю Алена Леденева (Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хаберманс: учеб. пособие / сост., пер. и вступ. ст. А.В. Леденевой. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995

[3] *Gergen R.J.* Realities and Relationhips: Soundings in Social Construction. Cambridge: Harvard University Press, 1994. P. VII–IX.

[4] См.: *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал, 1999.

Вместе с тем верно и то, что пытливый студент подчас ставит преподавателя в положение школяра (не случайно в английском ученый – scholar), так что мы вместе пытаемся размышлять.

Этот курс надо воспринимать как *авторское* видение нынешнего состояния социологической теории, не более чем одно из многих. Вдумчивый студент сам определит, что представляется здесь стоящим внимания.Я сердечно благодарю студентов за возможность интеллектуального общения.

Примечание ко второму изданию. Прошу обратить внимание на разделы 3.4 и 5.3., в которых обсуждается проблема особенностей российских трансформаций. Из литературы и межстрановых исследований последних двух лет вытекают более правдоподобные заключения относительно нашей «уникальности» в социально-экономических преобразованиях. Можно говорить о некоем «национальном стиле», свойственном разным странам, входящим в изменяющуюся миросистему. Мне представляется важным дополнением раздел 8.2, в котором обсуждается проблема намечающегося сближения между макро- и микротеоретиками – феноменологами и конструктивистами.

Лекция первая
Полипарадигмальность в современной социологии

Различия теоретических подходов в социологических «гранд-теориях», а тем более обилие частных теорий порой вызывают сомнение в том, могут ли социальные исследователи быть причисленными к благородному сословию ученых в классическом понимании «подлинной науки». В западноевропейской академической терминологии утвердилось размежевание областей знания на science и humanities, ибо последние якобы являют собой лишь некоторое подобие науки. Однако вопрос упирается в понимание того, что, собственно, считать научным знанием[1].

1.1. Научные школы и парадигмы. В каждой научной дисциплине к нашему времени имеется множество теорий разной степени общности, так что социология отнюдь не исключение. Чтобы выявить «системные взаимосвязи» между ними и их отношением к различным формам эмпирического знания[2], Томас Кун в своей широко известной работе «Структура научных революций» [4] ввел понятие научной парадигмы. Он рассматривал парадигму в качестве признанной модели, образца постановки и решения проблем, но помимо того, подчеркивает философ науки В.С. Степин, выделял в ней некую «метафизическую» составляющую, «систему онтологических постулатов, конституирующих научную картину мира»[3].

Выбирая круг проблем и методологию их решения, исследователь опирается на некоторое представление о научной картине мира, причем ядро исследовательской программы, как это назвал другой выдающийся представитель философии и логики научного знания И. Лакатос, определяет, какие именно проблемы в принципе подлежат исследованию, а какие не имеют смысла в рамках данной программы или, по Куну, парадигмы.

Например, феноменологу, последователю научной школы А. Щюца, в программе которой центральная проблематика — жизненная повседневность (Everyday Life), концептуальный аппарат не позволяет исследовать метаморфозы социальных институтов, тогда как структурный функционалист, работающий в логике теории Т. Парсонса, не станет задумываться над вопросом, какие смыслы подразумевают те или иные индивиды в своих суждениях или жестикуляции. Здесь разные парадигмы и содержания социологического знания, и методологии исследования.

В рамках одной и той же парадигмы выделяются научные школы или оригинальные направления. Ученик Т. Парсонса и общепризнаный

---

[1] Р. Коллинз озаглавил одну из своих статей «Социология: наука или антинаука?» [3].

[2] См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 188.

[3] Там же. С. 187–188.

структурный функционалист Роберт Мертон интерпретировал функциональность социальных институтов не так, как его учитель. Он, в частности, доказал, что социальным институтам имманентно присуща их скрытая (латентная) функция, которая нередко столь же эффективно стабилизирует социум, как и публично провозглашаемая — явная. Пример: коррупция российских чиновников.

1.2. Почему возникают разные научные школы? Ответов на этот вопрос несколько.

Начнем с того, что, как заметил швейцарский социолог Коэн-Хютер, прежде чем стать Вебером, Макс был немцем[4]. Национальный менталитет сказывается на представлениях социолога о своем предмете. Американский социолог Нейл Смелсер писал: «Мы живем в рамках западной культурной традиции, которая опирается на культурные ценности индивидуализма. Воспитанные в этой традиции, мы предрасположены к тому, чтобы рассматривать отдельную личность в качестве отправной точки анализа»[5]. Общеизвестная особенность немецкого менталитета вполне могло натолкнуть Вебера на мысль, что целерациональность социальных действий — это и есть апофеоз человеческого прогресса. В современной экономической социологии наряду с образом «экономического человека» по Веберу в новом «этнографическом» образе игрок на рынке действует в согласии с этнокультурными практиками, не говоря о персональных особенностях его реакций в ситуации спрос-предложение[6]. Вовсе не исключено, что концепция Питирима Сорокина о будущей гармонии чувственного и рационального, о возобладании любви в отношениях между людьми подсказана не столько холодным разумом, сколько воспитанием в духе православия[7].

Дальше. Психологи, исследующие творчество ученых в рамках субдисциплины под названием «психология науки», находят, что склонность одних к теоретическим построениям, а других — к скрупулезному анализу эмпирических данных и экспериментированию, во многом объясняется их индивидуально-личностными особенностями, равно

---

[4] *Coenen–Huther J.* Sociology between Universalism and Diversity: some remarks on the Alexander-Munch debate // Swiss Journal of Sociology. 1966. Vol. 22. P. 502–503.

[5] *Smelser N.J.* Problematics of Sociology: The Geogre Simmel Lectures, 1995. Berkley: University of California Press: 1997. P. 30.

[6] Экономисты были повергнуты в шок лабораторными экспериментами, получившими название «ультимативная игра». Испытуемым дается задание принять или отвергнуть предложение о разделении некоей значительной суммы. Предлагающий сделку находится в сговоре с экспериментатором и может варьировать условия, скажем, поделить сумму пополам, или предложить 80 процентов. Решающим является условие: если сделка не принята, оба участника ничего не получают. Эффект оказался совершенно не ожиданным: в разных культурах находилось от четверти до половины отказавшихся от сделки.

[7] Национальные особенности социологических школ обстоятельно рассматривает А.Г. Здравомыслов в книге «Социология: теория, история, практика. М.: Наука, 2008». (Часть 1. Гл. 1–12. о социологии в Европе и США).

как и аналитические или способности к образному мышлению — право-левосторонней асимметрией больших полушарий мозга. Чем, собственно, отличается гениальность Моцарта от гениальности Эйнштейна? Лишь тем, что одному природа подарила выдающиеся способности воспринимать мир в звуках, а другому — в абстрактных формулах. Психологи выделяют неодинаково развитые интеллектуальные способности людей к обобщению, абстрагированию или скрупулезному анализу событий, фактов. В науке первые — генералисты, вторые — партикуляристы, теоретики и эмпирики.

Обстоятельства первичной социализации и последующего обучения профессии также играют немалую роль в формировании научной школы того или иного ученого. Э. Гидденс, А. Турен и многие другие из современных теоретиков активистского направления в студенческие годы были отчаянными «леваками». Турен прослыл одним из лидеров студенческих бунтов 1970-х гг. против господства бюрократии и «жирных», проживающих в роскоши. В 1974 или 1975 г. он приехал в Ленинград во главе делегации французских социологов и шествовал по Невскому проспекту впереди всех без головного убора с красным шарфом, в длинном пальто нараспашку. Я хорошо понимаю, почему именно этот социолог написал книгу «Возвращение к человеку действующему».

И все-таки решающим фактором в многообразии научных направлений является многообразие социального мира. Именно здесь первопричина разного видения и несхожести концептуализации единого для социальных исследователей объекта. Как и в обыденной жизни, в одних и тех же событиях одни замечают что-то важное, на что другие внимания не обращают. Наконец, социальные изменения порождают принципиально новые процессы и формы общественной жизни, требующие осмысления.

1.3. Социологические метапарадигмы. Обилие научных школ побудило науковедов к выявлению парадигм и конструированию метапарадигм — метатеорий[8]. Сверхпарадигма предполагает вынесение за скобки не только особенностей научных школ, но и особых парадигм. Следует подняться до более широкого обобщения, по сути, социально-философского уровня. Попробуем конкретизировать определение метапарадигмы применительно к социологии.

Метапарадигма в социологии есть такое системное представление о взаимосвязях между различными теориями, которое включает: а) принятие некоторой общей для данных теорий философской («метафизической») идеи о социальном мире с ответом на критериальный вопрос: что есть «социальное»?, б) признание некоторых общих принципов, критериев обоснованности

[8] Проблему мультипрадигмальности социологии как ее нормальном состоянии впервые сформулировал в середине 1970-х Дж. Ритцер [7].

и достоверности знания относительно социальных процессов и явлений и, наконец, в) принятие некоторого общего круга проблем, подлежащих или, напротив, не подлежащих исследованию в рамках данной парадигмы.

Под углом зрения первого критерия — «что есть социальное» целесообразно особо выделить два принципиально различных типа теорий, которые методологически расходятся в трактовке социального действия и которые в терминологии Дж. Александера можно назвать методологическим холизмом (от англ. Whole – целое) и методологическим индивидуализмом[9]. Холизм в данном случае есть признание доминирования общесоциального над индивидуальным, а индививидуализм — позиция признания индивидов — первопричиной социального действия. Так, феноменологи исходят из принципа индивидуализма, а структурные функционалисты – из принципа доминирования социальных структур в регуляции социальных действий индивидов и их сообществ.

Предложено немало парадигмальных классификаций, которые по сути представляют собой метапарадигмы. Важно иметь в виду, что всякая классификация так или иначе целеориентирована. Так, Дж. - Ритцер, один из первых авторов метатеоретических построений в социологии, выделяет три метапарадигмы: парадигму социальных фактов, парадигму социальных конструкций и парадигму социального поведения, каждая из которых утверждает свою онтологию социального мира[10]. В первой — это надындивидуальные социальные структуры (например Дюркгейм), во второй — совокупности интенционально действующих социальных субъектов (Вебер) и в третьей — собственно поведение этих субъектов (бихевиоризм). Т. Джонсон, К. Дандекер и К. Шуорт классифицируют метапарадигмы по характеру представлений о природе социальной реальности как материальной или идеальной и по критерию философского номинализма или реализма [2]. В целях классификации теории деятельности (и практической рациональности) И. Девятко выделяет в качестве основных: парадигмы натурализма, интерпретивизма (или конструктивизма), структурализма и функционализма[11]. Предложены и другие классификации[12].

В своей классификации мне хотелось отразить процесс развития, трансформаций социологической теории, исходя из того, что социологи-

[9] Подробнее см.: *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. С. 44–47. Классификация по критерию холизма-индивидуализма сопряжена с дихотомией макро- микросоциологии, о чем см.: разд 8.2.

[10] *Ritzer G.* Sociology. A Multiple Paradigm Science. Boston, 1976.

[11] Девятко И.Ф. Цит выше. С. 67–78

[12] См., например: *Зборовский Г.Е.* Метапарадигмальная модель теоретической социологии // Социс. 2007. № 12.

ческие парадигмы отражают представления о «картине мира», доминирующей в мировосприятии данной исторической эпохи. Сама по себе научная картина мира не является интимной составляющей социологической парадигмы; это скорее та самая метафизика, которая диктует образ социального и ответ на критериальный вопрос о соотношении объективных закономерностей социальных изменений и роли социальных субъектов в этих процессах.

Здесь-то и возникает граница между естествознанием и гуманитарными науками. П. Штомпка отлично сформулировал существо разделительной полосы в предисловии к русскому изданию своей книги о социологии социальных изменений: «Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление социальных преобразований»[13].

Принципиальные различия между социологическими метапарадигмами определяются ответами на следующие ключевые вопросы: общества изменяются по не зависящим от людей объективным закономерностям (онтологизм), или изменения производят социальные субъекты, коллективные либо индивидуальные (субъективизм), или же имеет место и то и другое (реализм в понимании Норберта Элиаса[14]). Повторю, что главная цель предлагаемой классификации — уяснить применительно к социологии, как в этой области знания находит свое выражение историко-культурная последовательность смены представлений о научной картине мира[15]. Тогда вместо поляризаций в системе эвклидовых плоских координат вырисовывается иная типология метапарадигм (схема 1).

Классика XIX–середины XX в. соответствует первой горизонтали нашей схемы. Великие теоретики XIX в., традиции которых завершаются Парсонсом (да и Сорокиным), стремились к созданию именно целостной и всеобъемлющей макротеории, отвергая любые иные построения с той же претензией. В послевоенные 1940-е гг., по ироническому выражению Гидденса, структурный функционализм приобрел статус «единственной научной теории». Противостояние на политико-идеологическойарене в не меньшей мере стимулировало представителей противоположного лагеря к утверждению о единственно научном подходе марксизма[16].

---

[13] *Штомпка П.* Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 9.

[14] *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

[15] Аналогичную мысль (не будучи знаком с работой В. Степина) высказал П. Штомпка, который заметил, что новая метапарадигма призвана привести социологическую теорию в соответствие с новым обликом науки [П. Штомка, там же].

[16] В преамбуле Профессионального кодекса социолога, принятого Советской социологической ассоциацией, говорилось, что исторический материализм и есть общая социологическая теория. Никакой иной теории не предполагалось в данной функции.

Схема 1. **Социологические метапарадигмы**

Историко-культурные этапы в науке	Научная картина мира	Что есть общество или социальное	Критерий научности	Критерий обоснованности знания (социального в частности)
Классическая наука	Мир не зависим от нас. Надо выявить его свойства и законы развития	Целостная система	Воспроизводимость знания путем применения той же методологии	Стройная непротиворечивая теория
Постклассика — модерн	Мир объективен, но ученый не может адекватно его отразить	Социальные взаимодействия	Принцип дополнительности в физике, понимающая социология	Подтверждение предсказанного и ранее не наблюдаемого
Постпостклассика. Наука нашего времени (граница XX–XXI вв.)	Мир в постоянном изменении	Конструкции непрерывно меняющейся реальности агентами, которые и производят социальные изменения	Ясность исходных посылок и методологии. Дискурс в научном сообществе	Неоднозначность, т. е. множественность объяснения изучаемых процессов (феноменов)

Первопричина возникновения принципиально иной метапарадигмы — отвержение научной картины мира, которая представляется устаревшей. Постклассический период в науке, каковой трудно отделить жесткой границей от современности, знаменуется несомненным отказом от следования «единственно правильной» теории и порождает своего рода теоретико-методологические гибриды. Так, П. Бурдье называл свой подход «структуралистским конструктивизмом» или «конструктивистским структурализмом».

Парадигмальная революция была следствием исторического диспута о методе в конце XIX в.: объяснение социального недостаточно. Необходимо его понимание. Вильгельм Дильтей заимствовал термин «герменевтика» из практики богословов, стремившихся истолковать священные тексты, но внес в него иной смысл: следует установить понимание между создателем некоторого текста и его интерпретатором, для чего необходимо понять «дух эпохи». И вправду, нет нужды понимать траектории движения планет, но смысл социальных действий понимать необходимо. Из великих социологов М. Вебер первым применил герменевтику как методологический принцип интерпретации социального действия в его подлинном культурном контексте.

Мощным аргументом в пользу такого подхода, как ни странно, ока-

залось открытие физиками мира высоких энергий: микрочастицу невозможно одновременно фиксировать по ее массе и пространственным координатам потому, что прибор воздействует на состояние поля высоких энергий. Физики нашли решение — расчеты погрешностей эксперимента с применением поправочного коэффициента (принцип дополнительности Нильса Бора). В советское время один из коллег предложил сконструировать такой же принцип для социологического исследования. На каком основании? На том, что, как утверждалось в то время, возможна одна единственная научная социология, выявляющая объективные закономерности социальных процессов, — марксистко-ленинская.

Сегодня мы отчетливо сознаем, что фундаменталистский натуробъективизм способен привести к ложному социальному знанию. В. Томас утверждает: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям»[17]. Эта формула заслужила статус «теоремы Томаса».

Подтверждение формулы Томаса мы наблюдаем ежедневно. Нам непрерывно навязывают многообразные конструкции российской действительности, равно как и образы врага. Натуробъективизм здесь абсолютно неуместен. Кто возьмется рассчитать «поправочный коэффициент» к демонстрации картинок военных действий в Ираке, признания рядом стран независимости Косово, или грузино-российского конфликта в период Всемирной Олимпиады 2008-го года? Как получается, что действующий российский президент устойчиво пользуется высоким доверием граждан, а все социальные институты, призванные обеспечивать порядок и законность, — нет?

В приведенном афоризме Штомпки я вижу влияние идей Карла Поппера о самореализующихся и самопарализующих предсказаниях. Маркс никогда не утверждал, что социализм может быть построен в отдельно взятой стране. Объективные закономерности развития человеческой цивилизации, по его теории, должны были привести к всемирной пролетарской революции и господству непосредственного обмена деятельностью между людьми, ликвидации рыночных механизмов, преодолению отчуждения труда — продажи своей рабочей силы, своего истинного человеческого существа. Маркс и Энгельс были убеждены в том, что мировая пролетарская революция вспыхнет в наиболее развитых странах капитализма, где классовое противостояние достигнет предела. Ленин провозгласил иную идею революционного переустройства мира: революция может начаться в самом слабом звене мирового капитализма, в России. Советские философы подсказали Сталину концепцию «построения социализма в отдельно взятой стране». Итог? Создание Советского Союза радикально повлияло на «движение планет» в социальной галактике.

---

[17] *Thomas W.* Das Kind in Amerika // Person und Sozialverhalten. Neuwield, 1965. S. 114.

Последний парадигмальный сдвиг связан с очередным пересмотром научной картины мира, утверждением процессуальности, изменчивости, в том числе и траекторий планет. Астрономы наблюдают трансформации галактических систем, обнаруживают новые «черные дыры», которые вбирают в себя космическую материю и образуют что-то непонятное вроде антимиров.

В социологии этот сдвиг детерминирован резким возрастанием динамизма социальных изменений: глобализация, распад системы социалистических стран, возрастание природных, техногенных и социальных рисков. Другими словами, если сам мир изменяется, то может ли оставаться неизменной социальная теория, претендующая на его объяснение и понимание?

Впрочем, акцент теоретиков активистского направления на динамизме и решающей роли социальных субъектов в современном мире не означает отвержения объективных социально-экономических закономерностей, хотя влияние последних заметно слабее, чем в минувшие века, когда человек целиком зависел от природных условий, а позже от созданной им социокультурной среды. И Норберт Элиас, и Маргарет Арчер, и Энтони Гидденс, и многие другие подчеркивают роль традиции в современности. По сути, это вновь следование Марксу[18].

1.4. Нынешнее состояние макротеории. Оно характеризуется множественностью подходов, теоретических и методологических. Например, конструктивисты разделились на два лагеря — радикалов, действующих в согласии с «теоремой Томаса», и умеренных, как Бергер и Лукман, признающих существенное влияние объективных социальных процессов на субъективные конструкции реальности[19]. Чикагская школа культурантропологов, которая заслужила всеобщее признание в период Великой депрессии 30-х годов прошлого века, внесла колоссальный вклад в теорию и особенно — методологию эмпирических исследований. Они убедительно показали, что гарвардские системники во главе с Парсонсом бессильны в понимании и объяснении того, что происходило тогда в Америке банкротов и сухого закона. Основатели школы Л. Уорд, В. Смолл и их последователи обратились к непосредственному изучению жизненного мира

---

[18] «Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (*Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119).

[19] В интервью Т. Лукман говорит, что приписывание ему и П. Бергеру образа конструктивистов — штамп. Комментируя идею их известной книги, он замечает: «Ее замысел заключался в том, чтобы представить определенный взгляд на социальную теорию в категориях социологии знания. Она избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии Макса Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида» (Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 8).

простых людей и заложили основы современной так называемой качественной методологии. В последующем между исследователями макропроцессов и изучающими повседневную жизнь людей образовался разрыв, получивший название макро-микро-дилеммы. Сейчас, как я думаю, наметилось сближение между макро- и микро-исследователями (См. разд. 8.2). Одна из причин всплеска интереса к качественной методологии в наше время — многосложность социальных процессов, возникновение ранее неизвестных поведенческих практик.

Возрождается историческая социология, рушатся междисциплинарные границы. Так, социология политики пересекается с политологией; лингвистика вошла в корпус культурологии и социологии культуры. «Культуральная» парадигма претендует на статус макросоциологической теории (см. подробнее раздел 5.1.). Целая плеяда психологических концепций излагается в нормальных социологических пособиях — психоаналитики, бихевиористы, когнитивисты и ныне психологи-постмодернисты. Присовокупим к названному ряду теорию динамического хаоса социальных систем Ильи Пригожина и синергетику, науку об искусственном интеллекте. Напомним, что Гидденс ввел в социологию компонент природной телесности, а А. Страусс совершил переворот в социологии медицины и помимо ролей врача и пациента ввел «роль» медицинского инструмента.

Стираются границы между социальными дисциплинами и естественно-научным знанием. Эммануил Валлерстайн в преддверии новых выборов президента Международной социологической ассоциации, пост которого он тогда занимал, в составе международной и междисциплинарной комиссии независимых экспертов представил доклад о перспективах развития социальных наук в новом, уже наступившем столетии[20]. В докладе а) утверждалось: социальные науки в ближайшем будущем отринут дисциплинарные границы и сосредоточатся на объекте исследования (пример — бывшая советология, японистика и подобные, где в одном научном учреждении работают историки, филологи, экономисты, социологи, но также географы, военные специалисты и др.); б) прогнозировалось разрушение границ между Staatswissenshaft (науками государственного статуса вроде экономической или юридической) и всеми другими в демократическом гражданском обществе. Можно сказать так: границы между науками становятся прозрачными. Однако, пересекая эти границы, каждая научная дисциплина сохраняет свой профессиональный лексикон, и все вместе мы стремимся понять друг друга, сохраняя свою научно-дисциплинарную идентичность.

Не меньше проблем в области методологии. Одна из них — применение статистик, основанных на нормальном распределении, в то время как таковые редко встречаются в обществе. Эта же проблема

---

[20] Архив МСА.

и у экономистов, которые высчитывают средний доход тысячи сверхбогатых и миллионов остальных[21].

Необходимо сказать несколько слов о «постмодернистском проекте». Постмодернизм возник прежде всего на почве разочарования в каких бы то ни было идеологиях, ни одна из которых не привела человечество к провозглашаемым вершинам благополучия. Объективная, т. е. реальная основа социологического постмодернизма — фрагментарность макросоциума, в котором сосуществуют благополучные и бедствующие страны и сообщества. Электронные массмедиа предлагают коллаж сюжетов давнего прошлого, настоящего и будущего, коктейль из сюжетов, локализованных в мировом пространстве, сопровождают фактуальные демонстрации в режиме «live» прямо с места катастроф и боевых действий, сопровождая картинку противоречивыми толкованиями и т. п. Вольно или невольно люди осваивают свое жизненное пространство «здесь и сейчас» соответственно базисному принципу постмодернистского мировосприятия hear and now.

Что касается социальной теории, то постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий как таковых. Р. Коллинз справедливо замечает, что постмодернисты рассматривают социологию всего лишь как интеллектуальный дискурс, далекий от познавательной и практической функции научной дисциплины, поскольку это направление вообще отрицает существование законов социального мира[22]. С. Сидман, анализируя труды М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара, приходит к заключению, что, по мнению авторов, «тот тип социальных теорий, что сегодня имеет место, должен быть заменен многообразием социальных теорий в виде широкого социального нарратива (т. е. рассказа, описания. — *В. Я.*), каковой имеет дело с историей возникновения и развития, описанием кризисов, упадка или прогресса на основе регистрации реальных событий, не претендуя на единственно верное понятийное толкование зеркальных образов социального универсума»[23]. И добавляет: «Социальное в данном подходе существует лишь в пространстве возможного, оно “гибнет в претензии на реальное”».

---

[21] М.Ф. Черныш на одном из семинаров в Институте социологии РАН заметил, что мы оказываемся заложниками монополии Microsoft на рынке компьютерных программ. Новации исследователя, скажем, в разработке коэффициентов с опорой на негауссово распределение Ципфа выталкивает его из сообщества, так как все работают с SPSS и утрачивается возможность сопоставления данных.

[22] *Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука // THESIS. 1994. № 4. С. 18. Постмодернизм подвергается особенно жесткой критике со стороны марксистов за отказ от попыток прогнозировать будущее. Постмодернизм – понятие, которым характеризуют комплекс современных социоэкономических, культурных, политических и технологических трансформаций, но как ни нызывай, это трансформации капиталистического рынка. И они поддаются научному осмыслению, пишет английский социолог в статье «Что происходит с постмодернизмом?» (Steve Matthewman. What Happened to Postmodernism? // Sociology. BSA Publications. V. 40(3): 529–547. London.

[23] Цит. по: *Camic Ch., Gross N.* Contemporary development in sociological theory: Current projects and conditions of possibility // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 476.

Действительно, претендовать на открытие бесспорной истины социальная наука не может хотя бы потому, что, как утверждает диалектика, истина всегда относительна. В практическом применении обоснованное социальное знание должно быть адекватным и предмету исследования, и некоторой практической задаче. Но совершенно иное дело — подменять социальное знание «широким нарративом», описанием социокультурных «текстов», каковые каждый волен толковать как ему вздумается. «Главный род деятельности, который дает социологии интеллектуальное оправдание, — пишет Р. Коллинз, — это формулировка обобщенных объяснительных принципов, организованных в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир» [3. С. 246]. Социальная наука во все времена существует для удовлетворения одной из важнейших потребностей — понимания существующего общества и прогнозирования его развития. В противном случае этот социальный институт утрачивает свои основные функции и превращается в арену для состязаний в красноречии, в беспредельный дискурс амбициозных субъектов, озабоченных демонстрацией своего интеллекта.

Примечательно, что постмодернизм с его принципом текучести и неопределенности всего и вся побудил в современной социологии интерес к объяснению человеческого поведения устойчивыми, неизменными природными инстинктами[24]. Роль инстинктов в поведении человека была убедительно доказана эволюционистами. В середине 1950-х сформировалось этологическое направление в биологии — исследования схожести поведении животных и человека. Еще Дарвин писал, что нам милы обезьяны своими ужимками, гримасами вполне «человеческими». Этологи обратили внимание на подсознание в ином плане, сравнительно с Фрейдом: дети во сне летают, как павианы, перепрыгивая с ветки на ветку. Этология убеждает в том, что и коллективное поведение людей также несет следы *до*человеческого. Семья человекообразных, встречая другую семью на границе своей территории, выстраивается в шеренгу, вожаки выходят вперед и либо вступают в схватку, либо обнимаются. Первое напоминает кадры из американских фильмов о разборках чикагских мафиози, а второе мы можем наблюдать в новостных сюжетах ТВ, сообщающих о встречах президентов дружественных стран.

Спрашивается, почему в наше время социологи обратились к этологическим изысканиям? Я думаю потому, что теории ускоряющейся трансформации социальных систем, становления глобальной цивилизации рисков и т. п. продуцируют в социологическом сообществе потребность искать теоретические обоснования стабильности неразрывных связей человека

[24] Символично название книги одного из представителей этого направления англичанина М. Ридли — «Неутомимые гены: Как нас учит природа» (*Ridley M.* The Agile Gene: How nature turns on nurture. N. Y.: Harper Collins publ. Inc., 2004).

с природой. В том же направлении следует искать и возрастание интереса к антропологическим изысканиям, в частности, изучению имеющихся свидетельств о том, каким образом первобытный человек формировал социальные институты, позволяющие адаптироваться к среде обитания.

Обладает ли такой подход эвристическим потенциалом? Скорее всего, да. Но существенно меньшим, чем деятельностный. Макросоциальные трансформации индивидуальные поведенческие программы не объясняют, да и обыденное поведение тоже. Например И.Ф. Девятко описывает теорию П. Ричерсона и Р. Бойда о таких механизмах, предполагая, что здесь можно найти ответ на вопросы о способах распространении воздействия социальных институтов современной глобальной системы на институты отдельных стран. Авторы теории предполагают, что механизмы родственного и группового отбора просоциальных культурных норм эффективно обеспечивали кооперацию и социальную интеграцию на уровне семейной группы и племени. Почему не предположить, что и глобальные институты «отбирают», а затем целенаправленно утверждают путем международных соглашений те или иные экономические и политические институты?[25] Но было бы наивностью бросаться в крайность. Макросоциальные трансформации индивидуальные поведенческие программы не объясняют, да и обыденное поведение лишь частично.

Рассуждая таким образом, мы можем усмотреть ниточку связи между постмодернистами (here and now, т. е. здесь и сейчас — это из постмодернистской лексики) и их противниками — биологистами. Чтобы оставаться самим собой в калейдоскопе событий, следует воспринимать окружающую среду контекстуально, не задумываясь о прошлом и будущем. З. Бауман нашел метафору: постмодерный человек подобен туристу. Турист извлекает удовольствие из созерцания Колизея, паломник (традиционная личность) предпринимает утомительное путешествие в Иерусалим или хадж в Мекку ради успокоения души[26]. У меня возникает аналогия с поведенем моего кота. Я не волнуюсь за своего кота, уходя из дома. Думаю, он не страдает в мое отсутствие. Он чувствует дискомфорт лишь в момент захлопывания двери. Спустя секунду следит за птичками в окне или дремлет. Бежит с поднятым хвостом, когда дверь открывается. Он живет «здесь и сейчас».

Из отечественных социологов наиболее радикальную позицию в логике постмодернизма сформулировал Л.Г. Ионин. Он считает, что социология как область социального знания — продукт модерна с его верой в рациональность и «расколдовывание мира», по М. Веберу. «Создается впечатление, — замечает автор, — что западная или буржуазная социология… не в силах взломать свою железную клетку с

---

[25] *Девятко И.Ф.* От теорий социетальной эволюции к анализу глобального общества: альтернативные интерпретации и перспективы синтеза // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 82–110

[26] *Бауман З.* От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.

прутьями из рациональности, закономерности и развития. Если это так, то мы живем в преддверии конца социологии…»[27]. Автор видит выход из данного состояния в движении «в сторону социологии культуры и социологии знания в духе интеракционизма и "понимания", а также сдвига в направлении антропологизации социологии»[28].

Я думаю, что дилемма «рациональность» или «понимание» — это непродуктивно сформулированная проблема. Более продуктивен поиск диалектического ее разрешения, органичного совмещения микро-макроподходов, анализа и понимания повседневности человеческих взаимодействий и социальных структур, в которых они имеют место. Деятельностная парадигма открывает простор для такого совмещения. Петр Штомпка предпринял попытку изложить содержание современного социологического знания в его органичной целостности как последовательного осмысления и объяснения активности человека в многообразных общностях. В изданном в 2002 г. учебнике «Социология» [10] автор начинает свой курс не с традиционно принятых обсуждений что есть общество, социальные институты и культура, но «снизу», с уровня индивидуальной активности и взаимодействий между людьми (первая часть книги названа «Активность человека»), продвигается к проблематике социальных общностей, культуры и социального расслоения, а завершает свой курс рассмотрением механизмов функционирования общества и социальных изменений[29].

Главный вывод из сказанного состоит в том, что современная теоретическая социология полипарадигмальна. Правда, в отечественной литературе высказываются мнения о том, что данное утверждение «узаконивает беспринципную эклектику» и что «концепция полипарадигмального подхода опирается на определенные идеологические и философские принципы, а именно – либералистские и прагматистские»[30]. Мне представляется, что в данном случае не следовало бы бросать обвинения идеологического свойства, т. к. мы имеем дело с реальным процессом развития и социологии и других гуманитарных наук.

В самом общем виде состояние мировой социологии можно было бы характеризовать следующими тенденциями[31]:

---

[27] *Ионин Л.Г.* Парадоксальный сон. М.: Академический проект, 2005. С. 261.

[28] Там же.

[29] Характерна динамичная последовательность в названии глав: «От поведения к социальным действиям» — «От социальных действий к взаимодействию» — «От взаимодействия к социальным отношениям» — «От социальных отношений к организации» — «От организации к социальной структуре»…

[30] См. Малинкин А.Н. Полипарадигмальный подход в социологии: мнимый выход из мнимой дилеммы // Логос. 2005 (в производстве). На сайте декан В.И.Добреньков сообщил о создании на социологическом факультете МГУ Центра консервативной социологии, который, надо полагать, предложит концепцию преодоления либерализма и прагматизма в теоретических изысканиях: (http://sorokinfond.ru/index.php?id=446)

[31] См. также: Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социс. 2007. №1.

– дальнейшее разветвление в теоретико-методологическом пространстве и негласное принятие постулата о невозможности создания в современном мире какой-либо «интегральной» теории;

– размывание границ между «отраслевыми» социологиями (middle range по Мертону) и более того — между социальными и гуманитарными дисциплинами;

- концентрация на комплексном подходе с участием представителей разных областей знания и практиков исследования и поиска решений текущих, в особенности «эмерджентных» социальных проблем, в осмыслении которых имеющиеся подходы не помогают;

– дальнейшее размежевание макро и микро-социологии, с одной стороны, тенденция к устранению этого разрыва, с другой.

Исследования жизненной повседневности индивидов в особых социальных контекстах становятся целевым предметом изучения, размывая грань между социологией, социоантропологией, антропологией, журналистикой и кинодокументалистики. Вместе с тем и макротеоретики и феноменологии обращаются к понятию практик, что позволяет концептуально и на эмпирическом уровне «наводить мосты» между сторонниками этих парадигм[32].

В отечественной социологии наблюдаются две противостоящие тенденции. Одна — следование классическим и современным теоретико-методологическим подходам вне зависимости от их «национального» происхождении, и другая – призыв к созданию национальной русской социологии. Вторую позицию я здесь не буду обсуждать, она заслуживает особого рассмотрения[33]. Замечу лишь, что следование признанным в мировом социологическом сообществе теоретико-методологическим подходам с непременной коррекцией к российскому обществу, я полагаю, является нормальным процессом обогащения социально-научного знания.

Рекомендация студентам. Петр Штомпка в своем выступлении на конференции в Москве о мировом опыте в области преподавания социально-экономических дисциплин[34] предложил необычную классификацию теорий под углом зрения дидактики, т. е. педагогики образования. Целевая задача классификации: что студент может извлечь из того или иного класса теорий? Я привожу его классификацию с собственными комментариями. Штомпка выделил эвристические, аналитические и экзетерические теории.

Эвристические теории, близкие к социальной философии, затрагивают вечные вопросы: а) что является основой социального порядка? и

---

[32] См. раздел 8.2. Проблема «макро-микро» в теории и программировании эмпирического исследования.

[33] См. разд. 8.3. Должна ли теория иметь «национальные» черты?

[34] Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социс. 2005. № 10.

б) каковы механизмы социальных изменений? Именно в таких теориях прежде всего и отражаются метапарадигмальные сдвиги. Постпостклассический период, как это обозначено в нашей схеме, Штомпка характеризует тремя историческими сдвигами. Первый — от концепции устойчивости социальных систем к концепции их подвижности. Социальный порядок представляется продуктом конструирования субъектами. Второй — переход от образа эволюции или развития к образу «социального становления». Он концептуализируется в понятиях «открытого сценария» (Дж. Тилли) и эмерджентности (Р. Мертон, М. Арчер, П. Штомпка и др.). Третий — интерпретативный, поворот к приоритету культуры: от homo economicus Вебера к homo sociologicus Дарендорфа, теории рационального выбора (Дж. Коулмен) и до homo cogitus — «человека знающего», но ограниченного коллективными символическими системами представлений и норм (Дж. Александер, Н. Луман, Леви-Стросс, Ф. де Соссюр, А. Щюц). Вторая разновидность культурного поворота, как считает Штомпка, это текстуализм, постструктурализм, теория дискурса М. Фуко. Социальная реальность есть разновидность текста. Третья версия этого поворота — Хабермас: теория коммуникативного действия (я бы добавил сетевую теорию Э. Кастельса).

Наконец, еще одна особенность новейшего исторического сдвига — акцент на практическое знание (Гидденс, этнометодологи, Гарфинкель, Бурдье). У Бурдье хабитус — отрефлексированный набор практических действий. При этом выделяется роль тела как инструмента действия (Э. Гидденс, Б. Тернер), эмоций как сопутствующих и значение среды как контекста действия.

Аналитические теории соединяют теорию и эмпирию путем продуцирования гипотез и обобщения понятий, типологизируют, классифицируют, играют вспомогательную, инструментальную роль, и этим близки к теориям среднего уровня, например ролевой, референтнтных групп. Теория данного класса «дает студенту основные элементы профессии».

Экзетерическая (объяснительная) *теория* — анализ, толкование, систематизация, реконструкция, критика существующих теорий. Чем запутаннее теория, тем более она вдохновляет дискуссии, — замечает Штомпка. Экзетерическую стадию прошли Т. Парсонс («Структура социального действия»), Э. Гидденс («Капитализм и современная социальная теория»), Н. Смелзер («Объяснение и современная социальная теория») и другие крупные теоретики, к числу которых надо добавить и самого Штомпку («Становление социального становления»).

Я бы советовал студентам, не претендующим на научную карьеру, штудировать авторов, которых Штомпка относит к аналитикам. Тем же, кто намеревается посвятить себя науке, надо внимательно читать эвристиков и экзетеристов. Тем из студентов, кто планирует свое профессиональное будущее как «академическое» (работа в науке и преподавательская деятельность) очень полезно следить за развитием нашей области знания по выпускам ежегодника Международной

социологической ассоциации (МСА) — «Annual Review of Sociology». Материалы международных конгрессов содержат наряду с достойными внимания массу «академической шелухи», а ежегодник публикует тексты, которые тщательнейшим образом отбираются редсоветом, состав которого утверждает Исполком МСА.

Итак, состояние современной социологической теории — это многообразие школ, направлений и парадигмальных «созвездий». В их ряду мы придерживаемся того направления, которое его сторонники называют по-разному: деятельностным, активистским, реалистским, диалектическим. Его отличительная особенность — стремление совместить макро- и микроанализ социальных процессов в принципе, утвердить в качестве реалистической картины социального мира наличие в нем объективно существующих структур и институтов, каковые воздействуют на формирование личности. В данных теориях акцент анализа сконцентрирован на процессах социально-системных изменениях, более обстоятельно, нежели на итоговом продукте деятельности социальных субъектов (агентов), каковые фиксируются не в терминах их повседневной активности, но в обобщенных понятиях их «социального ресурса» или «социального капитала». Целевая интенция этого подхода в том, чтобы утвердить доминирующую роль деятельных социальных субъектов, которые практически преобразуют социальные структуры и институты. Иными словами, пафос деятельностно-активистских теорий состоит в том, что в нашу эпоху люди, сообразуясь с традициями прошлого, экономическими и другими условиями, все же сами делают свою историю.

Историко-культурные различия научной картины мира вполне объясняются поначалу чувством бессилия социальных субъектов перед лицом внешних обстоятельств. Но по мере возрастания роли «человеческого фактора», наиболее явно проявляющегося в научных и технических революционных открытиях, массовых социальных движениях, деятельном обустройстве людьми их собственной жизни и т. п., социальные теоретики не могут игнорировать столь радикальные перемены. Они приходят к заключению, что сами закономерности человеческой истории становятся иными.

Вопросы для усвоения темы

1. Причины множественности социологических теорий.
2. Понятие научной парадигмы и научной школы
3. Критерии достоверности знания в рамках разных макропарадигм.
4. Особенности деятельно-активистских теорий.
5. Чем обусловлен постмодернизм в социологии и насколько этот подход эвристичен в анализе российского общества?
6. Основные повороты в социологической теории ХХ века.
7. Классификация социологических теорий П. Штомпкой под углом зрения их «пользы» для студентов, по разному планирующих свое профессиональное будущее.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: ИС РАН. Библиотека Центра социологического образования, 2003.

2. *Джонсон Т., Дандекер К., Шуорт К.* Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // THESIS. 1993. № 1.

3. *Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука? // Там же. 1994. № 4.

4. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1997.

5. *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

6. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. Перевод с англ. М.: Прогресс, 1985.

7. *Филиппов А.Ф.* О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1/2.

8. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. / Пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисициной. М.: Питер, 2002.

9. *Штомпка П.* Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996.

10. *Штомпка П.* Социология: Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005.

11. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социс. 2005. № 10.

Дополнительная

12. *Camic Ch., Gross N.* Contemporary development in sociological theory: Current projects and conditions of possibility // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 453–476.

13. *Hennen P.* The Narrative Turn in Sociology - http://www.soc.umn.edu/-trcweb/homewpage/stu-pub/publications/HennenQual.PDF

14. *Ritzer G.* Contemporary sociological theory. New York: McGraw Hill, 1992.

Лекция вторая
Социальные общности и общество как объект социологического исследования

2.1. Обсуждение проблемы о предмете социологии

Коль скоро теоретическая социология полипарадигмальна, то и представления о предмете дисциплины различны. Наш предмет — либо органичная системность социума[1], либо особенности социальных взаимоотношений, либо ментальные конструкции этих отношений, каковые и диктуют повседневное поведение людей. Можно уверенно сказать, что все три метаобраза предмета нашего знания реалистичны и имеют разумные основания.

«Первоклассики» (Конт, Дюркгейм, Спенсер) ухватили суть — в обществе все функционально взаимосвязано ради поддержания его стабильности. Прямая аналогия с биологическими организмами. Как ни покажется странным, В.И. Ленин, единожды употребив термин «социология» в позитивном смысле, именно эту идею и подчеркнул: общество есть устойчивое и функциональное социальное взаимодействие подобно живому организму[2].

Я уверен, что в 1960-е гг., годы хрущевской «оттепели», но особенно в эпоху брежневского застоя публично отвергаемый «буржуазный» структурный функционализм отлично вписался в тогдашний марксизм-ленинизм не без идеологической подпорки в сочинениях Ленина. Функциональность социальных институтов, обеспечивающих стабильность существующей системы — великолепно! КПСС — «совесть народа» и есть ведущий из социальных институтов. Социальные перемещения (термин «социальная мобильность» стыдливо не употреблялся) — своего рода мотор прогрессивных изменений в социальной структуре и особенно уничтожения противоположностей между умственным и физическим

---

[1] С учетом современного состояния философского и социологического знаний проблему целостности общества-социума рассматривает Н. Лапин в рамках антропосоциетального или социетально-деятельностного подхода. Данный подход, пишет автор, «это понимание социума как органичной целостности, которая порождается противоречивыми действиями/взаимодействиями социальных акторов и подвержена угрозам рисков» (*Лапин Н.И* Антропосоциетальный подход: методологические основания социологического измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 22).

[2] В заметках на сочинения Гегеля (у Гегеля — «Только взаимосвязь — пустота») Ленин писал, что необходимо установить основу, базу социального взаимодействия. Такой базой являются экономические отношения, отношения в сфере производства. «Поэтому мы и говорим, что марксистская *социология* (выделено авт.) — это наука об *общественных отношениях* (выделено авт.), о закономерностях развития и *функционирования общественного организма как целого* (выделено авт.), о закономерностях развития и функционирования относительно самостоятельных компонентов общественного целого, в основе которых в конечном счете лежат объективные отношения в сфере производства» (*Ленин В.И.* Соч. Т. 29. С. 146).

трудом. Тогдашний марксизм оказался очень гибким к прагматическим модификациям[3].

Конструктивистское и феноменологическое акцентирование на исследовании субъектного восприятия социальных взаимосвязей также имеет веские основания. Это, по Норберту Элиасу[4], и есть сама реальность, ее «фигурации»: частично в не поддающихся прямому воздействию человека состояниях, а частично — именно подвластных и практическому и тем более мысленному реконфигурированию. И что мы имеем «в сухом остатке» относительно предмета теоретической социологии? Качественные различия сообществ и обществ прежде всего *по критерию особенностей социальных взаимоотношений.*

На макроуровне в марксизме — это отношения производственные — господства и подчинения на основе владения средствами производства или необходимости продажи своей рабочей силы; у Фердинанда Тенниса [5], лучше других сторонников онтологического представления о всеобщей социальной эволюции выразившего суть проблемы, это общинные или рационально-общественные отношения — Gemeinschaft и Gesellshaft, что часто не переводится, но используется в терминологии немецкого оригинала[5]. Теннис, в отличие от Вебера, как подчеркнул А. Малинкин во вводной статье к публикации Тенниса, вовсе не считал переход к гезельшафтным отношениям несомненным прогрессом. Современное человечество утрачивает некое органическое свойство общественного homo sapiens — непосредственность межличностного общения. Именно потому Рональд Робертсон пишет о «глобальной деревне» в виртуальном пространстве Интернет[6], где ради забавы 75-летний профессор в chat может представиться молоденькой девушкой, а его корреспондент, будучи одинокой скучающей дамой, представит себя молодым предпринимателем или бравым офицером. Почему практически ни одна из конференций экономистов (также и социологов) не проходит без дискуссии на тему межперсонального доверия (trust)? Потому, что, как первым заметил Энтони Гидденс[7], люди (предприниматели в осо-

---

[3] В СССР это происходило в своеобразной форме полусекретности коррекций марксизма парсонианством. Так, А.Г. Здравомыслову в те годы удалось под грифом «Для служебного пользования» издать переводы работ Парсонса, а Юрия Леваду, который публично в своих лекциях излагал преимущественно структурно-функциональный подход к теории, подвергли жесточайшей критике и остракизму.

[4] Н. Элиас считал, что настоящее видится как результат долгого исторического процесса, при этом и само настоящее находится в непрерывном *изменении*. Фактически он был предшественником сегодняшних активистов в теоретической социологии (см.: *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001; *Он же.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001).

[5] *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Изд. «Владимир Даль». 2002

[6] *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.

[7] *Giddens A.* Modernity and Selfidentity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 192.

бенности) испытывают потребность в какой-то надежной опоре в мире неуловимых транснациональных структур. К той же общинной категории относятся и встречи политиков «без галстуков», будь то в сауне или на ранчо[8].

Предмет исследований феноменологов непосредственно обозначен как социальные межличностные взаимодействия и их смыслы.

Начиная с Г. Зиммеля, который первым предпринял анализ многообразных форм социального взаимодействия, социальные взаимоотношения или социальное взаимодействие выделяются в качестве центральной проблемы особых макротеорий. При этом Э. Дюркгейм полагал солидаристические отношения в обществе естественными в силу разделения труда, М.М. Ковалевский усматривал в солидарности основу социальных процессов, а К. Маркс, напротив, утверждал «локомотивами истории» социально-классовые революционные конфликты.

Неомарксист Юрген Хабермас совместил Маркса, Вебера и Шюца в своей работе о теории социальной системы, в которой социальные взаимодействия (в первую очередь в трудовой деятельности) предполагают и практическое взаимопонимание, и «метаинтерес» к освобождению сущностных сил индивидов, и повседневный жизненный мир, а одну из своих работ назвал «Теория коммуникативного действия», где прямо опирается на труды М. Вебера, Т. Парсонса и Дж.Г. Мида[9]. Мануэль Кастельс, приверженец глобализационных идей, подчеркивает особую функцию сетевых взаимосвязей, пересекающих социально-страфикационные [7]. Важно кто, какие агенты контролируют «узлы» таких связей, направляя их в желательное русло. Исходя из своей теории, Кастельс крайне мрачно видит ближайшее будущее России: и электронные коммуникации у нас отстают от стран «ядра» миросистемы и контролирующие их узлы далеки от публичности[10].

Вывод. К какой бы теории мы ни обратились, *социальные взаимодействия (отношения, интеракции, коммуникации) остаются основным предметом социологического теоретизирования.* Различия в том, что в одних подходах внимание сфокусировано на социально-институциональных регуляторах, в других — на социокультурных механизмах, в-третьих — на индивидуальных смыслах и значениях.

---

[8] П. Штомпка даже предложил «теорию доверия» (*Sztompka P.* Trust: a sociological theory. Cambridge:Cambridge university press. XII, 214), которая, впрочем, осталась не замеченной в социологическом сообществе.

[9] Подробнее см.: *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: ИС РАН. Библиотека Центра социологического образования, 2003.

[10] *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество: Аналитические исследования // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.

Роль психологических концепций. Отсюда, кстати, проистекают интимные отношения социологии с социальной психологией и психологией личности. Достаточно сказать, что подавляющее большинство эмпирических инструментов, шкал разного рода, проективных методик, не говоря уже о способах анализа массовых статистик (факторного, кластерного), были во многом заимствованы у коллег из сопредельной области знания. Помимо того, социолог нередко обращается к собственно психологическим теориям личности. Зигмунт Фрейд, не говоря о Г. Тарде и Лебоне[11], которые исследовали массовое поведение толп и «публики», вписаны в любой нормальный учебник по социологии. Если некий индивид (особая неповторимая личность, т. е. индивидуальность — у психологов) занимает лидирующую позицию в обществе, его собственные индивидуально-личностные особенности влияют на социумные процессы. Пример — первый российский президент, типичный «циклоид» в психоанализе. То он на танке, то брошен в мешке в реку, а то «работает с документами». Если ситуация не является экстремальной, такой тип личности крайне неактивен, если же она нестандартна, он проявляет сверхактивность.

Лебон и Г. Тард обратили внимание на поведение толпы, заряжаемой страхом или энтузиазмом, но в обоих случаях отвергающей привычные нормы и следующей призывам лидера. Советский (грузинский) классик психологии Дмитрий Узнадзе, прошедший школу выдающегося психолога Курта Левина, провел натурные эксперименты в ситуации паники[12]. Он следовал концепции неосознаваемой поведенческой установки (по-грузински «ганцхоба», в английском — «set»). Так, в кинотеатре неожиданно объявляли по громкой трансляции — пожар! Паника прекращалась в тот момент, когда кто-либо из публики брал на себя ответственность и приказывал что делать. Узнадзе очень правдоподобно объясняет суть событий тем, что привычные установки теряют силу и тогда люди вынуждены следовать командам принявшего на себя лидерство. Он экспериментально подтвердил теоретические положения названных классиков-французов.

2.2. Необходимые и достаточные критерии зрелого общества

Вряд ли можно усомниться в том, что в каждой из социологических теорий предметом интереса исследователя являются социальные сообщества разного рода и разных масштабов, от малой группы до миросистемы. Но какие бы особые свойства человеческих сообществ ни находились в фокусе внимания, можно и нужно выделить их непременные универсалии. Попытаемся это сделать.

---

[11] *Психология* толп: Г. Лебон «Психология толп» и Г. Тард «Мнение и толпа». М.: Институт психологии РАН: Изд-во КСП, 1999.

[12] *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966. С. 67–69.

Универсалии социальных общностей. Первый вопрос: каковы *непременные* условия возникновения какой бы то ни было социальной общности?

а) Элементарная предпосылка образования общности людей — *сходство объективных условий жизнедеятельности* тех, кто потенциально способен стать членом данной общности. В одних случаях это природная среда обитания (примитивные племена), в других — родство по крови (семейно-родственные сообщества), в третьих — национально-государственные границы, сегодня — глобальные риски. Общими выступают историческое прошлое общности, особенности деятельности в общественном разделении труда и многое другое. То, что мы называем собственно обществами (часто говорим «социум»), характеризуется как минимум общим историко-культурным прошлым, каковое объективно не подлежит практическому преобразованию, в отличие от его конструирования данными историческими поколениями.

б) На фундаментальный вопрос «*Как возможно общество?*» Г. Зиммель отвечал: «Благодаря социальным взаимодействиям». Что именно выступает первопричиной взаимодействия, представляется по-разному. У Конта и Дюркгейма это общественное разделение труда — основа солидаризации как «естественного состояния» обществ, по Марксу — это уровень развития производительных сил, каковые неизбежно предполагают определенный тип производственных отношений — того же социального взаимодействия, но в принципиально ином понимании. «Естественной» солидаризации отсюда не следует, но, как раз наоборот, следует либо взаимное сотрудничество (как в первобытной общине), либо жесткое противоборство социальных классов, одни из которых владеют средствами производства, а другие нет и потому объективно противостоят друг другу. Феноменологи выдвигают межличностные социальные взаимодействия в центр своего внимания, а сторонники деятельностно-активистских теорий акцентируют внимание на метаморфозах практических взаимодействий социальных субъектов и видят в них непосредственные причины социальных изменений или устойчивости общественных структур.

Так что непосредственные или опосредованные социальные взаимодействия — также непременное условие образования и функционирования любых социальных общностей или сообществ.

в) Из предыдущего вытекает третье непременное условие: формирование и поддержание *особой для каждого сообщества культуры*, т. е. системы разделяемых его членами ценностных, нормативных и иных регуляторов социального взаимодействия, начиная с взаимопонимания смыслов социальных действий. Даже в малой группе, например в семье, формируется особая и неповторимая субкультура. Когда бабушка за обеденным столом бросает упрек внуку со словами «Ты опять?», никто из посторонних не сможет этого понять,

тогда как членам семьи ясно, что провинившийся снова не вымыл руки перед тем как сесть за стол.

г) Невозможно наличие какого-либо сообщества без той или иной формы *управления или самоуправления*, т. е. без целенаправленной координации социальных взаимодействий. Например, до того момента, пока не была создана предвоенная Лига Наций и послевоенная ООН, глобализация рыночных отношений оставалась лишь предпосылкой образования миросообщества.

Итак, схожесть объективных условий жизнедеятельности, постоянство социальных взаимодействий, невозможное без воспроизводства культуры данного сообщества, и наличие определенных форм целенаправленной координации — управления — представляются нам непременным, хотя и не достаточным, комплексом условий образования социальных общностей[13].

Понятие зрелого сообщества. Какие сообщества можно полагать вполне состоявшимися, зрелыми, а какие правильнее было бы назвать протосообществами? Здесь на первый план выступают не объективные, но субъективные (точнее — субъектные) характеристики качества общностей.

Во-первых, это наличие или отсутствие интенции индивидов, образующих сообщество, относительно личной причастности к массе других индивидов, объективно его наполняющих, идентификации с данным сообществом как со «своим». Идентификация со своим сообществом непременно наделяет его положительными свойствами и выполняет в качестве основной «защитную» функцию (если есть «свои», то они защищают от «не своих»). Зигмунт Бауман усматривает в этом противостоянии самую суть социологического мышления и пишет: «…различие между внутренними и межгрупповыми отношениями... неразделимы,… дополняют и обусловливают друг друга … “Они” это не “мы”, и “мы” это не “они”; что можно понять, только рассматривая их вместе во взаимном конфликте» [1. С. 47]. Маркс, имея в виду рабочих, писал о двух состояниях пролетарского класса: In Sich (в себе) и Fur Sich (для себя). Первый модус — объективное наличие особых интересов, а второй — осознание этих интересов, которое стимулирует солидарную их защиту.

Во-вторых, следовательно, зрелое социальное сообщество, члены которого идентифицируют себя с ним как с «Мы-сообществом», становится субъектом практических солидарных действий в отстаивании своих интересов.

По этому решающему критерию российское общество к данному моменту (2009 г.) остается пока что далеко не зрелым, ибо массовые опросы не свидетельствуют о высокой и устойчивой гражданской идентифи-

---

[13] Сказанное не относится к виртуальному сообществу Интернет, каковое также обладает ключевым признаком социального сообщества-взаимодействия его участников.

кации россиян, их гражданской солидаризации. Итог нашего 12-летнего мониторинга изучения социальных идентификаций населения России таков: при стабилизации социального самоопределения в кругу близких, вызывающих доверие и чувства некоторой защищенности, все иные идентификации, т. е. те, которые связаны с большими социальными общностями, нестабильны[14].

Потребность в формировании зрелого солидарного общества побудила руководство страны инициировать в 2008 г. издание общественно-политического журнала «Вестник Российской нации». В редакционном обращении говорится: «Идейно-политическое понятие «Российская нация» олицетворяет единство россиян всех социально-профессиональных групп и поколений, национальностей и вероисповеданий, политических взглядов и места жительства»[15].Однако к моменту написания этого текста всплески солидаризации российских граждан фиксировались лишь в опасных ситуациях угрозы национальным интересам, ценностям или самой жизни: взрывы в московских зданиях, захват заложников в театре, взрывы в метро, захват и расправа с детьми-заложниками в Беслане (2004 г.), бомбежки Югославии НАТО, военный конфликт между Грузией и Россией (2008 г.).

Л.Д. Гудков называет этот феномен «негативной» солидаризацией[16]. МакЛелланд (американский психолог) ввел понятия мотивации избежания и достижения. Первая (avoidance motivation) свойственна всем детям и тем из взрослых, кто лишь осваивает свои социальные функции и прежде всего боится наказаний за ошибки. Зрелой социальной мотивацией психолог считал ту, которая направлена на самореализацию личности (achievement motivation). В переводе на социологическую терминологию речь идет о солидаризации граждан ради достижения некоторой принятой их большинством «национальной цели» или, проще, солидаризации ради общенационального прорыва в будущее.

В свое время Президент Б.Н. Ельцин поручил Российской академии предложить «национальную идею». Мне пришлось участвовать в длительных обсуждениях поставленной Президентом страны задачи. Итог нулевой. Вопрос — почему? Потому, что в ее содержание тогда, как и сегодня, не было предложено ничего кроме гордости за героическое прошлое страны, ее великие победы и великую культуру. Между тем национальная идея, способная мобилизовать граждан на поддержку реформ, должна быть, по утверждению Т. Парсонса, функциональна. Она должна обладать свойствами Generalized

---

[14] *Данилова Е., Ядов В.* Лабильная социальная идентичность становится нормой современных динамичных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10;

[15] Вестник Российской нации. 2008. №1. С. 12.

[16] *Гудков Л.Д.* К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5.

value — принятой большинством и созвучной прошлому, т. е. до наступления аномии, кризиса. В трактовке К. Мангейма это своего рода миф, утопия, желанная цель, достижение которой в отличие от идеологии есть лишь устремление, далеко не всегда реализуемое практически. Какая объединяющая и разделяемая большинством россиян ценность (идея) удовлетворяет этим требованиям? Такой идеей, скорее всего, может быть концепция «справедливого общества». Само понятие «справедливости» люди воспринимают по-разному. И все же несомненно, что это такое общество, в котором соблюдается законность, справедливо взимаются налоги, в котором государство заботится о «малоресурсных» гражданах и т. д. Ценности социальной справедливости традиционны в русской культуре. Идеалы социальной справедливости были основой «коммунистического воспитания» советских поколений нынешних россиян.

Успех в формировании российской нации как солидарного сообщества будет не в последнюю очередь зависеть от достижения идеалов справедливости в широком понимании этой генерализированной ценности.

Итак, любое зрелое сообщество *субъектно*, т. е. образующие его индивиды способны и готовы к солидарным действиям ради достижения некоторой общей цели. Современные сторонники деятельностного подхода именуют это свойство состоянием мобилизованности коллективного агента. Социолог как активный агент социальных трансформаций призван занимать в этом гражданскиответственную позицию.

Вопросы для усвоения темы

1. Как представляются в различных теориях скрепляющие социум социальные взаимосвязи?

2. В чём различие таких понятий как социальные взаимодействия, социальные отношения, интеракции, коммуникации?

2. Каковы непременные условия образования социальных сообществ и общества?

3. Каковы достаточные условия и признаки зрелого общества?

4. В какой мере современная Россия достигла состояния зрелого общества? Что препятствует этому?

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Бауман З.* Мыслить социологически: Пер. с англ. / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект-Пресс, 1966.

2. *Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р.* Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004.

3. Дискуссия «Структура и уровни социологического знания. Традиции и концепции» // Социологические исследования. 2003. № 9.
4. *Теория* общества: Сборник / Вступ. статья и общ. ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999.
5. *Теннис Ф.* Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Дополнительная

6. *Заславская Т.И.* О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Куда идет Россия; Кто и куда стремится вести Россию? / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: Высшая школа экономики, 2000.

Лекция третья
Социальные институты

Надо заметить, что социальные нормы рассматриваются в социологии как составляющие культуры и продукт институтов. Именно общность культуры обеспечивает взаимопонимание, а значит, и адекватное взаимодействие членов данного сообщества. В корпус культуры и в классических теориях и в современных наряду с идеалами, мифами и ценностями непременно включаются нормы и правила социальных взаимоотношений.

Я думаю, что при общности объекта внимания, в данном случае — регуляторов социальных взаимосвязей, аналитический предмет институционального рассмотрения и центрированного на культуре различен. При обращении к категории культуры акцентируются ее особенности, смысловые, символические составляющие социальных норм, правил и поведенческих практик. В институциональном анализе мы концентрируем внимание на механизмах, обеспечивающих социальные взаимодействия, т. е. не столько на существе самих норм, сколько на том, как они возникают и поддерживаются.

3.1. Социальные институты в классической парадигме

Начиная с О. Конта, но в развернутой формулировке — с Э. Дюркгейма, категория социальных институтов является ключевой в объяснении общественного устройства. Именно социальные институты, эти «фабрики по воспроизводству социальных взаимосвязей» (Дюркгейм), обеспечивают социальную стабильность, ибо они закрепляют правила социальных взаимодействий, диктуют нормы взаимоотношений в обществе и легитимируют неравенство социальных статусов[1]. Дюркгейм полагал социальным фактом не само действие (например религиозность), но отношение к нему как должному или осуждаемому.

Наиболее четко классическую концепцию социальных институтов выразил Толкотт Парсонс в структурно-функциональной теории [7]. Институты осуществляют координацию социальных действий в общественной системе и тем самым обеспечивают ее устойчивое функционирование. Социальный институт есть «организованная система культурных представлений норм, общих для большинства индивидов»[2]. Убежденный сторонник аналитических конструктов — непременного элемента социальной теории, Парсонс предложил четырехфункциональ-

---

[1] Э. Дюркгейм определял социологию как «науку об институтах, их генезисе и функционировании» (Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 405).

[2] «Ценностный образец может стать структурной частью социальной системы только в том случае, если он институализирован, иначе говоря, только в случае установления его стабильного взаимодействия с областью взаимодействия» (*Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 721–722).

ную парадигму AGIL, которая применима для анализа социальной системы как целого, ее подсистем и социальных действий. Adaptation обеспечивает взаимодействие с внешней средой. Применительно к институтам это выражается в интернализации принятых в обществе правил и лояльности к существующим порядкам. Goal attainment (целедостижение) в рамках института — рациональное упорядочение его задач. Например, судебная система согласно Конституции РФ в первую очередь предназначена для защиты прав граждан. Integration — поддержка безконфликтных взаимоотношений между индивидами, группами, сообществами. Latent pattern maintenance — ролевые образцы, позволяющие поддерживать нормативный контроль.

Как и Дюркгейм, Парсонс был убежден, что стабильность социальной системы есть благо, а существенные изменения — аномия, т. е. состояние неопределенности, каким нормам и правилам надлежит следовать, ибо одни из них вступают в конфликт с другими. При этом Парсонс настаивал на том, что именно ценности и нормы — суть социальных институтов, но не практически наблюдаемые образцы поведения, каковые служат лишь «латентной подосновой» норм.

В 1957 г. буквально накануне так называемых студенческих революций в Европе и Америке Роберт Мертон усомнился в адекватности концепции Дюркгейма — Парсонса [6. С. 379–447]. Если по Парсонсу институты призваны стабилизировать социально-культурную систему, то у Мертона они выполняют эту функцию двояким способом: явно или скрытно (латентная функция социальных институтов), и более того, сами институты способны превратиться в дестабилизирующий фактор, становятся дисфункциональными.

Российский пример. КПСС, провозглашенная в советской конституции «ведущей и направляющей силой» общества, в своей латентной функции выступала в качестве жестко авторитарной системы, не допускающей несанкционированных инициативных и конструктивных изменений в какой-либо области, будь то экономика, политика или культура. Только после одобрения инициативы партийными органами она принималась как легитимная и настойчиво внедрялась в практику. Советские социальные институты стали дисфункциональными, но их латентная дестабилизирующая функция в данной общественной системе принесла пользу в том смысле, что сделала явной необходимость реконструкции системы — горбачевской перестройки.

2. Неоинституционализм — радикальная смена парадигмы

В середине 1960-х гг. экономисты Р. Кроуз и Д. Норт предложили принципиально иное понимание механизмов формирования и изменения социальных институтов[3]. В противоположность незыблемой в то время теории структурных функционалистов они дерзнули доказать,

[3] *Кроуз Р.* Фирма, рынок, закон. М.: Дело, 1993; *Норт Д.* Институты и экономический рост: Историческое введение // THESIS. 1991. Т. 1. Вып. 2.

что социальные институты постоянно подвержены изменениям. Методологически Норт и Кроуз мыслили иначе, чем Парсонс[4]. Они не исходили из аналитических конструктов в рассмотрении социальных реалий, но, напротив, анализируя реальные экономические процессы, выдвигали теоретические обобщения и предлагали соответствующие концептуальные «метки»-понятия.

Принципиальные теоретические обобщения неоинституционалистов следующие:

а) Не только узаконенные нормы социальных (экономических в данном случае) взаимоотношений, но также и широко практикуемые неформальные правила являются институтами, т. е. координируют взаимодействия. Неформальные правила суть ограничения обычаем, массовыми образцами поведения и теми смысловыми кодами, которые несут в себе данные поведенческие образцы[5]. К примеру, взятка чиновнику в России или Китае — традиционная норма[6].

б) Нетрадиционные правила устанавливаются социальными субъектами (акторами на рынке) на основе рационального выбора, и если легитимируются массовым распространением и не противоречат «системе правил» (Т. Бернс и Е. Флэм), закрепляются законом.

в) Отсюда важное следствие — инициирующие новые нормы, правила и практики социальные агенты выдвигаются на первый план. Понятно, что чем выше экономический, политический, социальный и символический ресурсы данных агентов, тем более вероятна возможность навязывания новых норм относительно слаборесурсным.

г) В отличие от парсонианской парадигмы жесткой целостности социокультурной системы, новый подход утверждает иной принцип. Деятельность социальных субъектов регулируется формальными и неформальными правилами в разных полях взаимодействия: экономическом, поле социальных повседневных взаимодействий, правовом, в поле политики и социально-культурном. Всюду могут существовать свои правила игры, регламентируемые суверенными социальными институтами и принятыми практиками. Иными словами, отвергается принцип устойчивой функциональной взаимосвязи общественных подсистем, будь то социально-экономическая формация у Маркса или социально-культурная система у П. Сорокина и Т. Парсонса.

---

[4] Методологические принципы структурного функционализма Парсонса детально рассматривают С. Батыгин и Д. Подвойский, как, впрочем, и методологию других классиков (*Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г.* История социологии. М.: Новый учебник, 2004. С. 276–322).

[5] *North D.C.* Institutional Change and Economic History // Journal of International and Theoretical Economics. 1998. № 1.

[6] Неузаконенные практики в современной России широко распространены решительно на всех «полях» социальных взаимодействий. Это убедительно показано эмпирическими исследованиями (см.: *Шабанова М.А.* Границы социетальной трансформации российского общества: вклад неправовых практик // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д. Куценко. Харьков: Изд. центр Харьковского нац. ун-та им. В.Н. Каразина, 2004. С. 205–226).

Таким образом, *нормой бытия социальных институтов является как раз не их стабильность, но именно изменения,* реагирующие на динамизм социально-экономических и иных процессов.

Неоинституционализм как особое направление разрабатывался исследователями в области экономической теории, поэтому в центре внимания здесь рациональность экономического поведения соответственно принципу «минимизация затрат, максимизация приобретений». Общетеоретическое основание нового понимания социальных институтов следует искать в деятельностной парадигме. Маргарэт Арчер, заимствовав у Бакли сам термин, выдвинула теорию морфогенеза (противопоставив его морфостазису).

Согласно теории структурации Гидденса, социальные институты, как и другие структурные элементы общества (например организации), (а) бессубъектны, (б) обладают определенными ресурсами (например, система образования в качестве социального института требует немало материальных и людских средств) и (в) диктуют определенные нормы, правила использования и накопления институциональных ресурсов. Гидденс указывает на взаимосвязи между бессубъектными институтами и собственно социальными субъектами (индивидами, их сообществами). Социальные субъекты — это, в терминологии Гидденса, «агенты». Но агенты — социальные субъекты первоначально социализируются в рамках тех социальных институтов, которые уже существуют, и лишь позже, приобретя должный личностный и статусный ресурс, своими практическими действиями влияют на изменения социальных институтов и иных структур, вплоть до радикальных их преобразований. Поскольку же социальные институты обладают некими необходимыми для общества собственными институциональными ресурсами (М. Арчер), социальные субъекты вместе с тем могут или не вполне способны создавать правила пополнения и использования ресурсов социальных институтов. Пример институционального ресурса — различия в конституционном устройстве: либо разрешено все, что не запрещено, либо разрешено лишь то, что разрешено.

Концепция неоинституционализма выдвигает на передний план не сами институты — структуры, а субъектов, их поддерживающих или изменяющих. Это переносит фокус внимания исследователя с институтов как структур на процессы их формирования.

Отсюда — проблематика, связанная с изучением социальных субъектов. Одни из них обладают значительными экономическими, культурными, социальными (в смысле наличия обширных или ограниченных «сетей взаимодействия» с другими деятелями) и иными статусными ресурсами (назовем их «ресурсоемкими»), другие — слаборесурсные, — не имея таких капиталов, вынуждены подчиняться устанавливаемым правилам. Иными словами, сильноресурсные социальные субъекты начинают формулировать и закреплять правила социальных взаимодействий, отвечаю-

щие их интересам, что позволяет им же расширять поле своего экономического и политического влияния, наращивать свой капитал (экономический, политический, капитал интеракций, контроль за средствами массовой информации и т. п.). Как и финансовый капитал, эти субъекты вкладывают свой социальный капитал в рост путем завоевания доминирующих позиций в обществе и расширения сетей взаимодействий с другими, ныне в условиях информационных сетей. В демократических обществах в роли активных преобразователей социальных институтов выступают многообразные коллективные субъекты — общественные движения, партии и гражданские объединения, противоборствуя тем, кто стремится занять командные позиции в становлении новых институциональных правил. Так или иначе, проблема социальных институтов переходит теперь в область соотношения различных социальных сил, каждая из которых стремится навязать обществу свои правила игры либо же добивается разумного компромисса.

Возьмем два примера. В российской системе образования нынче введена плата за обучение — пополнение финансов данного социального института. Состоятельные студенты (из сильноресурсных семей) способны следовать данной норме, другие — нет. Им предстоит жесткая конкуренция при поступлении в вуз[6]. Второй пример. В ныне действующим российском КЗОТ предписано, что при заключении коллективного (генерального) трудового соглашения между работниками и работодателем интересы работников представляет профсоюз, в который входит большинство занятых на предприятии, фирме. Парадокс состоит в том, что в этот профсоюз как правило входят и наемные служащие хозяина-работодателя, т. е директор, его заместители и т. д. В нормальной рыночной экономике такое представляется абсурдом, ибо интересы работников и работодателя, мягко говоря, не совпадают. Как случилось, что Российская Дума приняла такой Кодекс о труде? Предельно ясно — под давлением сильноресурсных депутатов, выражающих интересы бизнеса.

Том Бернс и Елена Флэм [9] из университета Уппсалы на основе тщательного эмпирического изучения деятельности различных предприятий и фирм предложили «теорию систем правил». Авторы выделяют собственно *систему правил*, каковые во многом зависят от данной культуры с ее глубокими традициями, далее — *режимы правил*, как они поддерживаются позитивными и негативными санкциями, закреплены в инструкциях и, наконец, *грамматику правил* как усвоенные акторами способы действий в самых разных ситуациях. Книга заполнена десятками схем, указывающих на ситуации взаимодействия в сфере трудовых отношений и способы применения тех или иных правил в зависимости от ситуации, состава участвующих акторов, наличия или отсутствия более общего регулирующего прин-

---

[6] Правда, лучшим студентам вне зависимости от того, платят ли они за свое обучение, за счет государства доступна повышенная стипендия, оплачивается их стажировка за рубежом и т. д.

ципа и т. д. Авторы называют свою теорию «структурно-деятельностной». Эта работа — отличный образец эмпирического исследования становления правил взаимодействия в организациях. Названная теория обладает высокой эвристичностью при анализе макросоциальных и глобальных институтов.

Итак, неоинституционалистский *деятельностный* подход представляется более адекватным современным социально-историческим условиям динамических и часто не ожидаемых изменений в социальных системах — в обществах, государствах, миросистеме в целом (подробнее см. в разд. 6.3. Глобализация и её воздействие на социальные изменения).

3. Российские институты в анализе соотечественников

Постсоветская институциональная реальность в России, если рассматривать ее с позиции классиков, — драматическая аномия. С позиций неоинституционалистов — это норма переходного периода, по существу радикальной смены основополагающих общественных институтов.

Здесь нельзя не задуматься о концепции институциональных матриц. Идея институциональных матриц была высказана Карлом Поланьи, который предлагал рассматривать экономику как встроенный в контекст всей совокупности культурных традиций и общественных отношений институт. Эта мысль была развита Дугласом Нортом. Последний писал: «Традиция в этнических сообществах определяет не только непрерывность, преемственность социальных институтов, но и границы инноваций, являясь главным критерием их законности и допустимых в данном обществе вариантов социальной активности»[7]. Опираясь на эту идею, работы О.Э. Бессоновой, А. Ахиезера и других авторов, новосибирский социолог С. Кирдина предприняла попытку построить теорию институциональных матриц «X» — восточного типа и «Y» — западного. «Матрицы, — пишет Кирдина, — это устойчивая сложившаяся система *базовых институтов*[8], регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической». Их различия иллюстрирует схема 2 [3. С. 59, 64–65].

[7] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997. С. 51. Далее Норт пишет: «Объяснение того, как и почему происходят инкрементные продолжающиеся изменения и почему даже дискретные изменения (такие как революции и завоевания) никогда не являются абсолютно дискретными, состоит в укорененности неформальных ограничений в обществе. Хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических изменений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают ключ к пониманию пути исторического развития» (С. 57).

[8] Т.И. Заславская пишет: «Социетальные типы обществ определяются небольшой группой “базовых институтов”, по образу и подобию которых строятся все остальные. Общая эффективность институциональной системы, ее способность отвечать на внешние и внутренние вызовы, обеспечивать в меняющихся условиях устойчивое развитие общества зависит, в первую очередь, от качества институтов, составляющих ее ядро (*Заславская Т.И.* Посткоммунистические трансформации // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003. С. 87).

Иерархическое устройство унитарного типа заведомо обречено на иерархизацию властных отношений: сверху поступают некие указания-распоряжения, снизу — жалобы и обращения к высшему начальству. Раздаточная экономика[9] и сегодня имеет место в России, где регионы-доноры направляют средства не прямо в бюджет регионов-реципиентов (как, например, во Франции), а путем перераспределения центром.

Схема 2. **Типы институциональных матриц**

X-матрица	Y-матрица
Редистрибутивная экономика Опосредованное центром движение ценностей и услуг, прав на их производство и распределение	*Рыночная экономика* Не опосредованное центром и не требующее его согласия движение товаров и услуг
Унитарное политическое устройство	*Федеративное политическое устройство*
Коммунитарная идеология Доминирование «Мы» над «Я»	*Субсидиарная идеология* Доминирование «Я» над «Мы»

Концепция институциональных матриц вполне совпадает с аналогичной социокультурной концепцией В. Федотовой, согласно которой Россия — это «другая Европа»[10]. Россия, можно сказать, балансирует между Евразией и Азиопой[11]. Принципиальное отличие — традиционное отсутствие гражданских структур — не зависимых от государства и чиновничества объединений граждан. Западно-Европейские и Американские матричные структуры устроены иначе — по принципу «волчка», или гироскопа. Здесь доминируют гражданские объединения, принцип Общественного Договора между гражданами и центральной властью, каковая пребывает в состоянии принуждения к открытой публичной политике. Итальянский марксист Антонио Грамши, находясь в тюрьме, писал после Февральской и Октябрьской революций в России, что на Западе при ослаблении государства устойчивость общества обеспечивают выходящие на поверхность гражданские структуры. В России, если там слабеет государство, рушится все[12].

Между тем утверждения С. Кирдиной о крайней консервативности институциональных (я бы добавил – и национально – ментальных) матриц вызывают бурные споры прежде всего в среде экономистов, но также социологов и других обществоведов. Обратимся к дискуссии о будущем России в миросистеме под углом зрения теории институциональных матриц.

Феномен экономической колеи. Концепция институциональных матриц ассоциируется с предложенной в конце 1970-х гг. экономической теорией path dependency — зависимости экономики стран от ра-

[9] *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.

[10] *Федотова В.Г.* Трансформация «другой» Европы. М.: Ин-т филос. РАН, 1997.

[11] См. о циклизме в шестой лекции.

[12] *Грамши А.* Соч. Т. 3. М., 1957. С. 200.

нее пройденного пути. Американский экономист Т. Мэдисон составил таблицу различных показателей состояния экономики европейских и стран других континентов, в основном используя архивы колониальных держав Великобритании и Португалии. «Таблицы Мэдисона», как их назвали, вызвали потрясение. Оказалось, что за 150 лет подавляющее большинство стран не изменило своего положения в ряду экономических лидеров, идущих следом за ними и вплоть до экономически наиболее отстающих. А. Аузан[13] назвал этот феномен «экономической колеёй». По подсчетам Л.А. Фридмана[14], среднедушевой доход на одного россиянина в наиболее благополучном 1913 г. и спустя столетие радикальных преобразований в 2004 г. остался в сравнении с аналогичным показателем в США таким же, а именно — около 25 % от американского. Среднедушевой доход в Китае как был, так и остается сегодня вдвое ниже показателя по России (около 12 % от США)[15].

Экономисты нашли, что решающая причина этого удивительного феномена — высокая устойчивость социальных институтов. «Становится все сложнее определить, где кончается экономика и начинается социология, социальная антропология и политическая наука», — заметил один из них. И дальше: «Экономисты обнаруживают, что они стали писать о таких явлениях, как связь между идеологией и предпринимательской активностью, между уровнем грамотности и психологическими ориентациями на развитие, о влиянии сельской, общинной организации на экономическое развитие и т. п.»[16]. Дуглас Норт посчитал, что институциональные правила в области экономики в два раза сильнее коррелируют с порядковым местом страны на мировой шкале сравнительного экономического потенциала 90–100 стран, чем собственно экономические показатели национального дохода, темпов роста, уровня инфляции, собираемости налогов и открытости внешней торговли[17].

В таблицах Мэдисона есть лишь два исключения — Великобритания и Япония (вместе с дальневосточными «тиграми»). Великобритания полтораста лет тому назад лидировала вместе с Португалией в мировой экономике. Обе были мощными колониальными державами. С утверждением конституционной монархии Британия резко пошла вверх, Португалия, в которой традиционная монархия просуществовала до 1930-х гг., нынче замыкает список западноевропейских стран

---

[13] Профессор Александр Аузан — заведующий кафедрой институциональной экономики в МГУ (*Аузан А.Л.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3).

[14] Данные из готовящейся к изданию работы, любезно предоставленные автору.

[15] Не следует смешивать с показателями уровня жизни населения. Среднедушевой доход исчисляется делением объема ВВП на численность населения, так что в него входит и доход от производства вооружений и товаров первой необходимости.

[16] *Хиггинз Б.* Цит. по ссылке на автора // Вопросы философии. 1974. № 6. С. 15; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «НАЧАЛА», 1997. С. 33.

[17] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики.

ЕС по своим экономическим показателям. Япония и «тигры» были принуждены США в роли оккупанта после падения фашизма к утверждению социальных институтов западной «матрицы»[18].

Александр Аузан предпринял попытку рассмотреть варианты выхода из «колеи» для России. Все они представляются на сегодня маловероятными. В сущности, если полагать, что «исторический случай» способен сыграть судьбоносную роль в развитии страны, то единственным механизмом, дающим шанс на проведение соответствующих реформ является демократическое правление. Георгий Сатаров метко назвал это институционализацией случая. Предложенные обществу отвечающие интересам большинства и согласующиеся с ресурсами страны новые идеи имеют вероятность быть реализованными в силу того, что сторонники этих идей могут занять ключевые посты в государственной власти. В глубоко аналитической книге Евгений Ясин [10] страстно полемизирует со Светланой Кирдиной и, не отрицая идею институциональных матриц, оптимистически видит будущее демократии в России. Он называет это проектом «модем» — модернизацией демократии снизу, не сверху, как всегда было в российской истории. Становление такой демократии представляется автору возможным в предстоящие 30–40 лет благодаря выходу на авансцену общественной жизни новых поколений элит и граждански активных людей, которые будут вынуждены осознать необходимость не усеченной демократической системы, но доминирования гражданских структур, интересы которых институционально закреплены общественным договором с государством.

В последние годы появились работы, в которых авторы формулируют теоретические основания решения проблемы институциональной колеи. О. Бессонова предложила, как она пишет, интегрально-институциональную парадигму цивилизационного развития[19]. Она полагает теорию институциональных матриц устаревшей. В предлагаемой иной парадигме выделены три уровня социальной реальности, соответственно, уровни конфигурации институтов и структур реальности. Уровни социальной реальности, по Бессоновой, — это глобальная цивилизацонная матрица (включает био-, ноо, техно- и этно-сферы), в которой может быть два институциональных архетипа, а именно рынок и раздаток. Эволюция приводит к синтезу этих институтов на уровне локальных цивилизационных матриц (принципиальное отличие от концепции институциональных матриц С. Кирдиной). Опираясь на предложенную парадигму, Бессонова прогнозирует будущее России

[18] Япония, однако, сумела совместить свои традиции с западными нововведениями. Одним из факторов быстрого экономического роста стала успешная адаптация организационно-управленческой структуры современного производства к особенностям национальных трудовых и управленческих навыков, восходящих к этике традиционных внутриобщинных отношений (*Моритани А.* Современная технология и экономическое развитие Японии. М.: Наука, 1986).

[19] *Бессонова О.Е.* Код цивилизационного развития. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства, 2007.

как «великую трансформацию» в сторону гармоничного совмещения раздаточных и рыночных механизмов в экономике, перехода от моно- к демократическому государству.

Близкую по существу концепцию разрабатывает экономист Аркадий Мартынов[20]. Он опирается на системную теорию и подчеркивает, что «отличительным признаком социальной системы в сравнении с технологической системой выступает наличие механизма рефлексивного саморегулирования». Автор считает возможным конвергентный путь развития миросистемы, находит подтверждение своего прогноза в реальных конвергентных процессах, которые, он считает, имеют место в странах Восточной Азии: Тайване, Малайзии, в несколько меньшей мере в Республике Корея, Сингапуре. А.Мартынов полагает возможным развитие Китая по «третьему пути», не социалистическому и не капиталистическому, но конвергентному. Автор считает необходимым отказ Россия от импорта глобализационной модели «в ее неолиберальном и неоконсервативном вариантах» и избрание стратегии «третьего пути». Третий путь и есть то, о чем пишет О. Бессонова — равноправное положение институтов государственного регулирования (раздаточного у Бессоновой) и рыночного саморегулирования.

Резюме о состоянии дискуссии. На мой взгляд, оно пока таково, что теоретически проблема остается спорной, а под углом зрения наблюдаемых тенденций и в России и в миросистеме перспектива не слишком оптимична.

С одной стороны, похоже, что концепция институциональных матриц «работает». Т.И. Заславская пишет: «...попадая в российскую среду, формально-правовые нормы либерального типа меняются до неузнаваемости. Дело обстоит так, как если бы они подвергались мутации и в результате становились бы неспособными выполнять свое предназначение — служить общезначимым правилам игры»[21]. Нельзя не фиксировать как исторический факт, что и петровские, и столыпинские, и советские, и нынешние реформы имели прозападный вектор, но политика, ради этого используемая, оставалась и остается государственно-принудительной[22]. Укрепление вертикали власти, президентские выборы 2008 г., когда действующий Президент фактически назначил своего преемника и далее стал главой правительства и главой партии подавляющего большинства в Государственной Думе — все это свидетельства доминанты российской институциональной матрицы[23].

---

[20] *Мартынов А.В.* Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире: методологический аспект. М.: Комкнига, 2006.

[21] *Заславская Т.И.* Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003. С. 49.

[22] Великолепны официальные формулы президентства В.В. Путина: «вертикаль власти» и «управляемая демократия». Вспоминается ироническая реплика Ф. Достоевского по поводу заключительного пассажа из «Мертвых душ» Н. Гоголя о России, которая как птица-тройка неведомо куда несется и не дает ответа, куда именно. Достоевский на это высказался так: «Барин пнул ямщика сапогом в спину, и понеслась птица-тройка».

С другой стороны, имеются оптимистические аргументы Рональда Инглехарта в пользу возможного «взрывного» развития демократии в России. Инглехарт совместно с Христианом Вельцелем произвел тщательнейшие статистические выкладки на основе данных World Values Survey 1991–1991 г. с охватом 60 наций и пришел к таким выводам: во-первых, вопреки принятому ранее заключению обществоведов имеет место установленная Липсетом в 1993 г. закономерность зависимости развития демократии от модернизации в сфере экономики[24] и, во-вторых (что особенно важно в приложении к проблематике социальных институтов), *отсутствие западного культурного наследия* (протестантизм) *не препятствует демократизации, равно как и предшествующий «опыт авторитаризма»*[25].

Не означает ли полученный этими авторами результат, что концепция path dependence в неэкономических полях — в сфере политики и культуры — неприменима? Авторы путем различных приемов статистического анализа, включая регрессионные модели, показывают, что важнейшая детерминанта развития демократических институтов — "либеральные устремления» граждан, их притязания на свободу личности для самореализации и самоорганизации.

Каков вывод? Я полагаю, что единственно верный таков: каждый, считающий себя причастным к процессам прогрессивных социальных трансформаций должен делать свое дело, исследователи — исследовать и создавать обоснованные теоретические концепции, отслеживать изменения в массовом сознании, информировать общество о результатах своих изысканий, студенты — не оставаться в стороне от общественной жизни, защищать свою гражданскую социальную позицию. Без наших усилий история не совершается.

Вопросы для усвоения темы

1. Каковы функции социальных институтов в классических подходах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертона?

2. В чем состоит принципиальное отличие неоинституализма от понимания социальных институтов в социологической классике?

3. Как представляется соотношение социальных структур (социальных институтов в том числе) и деятельностных субъектов в теории структурации Э. Гидденса?

---

[23] А. Торкунов, член редсовета «Вестник Российской нации» пишет: «Идейно российская модель демократии восходит к тем же источникам, что и демократии в западном мире. По формам же воплощения эти модель близка японской, индийской или южнокорейской» (Вестник Российской нации». 2008. №1. С. 150).

[24] *Lipset S.M., Kyoung-RyungS., Torres J.Ch.* A Comparative Analysis of the Social Requisites of Democracy // International Social Science Journal. 1993. N 45. P. 155–175.

[25] *Вельцель Хр., Инглхарт Р.* Человеческое развитие и «взрыв» демократии: вариации изменений режимов среди 60 обществ. /Социология: теория, методы, маркетинг. Институт социологии Украины. 2008. №1. С. 85–118.

4. Что означают понятия формальные и неформальные институты?

5. Определите понятие институциональных матриц.

6. Как можно представить перспективу институциональных изменений в российском обществе, имея в виду историко-культурные особенности отечественных социальных институтов, с одной стороны, и включенность России в миросистемные процессы, с другой?

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Бессонова О.Э.* Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

2. *Заславская Т.И.* О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Куда идет Россия; Кто и куда стремится вести Россию? / Под ред. Т.И. Заславской. М: МВШСЭН, 2001.

3. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭИ ОПП СО РАН, 2001.

4. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139

5. *Мартынов А.В.* Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире: методологический аспект. М.: Комкнига, 2006.

6. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.

7. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000

8. *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4.

Дополнительная

9. *Burns T., Flam H.* The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.

10. *Ясин Е.Г.* Приживется ли демократия в России? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. (Лекция Евгения Ясина «Приживется ли у нас демократия?» http: www.polit.ru/lectures/2005/10/19/yasin.html).

Лекция четвертая
Социальное расслоение[1]

Теории социального расслоения хорошо известны. У Э. Дюркгейма это достаточно упрощенное представление о двух исторически сложившихся типах разделения труда. Его теория фиксирует естественность социального неравенства, основанного на различиях трудовых функций по полу и возрасту, а в современных обществах — на различиях, связанных с углубляющейся профессионализацией. Исходя из данной предпосылки, Конт и Дюркгейм полагали естественным и состояние общественной солидарности в силу того, что при разделении труда люди неминуемо взаимосвязаны. Следует ли доказывать сомнительность такого взгляда в наши дни?

Классовые теории К. Маркса и М. Вебера, напротив, вполне актуальны и сегодня. Оба рассматривали классовую структуру как феномен капиталистического общества. Но у Маркса источником классового противостояния выступает владение средствами производства или, при отсутствии такового, — лишь своей рабочей силой. В теории Вебера, наоборот, источник социального неравенства видится в рыночных, а не в производственных отношениях. Именно неравный рыночный обмен вследствие имущественных, социокультурных и властных различий представляется причиной неравных жизненных шансов.

У К. Маркса классовая структура общества четко поляризована на эксплуататоров и эксплуатируемых; остальные социальные слои рассматривались им лишь в роли возможных союзников или противников пролетариата. М. Вебер считал, что классы связаны с уровнем благосостояния и наличием собственности, но ввел второй параметр — «власть» как место в системе господства и подчинения. Эти два параметра могут пересекаться, но могут рассматриваться и как таковые раздельно. Кроме того, в отличие от Маркса, Вебер полагал сущностным признаком классовой принадлежности общественный престиж занимаемой социальной позиции. Материальное благосостояние, образование, профессиональные навыки и другие признанные обществом социальные ресурсы влияют на социальный престиж и тем самым определяют положение человека на социальной лестнице.

Наконец, К. Маркс рассматривал свою классовую теорию как теоретическую базу революционной идеологии и революционных действий, призванных изменить мир. М. Вебер, напротив, утверждал принцип идеологической нейтральности социологии, максимальной очищенности от оценок. Он писал, что социологу должно быть присуще «признание фактов, в том числе — и в первую очередь — таких, которые неудобны для

[1] В этой главе я частично использую текст Н. Ярошенко и О. Оберемко из книги: *Социальные* трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В. Ядова. М.: Флинта, 2005.

него лично», и способность «отделять их констатацию от оценивающей их позиции»[2].

В XX в. неомарксисты и неовеберианцы настолько дополнили и скорректировали основоположников, что если на общетеоретическом уровне различия между ними сохранились, то в эмпирических исследованиях они становятся трудноуловимыми[3].

Весьма показательно, что в современной отечественной литературе авторы либерального толка напрочь отринули само понятие класса, тогда как в Англии, на родине конституционной демократии, это понятие прочно вошло и в лексикон политиков и в обыденную речь. Британцы убеждены, что их общество классовое, но извлекли из этого вывод о необходимости трипартизма — законодательно установленной процедуры переговоров между профсоюзами и работодателями «под присмотром» государственных чиновников. Обе стороны обязаны достичь согласия в «Генеральном соглашении». В случае его нарушения работодателем закон предписывает оплачивать забастовщикам, протестующим против отступления от подписанного соглашения, каждый нерабочий день.

В России работодатели и наемные работники как классы «в себе» сформировались и в принципе могут стать полноценными («для себя») классами — социальными субъектами, каждый из которых будет способен солидарно защищать свои интересы. Пока этого нет, классовый анализ российского общества по Марксу мало что проясняет. Трудовой кодекс утверждает трипартизм, а практика трудовых отношений убеждает в том, что как и все российские законы, он остается на бумаге, жестко не контролируется государством[4].

Концепция Вебера более адекватна. Это хорошо показал В. Радаев. Он придумал, как в интервью выявить уровень престижа социального статуса. Задавался вопрос: «Как много людей хотели бы занять ваше место?» В ответах были суждения от «Ни один человек» до «Меня и подстрелить могут. Плачу за личную охрану».

С позиций стратификационного подхода проблема упирается в определение понятия среднего класса. Формально (так и поступают многие исследователи) нетрудно выстроить иерархию социальных групп по размеру доходов и «назначить» одних высшей, других средней и третьих — низшей стратой. В теориях модернизации значительная доля среднего класса – гарантия стабильности общества, т.к. в отличие от сверхбогатых, принадлежащие е среднему слою не стре-

---

[2] *Вебер М.* Смысл свободы «от оценки» в социологической и экономической науке / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, П.П. Гайденко // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 552.

[3] *Abercrombie N., Urry J.* Capital, Labour and the Middle Classes. L.: Allen & Unwin, 1983. P. 152.

[4] См.: Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. Дебарделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004.

мятся к финансовому доминированию, а сравнительно с малоимущими — не склонны к протестным акциям. Иными словами средний класс по определению заинтересован в стабильности данной общественной системы, Поэтому важно, как граждане сами определяют свой статус, как воспринимают свое положение в иерархии социальных страт.

Что касается материально-имущественных показателей, то Т.И. Заславская, активно занимавшаяся в период перестройки и несколько позже стратификационными исследованиями, в 1998 г. пришла к выводу, что у нас был «срединный» класс, но не средний[5]. На конец 2007 г. долю среднего класса в России исчисляли примерно в 20%. (принимается во внимание прежде всего уровень дохода и наличие высшего или среднего специального образования)[6].

В самоидентификациях граждан мы наблюдаем любопытные процессы: люди оценивают свое социальное положение, сопоставляя его с положением других групп, каких? Так, в нашем сравнительном с польскими коллегами представительном опросе 2001 г. мы объединили в одну подвыборку тех, кто определил себя «средним классом». По паспортичке (поляки называют «метричкой»), где следовало выбрать одно из суждений о доходах от «Хватает только на самое необходимое» до «Ни в чем себе не отказываю», выделили тех, которые считают, что им достаточно на повседневные расходы, а на приобретение машины или холодильника надо копить. Среди поляков оказалось вдвое больше, чем в выборке россиян, полагающих себя «низшим классом», в российской выборке 60 % отнесли себя к среднему классу. Очевидно, что граждане двух стран пользуются различными «шкалами» имущественного неравенства. Поляки смотрят на соседей в ЕС, россияне, видимо, оглядываются на свое советское прошлое.

Не менее примечательно, что в «посткоммунистической» ГДР, нынче восточных землях Германии, как и в России, граждане отринули марксистстское деление общества на классы и «вестернизировались» в образах стратификационной логики. Приведу статистики опросов немцев из западных и восточных земель в 1993 г. (восток) и 1998 г. (запад). Полагали, что относятся к среднему классу 36 % западных и 59 % восточных немцев. К рабочему классу отнесли себя 61 % в западных против 20 % в восточных[7]! Заметные сдвиги в самоидентификации произошли в период 2003–2007 гг. Мониторинг Института социологии РАН, отмечал руководитель проекта М. Горшков, дает основания заключить, что в 2007 г. «социальная структура российского общества, построенная на основе оценки самими россиянами своего места в нем, приближа-

[5] Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3–11.

[6] Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007.

[7] *Outhwaite W., Ray L.* Social Theory and Postcommunism. Oxford: Black Publishing, 2005. P. 37.

ется к модели, характерной для стабильно развивающихся стран, где большинство населения ощущают себя представителями средних слоев»[8].

Можно сказать, что по мере стабилизации экономики и соответственно социального расслоения теория стратификации начнет нормально «работать», а с утверждением полноценной демократии не исключено, что и классовый анализ будет востребован.

Деятельностно-активистский подход к анализу социального расслоения представляется на сегодня наиболее адекватным. В его основе — концепция различий в объеме социального капитала или социального ресурса общественных групп. Эти различия позволяют одним доминировать в обществе и влиять на социальные процессы, другим — нет. В динамичных обществах, трансформирующейся России тем более именно социальный ресурс индивидов и групп определяет их социальный статус. Например, в России молодые (естественный ресурс), обладающие современным образованием (компьютер, иностранный язык) и профессией, пользующейся высоким спросом на рынке труда, материально благополучные, проживающие в крупном городе (богатый выбор рабочих мест и мест для досуга), явно сильноресурсные и противостоят тем, кто стар, мало образован и т. д.

Т. Заславская разработала деятельностно-структурную теорию трансформационного процесса [4]. Она выделяет группы, заинтересованные в социальных переменах и не заинтересованные в них. Обобщенно таких групп-агентов три типа: а) политическая элита, определяющая направленность реформ; б) субэлита — слой предпринимателей и в) большинство граждан («базовый слой»), вынужденных адаптироваться к нелучшим условиям жизни или же активно протестующих против реформирования общества. В классификации автора их десять, а именно:

1. Либерально ориентированные элиты и субэлиты, которые, будучи у власти периода президенства Б. Ельцина, занялись перераспределением собственности и создали новые экономические и политические институты. Сейчас их деятельность сосредоточилась в крупном бизнесе (частном и государственном). Они-то и пытаются установить правила игры на высшем уровне в интересах своей корпорации.

[8] На 10-балльной шкале большинство определили свое положение в пределах 4-6 ступеней (Горшков М.К. Российская идентичность в социологическом измерении // Социс. 2008. № 6. С. 104). В отличие от этих данных Левада-центр в том же году пришел к иным заключениям. В опросах весной 2008 г. 2–3% респондентов, — сообщал Л. Гудков, — это «люди, добившиеся хороших доходов и более высокого социального положения, но не рассматривающие себя как «класс», как устойчивую группу, которая имеет хорошие шансы на воспроизводство во времени и отличается структурой идентичности от других социальных групп. Правильнее видеть в них представителей некоего подмножества, которое при благоприятном стечении внешних обстоятельств и собственных усилий, вероятно, могло бы в будущем стать ориентиром для ближайших к нему социальных слоев, неким зародышем или катализатором формирования среднего класса». Замечу, что организаторы опроса к среднему классу условно относили тех, кто в оценках своего положения отмечал степень правовой защищенности и возможности отстоять собственные интересы (htpp://www.levada.ru/press/2008070900.html).

2. Консервативно ориентированная элита и субэлита — верхушка государственной бюрократии. Это — главный субъект подготовки властных решений и придания им статуса правовых норм. Отличается несомненной коррумпированностью.

3. Верхушка коммуно-патриотических сил, возникшая на базе советской номенклатуры. Будучи также ввязана в передел собственности, эта группа стремится к хотя бы частичному восстановлению советских порядков и противостоит либералам.

4. Верхушка криминального мира, связанная с представителями власти и крупного бизнеса, угрожающая криминальному перерождению общества и государства.

5. Среднее звено бюрократии — управляющие предприятиями и заинтересованные в усилении роли государства вплоть до возрождения планово-распределительной экономики, причем этот слой активно «выхолащивает» новолиберальные реформы на местах.

6. Социально востребованные профессионалы, склонные адаптироваться к рыночным условиям и настроенные «прозападно».

7. Социально-демократически ориентированная интеллигенция, выступавшая опорной силой перестройки. Эта группа при благоприятных условиях может иметь будущее.

8. Относительно депривированная (т. е. ущемленная в удовлетворении своих жизненных нужд) часть базового слоя — рабочие, крестьяне, слабо востребованные специалисты среднего уровня — все они, по мнению Т. Заславской, «практикуют широкий спектр видов трансформационной деятельности», но прежде всего в адаптационном поведении.

9. Неадаптированная консервативно-периферийная группа из малообразованных и малодееспособных нижних слоев населения, в основном протестно настроенная и при благоприятных обстоятельствах могущая стать резервом реакционных сил.

10. Широкое основание криминального мира — люди, заинтересованные в сохранении нестабильности и слабости государственных структур[9].

Одно из направлений тсследований социального расслоения связано с теорией П. Бурдье [1]. Эту концепцию активно используют Ю. Качанов и Н. Шматко, которые не употребляют понятия класса, но пишут о «пространстве социальных различий, на основе которых могут возникать все виды практических групп — исторически определенных коллективов агентов, мобилизованных для совместной борьбы и обладающих единством

[9] Сегодня, в 2005 г. в состав деятельных агентов следует добавить проявивших себя в массовых выступлениях против монетизации льгот пенсионеров, на долю которых приходится около трети электората, и возникающих как грибы после дождя многочисленные политизированные молодежные объединения анти- и просистемные, равно как и новые гражданские и межпартийные объединения в преддверии парламентских и президентских выборов.

действий». В таком понимании выделяются группы, имеющие своих публичных представителей («вождей»). Именно последние в роли лидеров конструируют в сознании своих приверженцев образ желаемого будущего, солидаризируют их, побуждая к коллективному действию, и они же демонстрируют обществу «реальность» таковых групп, исполняя функцию посредников (авторы называют их субститютами — заместителями самих социальных групп в общественном восприятии).

Группа венгерских социологов во главе с Иваном Селени[10] в 1998 г. анализируя данные по странам Центральной и Восточной Европы, приходят к выводу, что в этих странах, равно как и в государствах бывшего Советского Союза, включая Россию, формируется «капитализм без капиталистов». Авторы в своем исследовании стремятся совместить марксистский анализ с концепцией П. Бурдье и обращают внимание на то, что стратегия перехода к рыночной экономике в посткоммунистических странах не была связана с появлением рыночных институтов. Ранее накопленный ресурс власти, престижа и привилегий стал для бывшей номенклатуры источником его конвертации в капитал экономический.

Проблема с использованием активистской концепции социального расслоения в том, что она хороша для исследовательских целей, но не вполне пригодна для практического применения. Например, Статуправлению ничего не остается помимо стратификации граждан по уровню благосостояния.

Концепция маргинализации. Изначально введенное в научный оборот Робертом Парком для обозначения положения на грани двух несхожих культур, в дальнейшем понятие маргинальности было основательно расширено (Э. Хьюз). Маргинальность стала рассматриваться как любое нечеткое определение социального статуса. Отсюда одновременная самоидентификация с различными социальными позициями. Идея пришлась по вкусу многим отечественным исследователям. И в самом деле, радикальная трансформация социальной структуры порождает ощущение всеобщего хаоса, так что прежние критерии межгруппового сравнения перестают «работать», а многие люди затрудняются определить свое место в социальном пространстве. Ранее «передовой класс» рабочих оказался в положении эксплуатируемого. Все так называемые бюджетники, включая врачей, учителей и научных сотрудников — кто они сегодня — уважаемые профессионалы или же нуждающиеся в социальной опеке со стороны государства? Этот подход, естественно, не может оставаться эвристическим слишком долго, что прямо связано с вступлением страны на путь устойчивых и благоприятных изменений в экономике и иных сферах.

Концепция социальной ниши. Надо упомянуть новейшую в западной социологии концепцию социальной ниши, которая , как пишут

[10] *Eyal G., Szeleny I., Townsley E.* Making Capitalism without Capitalists: Class formation and Elite Struggless in Post-ommunist Europe. L.; N.Y.: Verso, 1998.

авторы обзорной статьи в Sociological Abstracts за 2007 г. обрела статус «теоретического инструмента»[11], но в нашей литературе пока что не нашла отклика.

Оксфордский толковый словарь поясняет термин niche как «удобное положение (место), где человек имеет право делать то, что хочет делать с комфортом и удовольствием» Нишей стали обозначать некие целостные социальные единицы (entity). Например, организации или группы людей, которые находятся в окружении крупных социальных сообществ, но их практики не укладываются в общепринятые нормы. Исследуются жизненные шансы находящихся в социальной нише, их взаимодействия между собой и с не принадлежащими к нише в конкурентной среде, которая «навязана» им извне.

С 1980 г. в Sociological Abstracts упоминается 400 статей, в которых используется этот концепт[12]. Социологические «корни» данного понятия уходят к Зиммелю (чужаки) Сегодня это мигранты, «чужаки» в постсоветских государствах, где русские — «инонациональны», в так называемой биологической социологии — сообщества, обладающее особыми ресурсами, природными или иными.

Спрашивается, насколько адекватна теория социальной ниши к рассмотрению социального расслоения в нашем обществе? Видимо, вполне адекватна как альтернатива концепции маргинализации, поскольку маргинальные группы и сообщества подобно тем, кто нашел свою нишу, не похожи на большинство, но в теории маргинализации акцентируется их инаковость больше с оттенком некоторой ущербности, неполноты возможностей окружающего большинства. Вспомним, что автор концепции Р. Парк имел в виду людей, которые не в состоянии осознать свою идентичность и не могут уверенно определить свой статус в социальном пространстве. Концепция социальной ниши опирается на активистскую теорию, каковая подчеркивает инновационные потенции акторов, их способность находить свой способ действий в заданной институциональной среде.

Концепция эмерджентности Д. Блау. Блау обратил внимание на то, что в разных претерпевающих трансформации посткоммунистических странах «неожиданным» образом появляются социально-дифференцирующие факторы, каковые ни одной из известных теорий не могли быть предсказаны. Поэтому он назвал свою концепцию теорией эмерджентности — внезапности появления нового критерия социального неравенства. Развивая эту идею, М. Черныш [8] замечает, что эмерджентные факторы — это «внешние, структурообразующие признаки, которые в разные моменты могут “вклиниваться” в производство социального неравенства». Например, речь может идти о некоторой группе признаков, которые выступают как независимые

[11] Popielarz P., Zachary P.Neal. The Niche as a Theoretical Tool // Annual Review of Sociology. 2007. V. 33. P. 65–84.

[12] Цит. выше. P. 65

переменные и детерминируют другие признаки, характеризующие социальный статус индивидов и больших групп населения. В российском контексте к таковым М. Черныш относит территориальное деление (столичные и провинциальные города), различия по поколениям, включенность в глобальное информационное пространство, в информационные сети[9]. Я бы добавил к числу эмерджентных возникшие деления на титульные нации и прочих, так как последние оказываются в неравном положении с титульными, скажем, русские в Чечне и чеченцы в России. Такая исследовательская стратегия также нацелена на выявление реальных субъектов коллективного действия, коль скоро обладающие тем или иным эмерджентным свойством склонны к групповой идентификации — начальной стадии возможных коллективных акций.

Вместо структур — сетевые взаимодействия. Наиболее детально концепцию сетевых взаимосвязей развивают в наше время Мануэль Кастельс [10] и его последователи. Он вводит понятие «сетевое общество», в котором решающую роль начинают играть электронные информационные сети, причем здесь возникают новые риски — перекрытие каналов взаимосвязей. С позиций своей теории Кастельс весьма мрачно рисует нынешнюю и ближайшую будущую ситуацию в России[10] прежде всего из-за неразвитости гражданских структур, стремления государства избегать публичности принятия важных решений, усиления контроля за деятельностью СМИ.

Реально в России возникают межличностные сети взаимосвязей сильноресурсных лиц, включая чиновников, предпринимателей и даже представителей криминальных структур. Такие сетевые новообразования стремятся установить контроль прежде всего в экономике и тем самым препятствуют развитию рыночных механизмов. Они же определенным образом «взламывают» структуру социального расслоения, опираясь на укорененные традиции межличностных отношений, а не отношений, регулируемых правопорядком.

Векторы социальной мобильности, т. е. векторы перемещений по лестнице социального расслоения, также характеризуют типы социальных неравенств [8]. Они есть динамическая составляющая мобильности в современных обществах. Здесь мы вновь обращаемся к логике институционального анализа, так как социальные институты выполняют, по выражению М. Черныша, функцию «социального лифта», способного поднять индивида или даже целую социальную группу сколь угодно высоко. В традиционных обществах таких «лифтов» не существовало, в современных имеют место «институциональные кластеры» (Н. Смелзер), которые регулируют социальную мобильность. В их составе ресурсы родительской семьи, доступность образования, правила конкуренции на рынке труда, институционализиро-

[10] Там же. С. 82–83.

[9] *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество: Аналитические исследования // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.

ванные правила поступления на государственную службу, служба в армии (в странах ЕС, США, Израиле и ряде других она дает преимущества обучения в университете).

Так, в СССР активный пионер становился комсомольцем, комсомольская активность обеспечивала прием в партию, а членство в партии было лифтом для продвижения в высший «класс номенклатуры» (М. Восленский). В современной России институт образования производит селекцию на успешных и малоуспешных в социальной карьере, а с детства эту функцию выполнял институт родительской семьи, обеспечивающий стартовый капитал детей[11]. Молодежное движение «Наши» объявляет в своей программе подготовку политических деятелей новой формации, чтобы «перезагрузить» систему властных институтов.

М. Черныш справедливо считает, что в России надлежит создать социальные механизмы, позволяющие увеличить масштабы восходящей мобильности: бесплатное среднее образование, минимально квотируемое платное высшее, банковские ссуды на высшее образование, привилегии для отслуживших в армии, универсальную систему требований и личностных тестов отбора на государственную службу и др.

Вопрос студентам. Какие социальные институты следовало бы преобразовать или создать для регулирования восходящей мобильности в нашем обществе?

В итоге можно сказать, что за исключением первоначальных идей Конта и Дюркгейма, решительно все перечисленные теории социального расслоения взаимодополняют друг друга и могут быть успешно использованы для анализа социального расслоения российского общества с учетом высказанных оговорок.

Вопросы для самоконтроля

1. Различия в понимании классов Марксом и Вебером.
2. Стратификационный подход, его плюсы и минусы.
3. Концепция социального неравенства по критерию наличия социальных ресурсов или капиталов разного объема.
4. Унаследованные и «естественные», самостоятельно накопленные социальные ресурсы как критерии социального неравенства.
5. Деятельностно-структурная классификация социального расслоения Т.И. Заславской.
6. Концепция маргинализации социальных групп в периоды радикальных социальных преобразований.
7. Теория эмерджентности Д. Блау.
8. Институцональные системы социальной мобильности.
9. В какой мере различные теории социального расслоения могут быть применены к изучению социальных неравенств в современной России?

---

[11] *Константиновский Д.Л.* Институт образования и социальное неравенство // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 144–166.

Литература

Основная

1. *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.

2. *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социс. 1992. № 9.

3. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура общества в поиске адекватных ответов. Социс. 2008. №7.

4. *Заславская Т.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социс. 2001. № 8.

5. *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3–22.

6. *Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.

7. *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007.

8. *Черныш М.Ф.* Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005.

9. *Шматко Н.А.* Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.

Дополнительная

10. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 354–398.

11. *Шкаратан О.И.* Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. 2004. № 1. С. 3–48.

Лекция пятая
Культура и личность

Оба названных понятия могут рассматриваться в качестве важнейших социологических категорий. И оба они подверглись в современной теории радикальному переосмыслению.

5.1. Культура

В марксизме культура — одна из «надстроек» над экономическим базисом[1], исторически меняющемуся способу производства, его экономическому базису соответствует своя надстройка. Классическое, немарксистское понимание культуры как системы ценностей, других регуляторов социального поведения — идеалов и мифов, языка и обычаев, от Дюркгейма до Парсонса, напротив, опирается на принцип эволюционного развития и стабильности социума в качестве нормы его бытия, в котором культура — главный «стабилизатор». Культура, по выражению Парсонса, выполняет «женскую» функцию: консервирует, транслирует традиции прошлого, тогда как социальная подсистема исполняет «мужскую» функцию, является источником социальных изменений и прогресса. Отсюда концепция культурного лага — отставания культуры от изменений, происходящих в экономике, технологии производства.

В принципе названные социологи вполне адекватно представляли функции культуры в социально-культурной системе. Это представление и не могло быть иным применительно к традиционным обществам, непосредственно, или достаточно сильно зависевшим от природных условий их существования, что прекрасно показали социальные антропологи (Малиновский, Рэдклифф-Браун и др.). Научно-техническая революция XX в. (а наука — компонент культуры) стимулировала переосмысление функций культуры в общей системе социума. Этому же способствовали революционные и иные массовые движения, вдохновляемые идеями радикального переустройства общества.

Надо также заметить, что в истории человечества происходили существенные мировоззренческие изменения в отношении людей к взаимосвязи между культурой и природными условиями. Античный мир следовал принципу «помогать» природе раскрыть ее возможнос-

---

[1] Т. е. вторична. В 1959 г. Сталин вступил в публичную дискуссию с рядом лингвистов, которые утверждали, что если следовать Марксу, то и язык как компонент культуры надо считать надстройкой над экономическим базисом. Сталин опубликовал в «Правде» письмо под названием «Марксизм и вопросы языкознания», в котором высмеивал авторов, утверждая, что нельзя доводить концепцию надстройки до подобного абсурда, ибо получается, что со сменой формаций утрачивается всякая преемственность в культуре народов. Александр Галич сочинил по этому поводу злой «шансон», в котором есть такие слова: «Товарищ Сталин, Вы большой ученый, в языкознании большой корифей, а я простой советский заключенный, не уклонист и даже не еврей».

ти (cultivare — в первоначальном смысле «обработка почвы»). Эпоха ренессанса выдвинула принцип «культура — вторая природа человека», а XX в. ознаменовался еще более жесткой формулой: культура — это и есть подлинная природа человека. В СССР, например, со школьных лет вдалбливали фразу Мичурина «Нам не следует ждать милостей от природы. Взять их — наша задача». Повороты великих рек и т. п. — следствие такого рода логики. И лишь в послевоенные годы минувшего века Римский клуб поднял тревогу по поводу уничтожения среды обитания человечества. Нынешняя философия — научиться сосуществовать с естественной средой обитания.

Социальная теория не могла не реагировать на перемены, происходящие в реальной жизни. Конструктивисты реагировали в логике теореты Томаса: если мир таков, каким мы его представляем, то чем же иным мы можем руководствоваться в своих действиях? Активисты пошли дальше: люди сами переделывают мир в соответствии со своими интересами. Лишь поначалу индивид социализируется в данной культуре. Но еще более радикализировали проблему постмодернисты, убежденные в том, что именно культура (язык, его смысловые значения, культурные коды) «творит» социальное пространство.

Поворот в теории культуры начался в 60-е гг. прошлого века (Стюарт Холл, Клиффорд Гирц), но решающим образом его осуществил Джеффри Александер[2]. Он выдвинул идею культуральной социологи, а в сущности предложил рассматривать культуру в функции основного движителя социальных трансформаций на основе того, что ценности, культурные коды и дискурсы в обществе как раз и выступают главной причиной социальных изменений. Из отечественных авторов к сторонникам культурологического сдвига принадлежит Л. Ионин, который предложил термин «культурные инсценировки» [2]. Он обратил внимание на поведение некоторых протестных групп в постсоветской России, которые «примеривают на себя» те или иные идейные новации и наблюдают, какие из них находят лучшее восприятие. Им и следуют в дальнейшем. На мой «марксистский» вопрос на одном из семинаров — какова же все-таки взаимосвязь экономики, социально-экономических отношений в особенности, с одной стороны, и культуры, с другой — Леонид Григорьевич ответил: «Здесь отношения корреляции». Иными словами, не всегда понятно, что от чего зависит в продуцировании социальных изменений. Или же — в одних случаях лидируют экономические и социальные, в других — культурные факторы. Трудно не согласиться.

Петр Штомпка взамен классического постулата о культурном лаге

---

[2] *Alexander J.* Introduction: Understanding the 'Relative Autonomy' of Culture // *Alexander J., Seidman S.*, (eds.). Culture and Society: Contemporary Debates. Cambridge: CUP, 1990; *Alexander J.C., Smith P.* The Strong Program in Cultural Sociology // The Handbook of Sociological Theory / *Ed. by J. Turner*. NY: Kluwer, 2001; *Alexander J.* The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. N.Y.: OUP, 2004.

выдвинул иную формулу. Он обратил внимание на то, что в посткоммунистических странах поначалу люди лишь «на слух» воспринимают непривычные для них западные ролевые образцы и только спустя время осваивают поведенческие практики, им соответствующие. Элементарный пример из отечественной истории перестройки и постперестройки. Уже на первом общесоюзном съезде народных депутатов СССР, избранных по «куриям» (отдельно от КПСС, профсоюзов, от АН СССР и др.) плюс индивидуально на альтернативной основе, председатель съезда был назван журналистами «спикером». Но таковым он отнюдь не был и предоставлял слово очередному оратору, сообразуясь с задачей достижения желаемого решения. Так, А. Сахарова гнали с трибуны при поддержке «агрессивно-послушного большинства», ибо он требовал вывести наши войска из Афганистана. Немедля за Андреем Дмитриевичем трибуна была предоставлена истеричному офицеру «афганцу». Спустя время в Российской Думе установилась реальная практика поведения председателя-спикера: вначале выступают представители фракции большинства и затем …

Вывод. Если социальная история трансформировалась из естественно-исторического в социально-исторический процесс, то и функции культуры в социокультурной системе также трансформировались. Влияние культуры на социальные процессы радикально окрепло. Достаточно напомнить поворот в сторону готовности затратить значительные средства на сохранение природы в ущерб сиюминутной «экономической эффективности» (Киотское соглашение). Вместе с тем у меня есть сомнения относительно адекватности культурологического подхода к российским реалиям. По крупному счету российское общество еще далеко от того состояния, при котором взаимоуважительный и равноправный дискурс между народом и властными структурами определяет направление социальных изменений, его просто-напросто пока не наблюдается. По сути огромное подавляющее большинство граждан вынуждены «подпитываться» идеями и смысловыми кодами, пропагандируемыми властными структурами. Люди в большинстве своем не столько строят свою жизнь, сколько обустраиваются, при том в большинстве по своим весьма умеренным возможностям.

В начале 1990-х наш институт участвовал в программе ЕвроБарометра, в котором страны ранжировались по критерию соотношения материалистических и постматериалистических ценностей, где первые есть предпочтение материального благополучия, а вторые – ценности самомовыражения личности и достойное качество жизни (близко к понятию удовлетворенности жизнью)[3]. Рональд Инглхард приезжал в институт (1993 г.) и, бегая вдоль экрана, с хитроватой улыбкой вопрошал зал, каковы наши предположения по части россий-

[3] Концепция и методика интервью Рональда Ингелхарта, рук. российского исследования В. Андреенков.

ского постматериализма. Не помню, нашелся ли хоть один оптимист. По данным 1993 г. индекс соотношения двух типов ценностей в 10-членной шкале в ряду из 19 европейских стран в российском опросе оказался наименьшим (3,4), для Бельгии и Нидерландов — наиболее высоким (5,7). Аналогичных данных на 2008 г. я не знаю, но знаю, что главные тревоги россиян группируются в кластере — повышение заработков, борьба с коррупцией, гарантии безопасности[4]

Вопрос студентам: Как вы считаете, насколько культурологическая парадигма эвристична в изучении и понимании нашего общества?

5.2. Личность

В отличие от психологического толкования этого термина, в социологии личность — отнюдь не индивидуальность, но *социальный тип*. Маркс писал: «Сущность “особой личности” составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество…»[5] В структурном функционализме, по саркастическому замечанию Э. Гидденса, личность — «обструганный болван»[6]. Классическое понятие социализации индивида и есть процесс его уподобления другим в данной культуре. Личность — проекция культуры данного общества. Это позволило Ральфу Дарендорфу [10] озаглавить свою книгу «Homo Sociologicus». Социальный человек как личность (личина как маска[7]) в разные исторические эпохи представляется «эпохосоответствующим». По Дарендорфу, в античности личность свободного человека — homo politicus, поскольку раб лишь «гворящее орудие», в средневековье она homo faber — постоянно занятая каким-то делом, трудом (в словаре Даля слово «досуг» трактуется как ничегонеделание, праздность) и т. д. По той же логике возникло выражение «хомо советикус». Хейзингер предложил термин «хомо люденс» — человек играющий (постмодерный). По той же логике возникло выражение «хомо советикус». Нынешний тип личности россиянина я бы назвал «хомо адаптатус», т. е. центрированным на приспособлении к заданным, от него мало зависящим условиям жизни (тип личности представителей пропорционально мизерного гламурного сообщества должен скорее именоваться по Хейзингеру — играющие).

---

[4] Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М.: МОНФ, 1999.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 62.

[6] Здесь уместна «дидактическая» шутка насчет изобретателя автомата для бритья. На возражение, что физиономии у мужчин разные, умелец ответил в духе приведенного сарказма Гидденса: «Да, вначале будет больно».

[7] И. Кон замечает: «Первоначально слово persona обозначало маску,…. которую надевал актер в греческом театре, а затем самого актера и его роль. У римлян это слово употреблялось не иначе, как с указанием определенной социальной функции, роли — личность отца, царя, обвинителя и т. п.» (см.: [3. С. 15]).

А. Кардинер ввел в научный оборот понятие «базовая личность», а другой американский культурантрополог Р. Линтон — понятие модальной личности. Первая максимально соответствует данной культуре, вторая реально доминирует в обществе.

Алекс Инкелес предпринял широко известное эмпирическое межстрановое (межкультурное) исследование, чтобы выявить особенности базового типа современной личности (A Modern Man)[8]. Ее характеристики таковы:

1. Открытость экспериментам, инновациям и изменениям.
2. Принятие плюрализма мнений и его одобрение.
3. Индивидуализация как способ адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам.
4. Большая ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое. Ценность «настоящего» возрастает, что во многом объясняет характерное для современной молодежи стремление извлечь удовольствия «здесь и сейчас».
5. Переход от внешнего (формального) к внутреннему контролю своей жизни и поступков, что проявляется в большем расчете на собственные силы и способности и меньшей надежде на помощь родителей или государства.
6. Готовность к мобильности — географической, социальной, культурной.
7. Растущее чувство возможности справедливого распределения, веры в то, что вознаграждение не зависит от случая, а по возможности соответствует мастерству и личному вкладу. Отсюда — стремление к обогащению личного опыта: профессионального, коммуникационного, психологического.
8. Высокая ценность образования, обучения и формального сертификата, удостоверяющего квалификацию.
9. Уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью, толерантность к «отвергаемым» группам.

Инкелес установил, что все эти качества взаимосвязаны.

Ясно, что в современной России базисная личность современного человека пока не утвердилась. Модальным, т. е. наиболее широко распространенным остается тип личности, рассчитывающий на помощь государства, нетерпимый к иным взглядам, образу жизни и т. д.[9], хотя представители молодых поколений в значительной степени обладают свойствами «современной личности».

---

[8] *Inkeles A.* A model of the modern man: theoretical and methodologicalissues // Comparative Modernisation / Ed. C.E. Black. N.Y.: Free Press, 1976. P. 320–348.

[9] Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х / Под ред. Ю. Левады. М.: Мировой океан, 1993, а также последующие публикации Ю. Левады в журнале «Мониторинг общественного мнения» под рубрикой «Человек советский», начиная с 1997 г.

Решительный прорыв в классическом понимания личности совершил Роберт Мертон [5]. Он предложил несколько моделей адаптации индивидов к культуре и реалиям данного общества помимо конформизма (схема 3).

Понятно, что автор иллюстрировал свою типологию реалиями современной ему Америки. Но она великолепно работает и в применении к иным обществам в иное время.

Схема 3. **Классификация Р. Мертоном способов социальной адаптации**

Тип адаптации	Отношение к целям	Отношение к средствам социального действия ради достижения целей
Конформность	Принятие	Принятие
Инновативность	Принятие	Непринятие
Ритуализм	Отвержение	Принятие
Отстранение	Отвержение	Непринятие
Мятеж, бунт	Отвержение и утверждение иных целей	Отвержение и утверждение иных средств

Конформность предполагает принятие культурных целей и институционализированных средств их достижения («обструганный болван» у Гидденса). Инновативность — принятие целей при отвержении средств (например, социализм, но с «человеческим лицом»: в нашей истории — Горбачев и «поколение шестидесятников»). Ритуализм вполне описывает поведение тех, кто, не задумываясь о «высоких целях», занимается своими повседневными делами. Отстранение, бегство от общества — сектанты, бомжи и «пофигисты» в среде подростков и молодежи, верующие в разные чудеса. Бунтари — национал-большевики: лимоновцы, фашиствующие группировки.

Роберт Мертон, помимо пересмотра классики социальных институтов и теории социализации, впервые ввел понятие «эмерджентность» — непредсказуемость целевого социального действия[10]. Мертон по существу предвосхитил становление активистской парадигмы в современной социологии.

Теоретическая социология, будучи еще в рамках структурного функционализма, предложила специальную ролевую теорию личности (см.: [3]). В 1930-е гг. прошлого века Р. Линтон и Г. Мид практически одновременно сформулировали ролевую концепцию. Как комментировал данный факт Игорь Кон в наших обсуждениях, это было связано с великой депрессией в США, когда люди утратили свой привычный статус и задумались над вопросом «Кто Я?» Р. Линтон как социоантрополог придавал особое значение заданным социальным статусом

[10] *Merton R.* The unanticipated consequences of social action // Merton R.K. Sociological Ambivalence. N.Y.: Free Press, 1936. P. 145–155.

ролям, а психолог Г. Мид — восприятию роли. Первый, можно сказать, описывал ролевое поведение по Брехту: актер лишь демонстрирует своего персонажа, а второй — по Станиславскому: актер готов умереть на сцене в роли своего героя.

Не находя в корпусе социологической терминологии нужных понятий, объясняющих активность социального субъекта, социологи обратились к З. Фрейду, Курту Левину и другим психологам. Как уже говорилось, социологические тексты нередко изобилуют психологической концептуализацией.

Вместе с тем, начиная с Дж. Мида и далее в работах А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана — представителей феноменологического направления центр внимания в социологии переносится на изучение и понимание повседневной жизнедеятельности людей (every day life)[11]. В этой парадигме анализу подлежат не социальные структуры и заданные культурой мировоззренческие ориентиры, но индивидуально-личностные конструкции окружающего мира, смыслы и значения межличностных взаимодействий. Развитие так называемой микросоциологии, в отличие от макросоциологии классиков XIX в., наряду с весомым вкладом в социологическую теорию породило проблему «микро-макроразрыва» в корпусе самой теории. Создалась ситуация, напоминающая состояние физической теории, где физика низких энергий и физика высоких энергий обособились.

Как решается эта проблема, мы рассмотрим в заключительном разделе лекции, а сейчас обратимся к концепции национального характера, что в сущности ее обостряет.

5.3. Национальный менталитет: культура, ставшая компонентом самосознания личности[12]

Известное высказывание премьера В. Черномырдина «Хотели как лучше, получилось как всегда» войдет в историю постсоветских реформ. Особенности российского, а точнее, русского менталитета несомненно влияют на успешность текущих трансформаций. В чем же эти особенности, и главное, чем мы отличаемся от других народов, от американцев или немцев, которые, по Инкелесу, лидируют в числе представляющих «модерную» личность?

Начиная с античных историков Геродота или Плиния Старшего, проблема «духа народа» волновала многих мыслителей. В конце XIX в. немецкие психологи М. Лацарус и Г. Штейнталь писали о душевной жизни народов. Их представители имеют «сходные чувства, склонности, желания», обладают единым «народным духом». Связку культуры и личности осуществили в 1970-е гг. упоминавшиеся выше американские культуран-

[11] Подробнее см.: *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация: введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.

[12] См. также Т.Г. Стефаненко [6].

тропологи А. Кардинер и Р. Линтон. Они предложили концепцию «социального (или национального) характера» — продукта жизненного опыта народов и социальных групп. Между тем, понятие менталитета, которое ввели в оборот французские историки школы «Анналов», как считает Т. Стефаненко [6], лучше подходит для нашей задачи, так как означает комплекс коллективных социальных установок, особенностей практического разума и повседневного мышления; его устойчивых форм, что фиксируется в метафорах, поговорках, символах[13]. Это в определенном смысле компонент хабитуса по Бурдье, рефлексивного практического сознания по Гидденсу.

С.В. Лурье выделяет центральную зону ментальности этносов как систему следующих образов на уровне коллективного бессознательного [4]:

1) локализация источника добра;

2) локализация источника зла;

3) представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Т. Стефаненко добавляет еще одну:

4) представление о вероятности, с которой добро побеждает зло.

Источник добра в русской ментальности — община, сегодня — близкие и друзья — все тот же Gemeinschaft; зло проецируется на государство в образе чиновничества (ранее — барина, городового и т. п); способ действий — «все образуется», а торжество добра мы мыслим несомненным, но… в будущем («не мы, так наши дети…»). Сталин это хорошо чувствовал, и на банкете после Парада Победы произнес тост за великий русский народ, его способность вынести невероятные лишения ради победы над врагом.

Естественен вопрос: каковы плюсы и минусы русского менталитета в реализации «прозападных» реформ? Немец не полагается на «Авось обойдется», англичанин или американец ищет справедливости в судах, которые защищают права человека, фиксированные в Конституции на основе «священного» договора между гражданами и избранными ими властями. Что же касается победы добра над злом, то в западной культуре не принято уповать на авось, но действовать. Здесь решающую роль играют представления о том, что есть добро и что есть зло, и, главное, персональные усилия каждого гражданина.

Имеются данные, полученные с использованием психологических тестов в межкультурных исследованиях. К. Касьянова[14] протестировала российских студентов и пилотов, применяя тест MMPI, и сопоставила свои данные с результатами, полученными психологами из других стран. Она нашла, что россияне зашкаливают по «циклоидности». В переводе на общепонятный язык это означает, что мы не склон-

---

[13] История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996. С. 56.

[14] *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. Миннесотский общеличностный тест (MMPI) отделяет психическую норму от патологии, и поэтому психоаналитические наименования шкал.

ны к систематически выполняемой деятельности, независимо от настроения. Как Илья Муромец, который лежал на печи, пока не настал момент сразить змия, а, совершив подвиг, опять залег на печь. Б. Ельцин обладал именно русским характером: в критический момент взобрался на танк с призывом к народу, а в рутинной деятельности гаранта Конституции «работал с документами».

Любопытные результаты межкультурных исследований были недавно получены Е. Даниловой, М. Тарарухиной, Е. Дубицкой[15]. Они использовали психологический тест нидерладского социопсихолога Герда Хофштеда, изобретенный и валидированный им в 1960-х. Тест предназначен для измерений параметров организационной культуры. Хофштед потряс менеджеров тем, что выявил этнонациональные особенности трудовых отношений и опроверг верование в универсальную их рациональность. Оказалось, что немцы и, например, японцы одинаково действуют рационально, но по-разному оценивают баланс затрачиваемых ресурсов и достигаемых результатов. По тесту голландского ученого были изучены 70 народов, но без России. И вот в последние три года проведены массовые тестирования россиян: 1700 респондентов из числа сотрудников энергетических компаний в 23 регионах России и 518 работников крупных машиностроительных предприятий столицы, Поволжья, Владимирской области. Исследователи сопоставили свои результаты с данными по другим странам и пришли к интереснейшим выводам.

По индексу «личные достижения — солидарность» шведы, голландцы, датчане, норвежцы и финны образуют один кластер. Авторы назвали это «североевропейским синдромом солидарности». Англичане, американцы, ирландцы, а также немцы, австрийцы, итальянцы и швейцарцы образовали другой статистический кластер, который Дубицкая и Тарарухина назвали «романо-германским синдромом достижительности». Россия входит в группу североевропейцев.

Другую шкалу исследователи определили в лексике менеджмента как «лояльность компании в обмен на гарантии», а в широком смысле это менталитет зависимости от внешней среды либо настроенный на собственный ресурс социального субъекта. В логике менеджмента первый — ментальность наемного работника («что начальство прикажет»), а второй — партнера («обсудим вместе с руководством»). По этому индексу авторы относят россиян к тем, кто больше ценит гарантии со стороны организации, но добавляют, что во многом это зависит от конъюнктуры на рынке туда.

[15] *Данилова Е., Тарарухина М.* Российская производственная культура на фоне культур других стран мира // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 193–213; Виктория Дубицкая, Марина Тарарухина. «Как управляют в России: Результаты исследования по методике Герда Хофштеда» — новейшая и еще не опубликованная работа, любезно предоставленная с разрешением на нее ссылаться.

В целом же их вывод таков: российская культурная матрица далека от романо-германской, ближе к менталитету «солидаристов» стран Северной Европы. Имея в виду прежде всего национальные особенности менеджмента, авторы заключают: «Организационная культура России, как оказалось, построена на двух китах: солидарность и подчинение организации». В переводе с менеджериальной терминологии на этнокультурную солидаристическая составляющая русской культуры, т. е. то, что Хофштед называет «фемининностью», — это что-то похожее на «гемайншафтные» взаимоотношения между людьми по пунктам теста: забота друг о друге, интуиция, ценность свободного от работы времени. Противоположный полюс «фемининности» «маскулинность» — напористость, рационализм, настойчивость в достижении целей, деньги[16].

Подчинение организации ассоциируется с иерархической институциональной матрицей и психологией этатизма (лояльность в обмен на гарантии со стороны государства). Если рассматривать сказанное выше под углом зрения черт русского менталитета, благоприятных для перехода к рыночным отношениям и неблагоприятных, то можно было бы сказать так. Привычная готовность претерпевать трудности снижает болезненность травмы перехода к конкурентным отношениям. Такие черты нашего социального характера, как сочувствие и забота о других, напротив, подвергаются жестокому испытанию. Принцип лояльности системе в обмен на гарантии стимулирует недовольство правительством и протестные акции.

Что же касается эффективности в работе, то, как убеждают исследования по методике Хофштеда, надо заимствовать сообразные модели менеджмента, адекватные российской культуре и менталитету десятков миллионов работников. Американская жестко конкурентная модель управления нам определенно не подходит. Североевропейская, более гибкая, партнерская — пригодна. Нужна, однако, собственная, российская.

5.4. Являются ли особенности национального менталитета решающим фактором успешных трансформаций общества?

Одной из весьма популярных в современной социологии и социопсихологии является концепция Ш. Шварца[17], имеющая целью межкультурные сравнения ценностных структур под углом зрения модернизационного потенциала культуры народов разных стран. Он выделяет три оси координат культуры: (а) отношение между личностью и группой: сопричастность vs автономия, что близко к шкале коллективизма-индивидуализма у Хофштеда. В модернизационной логике коллек-

[16] Индекс «фемининность — маскулинность» оказался тесно связанным с ответом на вопрос проиграл или выиграл респондент от рыночных реформ: выигравшие имеют индекс маскулинности, равный 49, а проигравшие — 10.

[17] *Schwartz S.N., Lehmann A., Roccas S.* Multimethod Probes of Basic Human Values // Social Psychology and Culture Context: Essays in Honor of Harry C. Triandis / Ed. By J. Adamopolos, Y. Cashima. Newbury Park. CA: Sage Publication, 1999.

тивизм более присущ традиционализму (консерватизму). (б) Способ обеспечения социально-ответственного поведения: равноправие против принципа иерархических взаимоотношений, т. е. подчинения более высокому по статусу, это близко к шкале дистанцию власти у Хофштеда. (в) Отношение индивида к окружающей среде: высокая адаптированность и нежелание что-либо изменять vs стремления к изменению среды «под себя»: ценности мастерства, профессионализма, таланта, достижительности (у Хофштеда — шкала избегания неопределенности).

В.С. Магун и М. Руднев[18] сопоставили ценностные предпочтения россиян с предпочтениями народов 20 других стран на основе общеевропейского исследования по методике Шварца в 2006–2007 г. и в результате тщательного статистического анализа заключили, что, отличаясь от западноевропейцев, мы демонстрируем схожесть с народами других постсоветских стран (исключая эстонцев). Россиянам свойственна более высокая потребность в защите со стороны сильного государства, менее выражены потребности в свободе и самостоятельности, склонности к риску, гедонистическим ценностям. Вместе с тем по параметру «Открытость изменениям — Сохранение» россияне сегодня близки многим европейским народам. Не подтверждается стереотип такой черты русского национального характера, как покорность и послушание. По этой важной для реформации страны группе ценностей авторы не нашли российской «уникальности».

Е. Ясин сопоставил имеющиеся данные межстрановых исследований ценностей, выполненных по методологии Инглехарта (материалистическая и постматриалистическая культура), Рокича и Ш. Шварца. Принимая за основу концепцию Шварца, он пришел к следующим выводам:

Система ценностей в России по сравнению со странами Азии, Африки и Латинской Америки, достаточно близка к западно-европейской, «но более консервативна, традиционна, более склонна к порядку, иерархии и менее – к правам и свободам личности»[19].

В 1990-е годы произошел заметный сдвиг в сторону ценностей «модерной личности» (интеллектуальная автономия, ценность мастерства), особенно у молодежи. Однако в период 2000–2005 гг. фиксировалось возрастание гедонизма вместо ценностей развития творческих способностей.

«По важнейшим направлениям, — заключает Е. Ясин, — произошел откат назад… культурные предпосылки модернизации ухудшились».

По данным мониторинговых обследований, выполненных в 1998 г.,

---

[18] *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.

[19] *Ясин Е.Г.* Модернизация и общество. Доклад на VШ Международной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» 3–5 апреля 2007 Г. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2007. С. 106.

2004 и 2007 гг. сотрудниками Института социологии, как заключает руководитель проекта М.К. Горшков, в период с 2004 до 2007 г. Доля так называемых модернистов сократилась с 26% до 20%, а традиционалистов — увеличилась СС 41% до 47% при сохранении доли «промежуточных» (33%). Признаками модерности авторы считали принятие ценностей индивидуальной свободы, что «совершенно неприемлемо» для традиционалистов и промежуточных в этом вопросе (80% выборки!). «Для них, — пишет М. Горшков, — оптимальна традиционная для России этакратическая модель развития, основанная на всевластии государства, служащего в идеале этой модели выразителем интересов общности в целом и обеспечивающего безопасность как каждого отдельного гражданина, так и общности. Причем подобная модель воспринимается, скорее, как хаотическое сообщество, где каждый выполняет свою функцию, чем сообщество свободных индивидов, осознанно выстраивающих разнообразные жизненные стратегии, руководствуясь правами человека,признаваемыми как базовые и государством и обществом»[20].

Е. Ясин в упомянутом выше докладе на международной конференции 2006 г., справедливо подчеркивал, что наиболее трудная проблема — трансформация в социокультурном целом: достижение взаимодоверия в обществе между людьми и между народом и властными структурами. Это связано с активной модернизацией социальных институтов, обеспечением законности, снижением разрыва между бедностью и богатством, ослаблением безмерной коррупции, формированием правосознания, развитием гражданских структур, толерантности к иным взглядам и образу жизни.

В заключение, еще раз сконцентрируем внимание на нашей главной проблеме в этой лекции — культуре и особенностях национального менталитета. Народы несхожих культур и менталитетов демонстрируют выдающиеся достижения в экономике, как ориентированные на личный успех американцы или ориентированные на общий успех дальневосточные «тигры»[21]. *Принципиально важно, что особенности национального менталитета не является непреодолимым препятствием к достижению социально-экономического прогресса.* Здесь то же самое, что в психологии называют личностным стилем действий, направленных на выполнение некоторой непременной задачи. Люди с разными характерами и темпераментами способны эффективно выполнять определенную работу, но по-своему ее организуя. *Почему бы не ввести понятие «национальный стиль» социальных трансформаций?* (См. разд. 6.3.).

---

[20] *Горшков М.К.* Российская идентичность в социологическом измерении // Социс. 2008. № 6. С. 107.

[21] Проблема успешности модернизационных усилий народов разных культур с акцентом на Россию подробно рассматривается в кн.: *Вишневский А.Г.* Русский или прусский?: Размышления переходного времени. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.

Вопросы для самоконтроля

1. Как в европейской цивилизации исторически изменялись представления о соотношении природной среды обитания человечества и культуры?

2. Принципиальные отличия понимания личности в современных деятельностных теориях от понятия «личность» в классической социологии.

3. В чем основные отличия классического понимания функций культуры как подсистемы социума от современного подхода к проблеме?

4. Схема Р. Мертона о вариантах социализации личности.

5. Особенности ролевых теорий Р. Линтона и Г. Мида.

6. A Modern Man, по А. Инкелесу. Черты «современного человека».

7. Национальный менталитет и его роль в социальных процессах.

Литература

Основная

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди; люди, которые играют в игры. М.: Прогресс, 1988.

2. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 2004. Логос

3. *Кон И.С.* В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Наука, 1984.

4. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998.

5. *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социс. № 3. 1992.

6. *Стефаненко Т.Г.* О русской ментальности: константы и трансформации // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В. Ядова. М.: Изд «Флинта», 2005. С. 264-299

7. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии.М.: Научный Мир. 1998.

Дополнительная

8. *Бауман З.* От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4

9. *Левада Ю.* ”Человек советский” десять лет спустя: 1989–2000 (Предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения. 1999. №4. С 7–15; Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х / Под ред. Ю. Левады. М.: Мировой океан, 1993.

10. *Dahrendorf R.* Homo sociologicus. Cambridge. Cambridge Univ. Press. 1973 Cambridge Univ. Press. 1973.

Лекция шестая
Макротеории социальных изменений

В конечном счете, социальные теории для того и создаются, чтобы не только понять прошлое и современность, но и установить некоторую закономерность для предсказания будущего.

6.1. Раймон Будон о возможности применения общенаучных методов в социологических прогнозах

Раймон Будон детальнейшим образом проанализировал возможности общенаучных методологий в применении к прогнозу социальных процессов [1]. Далее, опираясь на работу Будона, который обсуждает пять методологических стратегий предсказания еще неизвестного на основе имеющегося знания, я прокомментирую его идеи.

а) Методология Локка относительно причинных зависимостей постоянно применяется нами в анализе статистик собранных данных. Логика здесь такова: если имеют место условия a, b, c и некоторые другие, то, следуя предшествующим наблюдениям, можно ожидать наступления эффекта x. В малых социальных системах вроде производственной организации логика детерминизма вполне «работает». Например, если правила всем ясны и строго исполняются, заработки непосредственно связаны с продуктивностью работника и т. д., то аналитик организации способен предсказать ее общую успешность.

Совсем иная ситуация в крупных социально-культурных системах[1]. Никогда нет уверенности, что мы учли все существенные детерминанты[2]. Егор Гайдар рассуждал именно по этой логике, предлагая шоковую стратегию рыночных реформ: отпускаем цены, и предприятия, не способные конкурировать на рынке продукции, становятся банкротами. Выживают и процветают учитывающие рыночную коньюнктуру. Пример — шоковая терапия в Венгрии, Польше… Гайдар «забыл», что чуть ли не 40 % советской промышленности было жестко связано с ВПК, а заказчик ее продукции — само государство, не свободный рынок. Иными словами, требовалась предварительная конверсия, например, Кировского завода в Петербурге на выпуск не мощных танков, но малых тракторов для сельского хозяйства.

---

[1] Приведу подлинную историю, описанную в мемуарах крупнейшего российского кораблестроителя А.Н. Крылова. Перед началом Великой Отечественной войны в Кремле состоялось совещание военно-морских инженеров на тему «Как нам лучше начать производство линкоров и авианосцев». На одном из заседаний некий молодой офицер сказал: «Чего тут думать? Берем крейсер и увеличиваем его в масштабах». На это Крылов реагировал: «Мысль великолепная. Я только боюсь, что матросы в гальюны будут проваливаться».

[2] Раймон Будон обнаружил серьезную ошибку у Вебера относительно роли протестантов в развитии капитализма. Он обратил внимание на то, что в числе германских протестантов была большая доля эмигрантов из стран, где их преследовали католики. Но дело в том, что мигранты во всех культурах отличаются энергией, инициативностью и стремлением утвердиться.

б) Вторая модель. По Будону, в принципе та же, но это детерминация с обратной связью. Он иллюстрирует ее теорией МакПартленда, который предсказывал следующую цепочку: протестанты-трудоголики воспитывают своих детей в том же духе, и экономический прогресс набирает мощную инерцию. Будон обращает внимание на то, что прогресс не может быть исключительно линейным, так как общество становится мультикультурным, в котором собственно протестанты далеко не всегда доминируют.

в) Третья логика — расчет тенденций путем исчисления их темпов — экстраполяция. Так рассуждали демографы, пока не осознали, что предсказания Томаса Мальтуса в конце XVIII в. о перенаселении человечества и мировом голоде блокируются прогрессом в сельскохозяйственном производстве и сознательным ограничением рождаемости. Аналогичный по логике рассуждения прогноз выдвинул известный американский науковед Саймон Прайс. Он установил закономерность развития науки по экспоненте: каждые 15 лет, начиная с окончания Второй мировой войны, материальные вложения в науку удваиваются — и по численности занятых в науке, и по числу журналов и т. д.

Мне посчастливилось быть свидетелем дискуссии Мертона с Прайсом на Варненском Международном социологическом конгрессе. После доклада Прайса на пленарном заседании Роберт Мертон выступил с места: «Я тут подсчитал на калькуляторе, что к такому-то году все мужчины, женщины, дети и собаки станут учеными». И действительно, наука интенсифицировалась: вместо тысяч журналов — дайджесты, вместо трех–четырех лаборантов — компьютер, отслеживающий эксперимент, и т. п.

г) Революции как форму социальных изменений Будон рассматривает по Куну (революции в науке). Однако в реальной науке имеют место и революции как полное отвержение прошлого, но в такой же мере и накопление данных с их переосмыслением. Пример: общей теории физики до сих пор нет. Физики не могут разработать некоторую теорию, объединяющую физику твердого тела (низких энергий) и физику высоких энергий. Имеет место научная революция — радикальная смена парадигмы. Но историки великолепно накапливают знания и переосмысливают их. В социологии также не наблюдается радикальных революций с полным отвержением классики XVIII–XIX вв.

д) Будон включает в общенаучные модели девелопментализм — теории стадиального безвозвратного линейного развития. Но эту проблему мы рассмотрим ниже.

Общий вывод из работы Р. Будона «Теория социальных изменений» таков, что *ни одна из рассмотренных общенаучных методологий не может быть принята в качестве универсальной, но каждая в определенных границах имеет познавательный ресурс.*

6.2. Оптимистические и пессимистические концепции социальных трансформаций

Эволюционизм — лидирущая идея в классической социологии вплоть до Т. Парсонса, каковую сегодня подвергают уничтожительной критике [6. С. 231–241]. Истоки эволюционизма — принятие метафоры развития биологического организма, с одной стороны, и глубокая вера в лучшее будущее человечества, будь то нравственное совершенствование, экономическая эффективность, господство рациональности или расширение рамок свободы индивидов, с другой.

Впервые прогрессистская идея вдохновила мыслителей эпохи Возрождения. Этот подход сегодня часто именуют девелопментализмом, другими словами, это утверждение постоянного однонаправленного и безвозвратного развития обществ. Уже Ф. Теннис сомневался в безусловности преимуществ современного общества по сравнению с традиционной общиной. Индустриализация и быстрая урбанизация в конце XIX – начале XX в., возникновение городов-гигантов наряду с преимуществами вызвали столь серьезные негативные последствия, что люди бросились сооружать поселения-спутники наподобие сельских общин. По сегодняшним стандартам благоустроенной жизни семья стремится иметь второй, загородный дом, где можно и отдыхать от городской напряженности, и бескорыстно общаться с соседями, и вернуться к живой природе. Научно-технический прогресс привел к производству не только общеизвестных благ, но и смертоносного оружия массового поражения, загрязнению среды обитания, угрожающим изменениям климата на планете и т. д. и т. п. В области политики девелопменталистский подход столкнулся с инволюциями разного рода (например диктаторские режимы) и неспособностью современных социальных институтов обеспечить безопасность граждан и справедливость при осуществлении социальной политики[3].

Р. Нисбет назвал «метафору роста», т. е. поступательного от низшей к высшей стадии развития, ошибочной[4], а Ч. Тилли в 1984 г. писал, что исторические факты опровергают утверждения о существовании каких-либо различимых стадий в историческом процессе и, более того, ставят под сомнение любые описания прогресса[5]. В самом деле, не отсюда ли проистекают многообразные «пост»-состояния как якобы новые и прогрессивные этапы развития обществ? Почему Гид-

---

[3] Именно поэтому А. Гидденс предлагает «третий путь»: не в сторону либерализма или социализма, но в сторону возрождения самоуправляющихся малых общин — community (*Giddens A.* The Third Way. Oxford: Polity Press, 1998; *Он же*. The Third Way and its Critics. Oxford: Polity Press, 2000; Oxford: Polity Press, 1998).

[4] *Nisbet R.* Developmentalism a critical analysis // Theoretical Sociology / Eds. J.C. McKinney, E.A. Tiryakian. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970. P. 167–204.

[5] *Tilly Ch.* Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N.Y.: R. Russel Sage Foundation, 1984 (Цит. по Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 25).

денс усомнился в идее постмодерного общества, назвав его обществом high modernity[6], что можно понять и как тупик модерности и как его высшую стадию (С. Кравченко находит адекватным перевод термина как «радикальный модерн»). Свойства такого общества автор описывает в понятиях повышенных рисков.

Крайне изобретательными оказались советские философы. Понимая, что со строительством социализма, как это предсказывали Маркс и Энгельс, что-то не получается, придумали его стадии: «в основном» построенный социализм, затем «зрелое» социалистические общество, а дальше при М. Горбачеве возникла метафора «рыночного социализма», что уж вовсе не имело отношения к основоположникам, но скорее к политике НЭПа, которую В. Ленин полагал «временным отступлением» от программы строительства социализма и коммунизма.

Решающий удар по девелопментализму нанес Э. Валлерстайн[7], утверждая, что возникновение глобальной капиталистической миросистемы в принципе требует переосмыслить классику XIX – начала XX в. Наиболее сомнительной он полагает концепцию развития, потому что она опирается на внутренние источники прогресса обществ, каковые радикально корректируются изменениями в миросистеме, не говоря уже об утрате социально-экономической (частично и политической) автономии государств. Эта мысль совершенно согласуется с формулой Ф. Фукуямы о конце истории отдельных стран.

Возникает непростая проблема и с изложением курса «Социологические теории». Курс истории науки в полном порядке — история она и есть история. Профессиональный социолог обязан ее знать как профессиональный медик должен знать Парацельса, хотя сегодня ни один врач его советами не ограничивается, при этом пиявки до сего дня используют.

Моя позиция состоит в том, что почти ничто из классики не утратило своей актуальности для понимания социальных процессов в современных обществах (в смысле обществ XXI в.). Да, верно, что прогресс чреват движениями вспять, верно и то, что мы, наша страна вошла в миросистему. Но остается разумным и другое — социально-культурные, прежде всего институциональные, традиции продолжают себя «оказывать». Любая социальная теория — идеальный конструкт, каковой по определению не редуцируется в многообразие социальных фактов и событий[8]. Выше говорилось, что некоторые из классических теоретических конструктов к нашему времени вообще не относятся, но большинство фундаментальных открытий социологии XIX – на-

[6] *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

[7] *Wallerstein I.* Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth — Century Paradigms. Cambridge: Polity press, 1991.

[8] М. Черныш приводит «водную» метафору Эрика Райта: как вода, представленная формулой, не может быть тождественна воде из реки Темза, так и чистая теория, прорисовывающая общее направление общественной эволюции, не может быть использована без значительных поправок и модификаций (*Wright E.* Classes. N. Y.: Verso, 1985).

чала XX в. остаются «работоспособными». Пусть «деятельностники» в современной социологии отрицают девиацию, поскольку понятие «девиация» связано со стабильной социокультурной системой. Но если учесть особенности наших социальных институтов и российского менталитета, девиация как социологическая конструкция совершенно уместна. Мы не признаем однополые браки, у нас нет понятия «политкорректность», и потому не чувствуем морального диссонанса, требуя (судя по результатам массовых опросов) убрать кавказцев из российских городов; в массовом сознании не укореняется следование международным правилам о защите прав человека и толерантность к представителям иных этнических групп[9]. Глубинные основы социальных институтов и русского менталитета глобализация практически еще не затронула.

Эти рассуждения ничуть не опровергают главный пафос критиков девелопментализма — если мир в целом не столько прогрессирует, сколько трансформируется, то следует активно влиять на трансформационные процессы.

В некотором смысле к девелопментализму можно отнести и марксистскую теорию революций — «локомотивов истории». Однако современные западные демократии научились так строить социальную политику, чтобы не только избегать революционного взрыва, но упреждать явные трудовые конфликты путем переговоров между союзами предпринимателей и наемных работников. Революции остаются одной из форм социальных изменений в странах авторитарных или диктаторских режимов[10].

Альтернатива девелопментализма — риск-теории[11]. Тот факт, что человеческая деятельность постоянно порождает опасные риски, был замечен в социальной теории уже в XVII–XVIII вв. Джанбатиста Вико утверждал, что общество неуклонно регрессирует и «золотой век в прошлом». Научно-технический прогресс не мог не обратить внимания естествоведов и социальных исследователей на непрерывное производство рисков. Но в макротеории концепция перехода к обществу рисков сформировалась сравнительно недавно.

Ульрих Бек в 1986 г. и Энтони Гидденс в 1990 г. вводят понятие риска и связывают это с глобализацией. Гидденс акцентирует анонимность порождения рисков путем функционирования безличных институтов и транскорпораций, которые институционализируют риски, навязывают их и создают «среду рисков»[12]. Никлас Луман в 1993 г. заметил, что «…мы можем познать нормальные процессы нашего общества, изучая, как

[9] Показателен опрос газетой «Известия» 300 столичных жителей, которые по результатам большинства массовых опросов проявляют наибольший либерализм. От 50 до 70 % москвичей готовы породниться со славянами (украинцами, белорусами), но более половины отвергают браки с представителями исламской культуры: (против чеченцев — 65 %, против таджиков — 54 %) (Известия. 2004. 2 октября).

[10] Подробнее см.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование в обществе. М.: Аспект-Пресс, 1999. [2. P. 367–389].

[11] Здесь я опираюсь на серьезный анализ проблемы О.Н. Яницким [7].

[12] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

общество пытается осмыслить свои неудачи в форме риска»[13] и ввел понятие «порог бедствия». И, наконец, германский социолог Ульрих Бек четко формулирует концепцию общества рисков как особую теоретическую парадигму[14]. Риски — не побочный продукт современной цивилизации, но постоянно и легитимно производятся решительно во всех сферах общественной системы, они порождают чувство неуверенности и страха. Позитивная логика общественного производства вытесняется негативной. Общество риска нестабильно и способно породить солидарность массовых жертв рисков.

Называя Россию обществом повышенных и всеобщих рисков, О. Яницкий подчеркивает, что близится грань, за которой производство рисков начинает превосходить производство благ и полезных продуктов, «Управление превращается в “тушение пожаров”, в деятельность по ликвидации аварий и катастроф», а люди привыкают жить в экстремальных условиях[15]. Интересна работа С. Кравченко и С. Красикова, предпринявших попытку рассмотреть под углом зрения «рискологии» социологическую классику и постклассику. Как пишут авторы, они предпринимают «полипарадигмальную интерпретацию социальных рисков» исходя из того, что каждая из макротеорий, «используя свой инструментарий, анализирует отдельные тенденции общественного развития, характерные для конкретного времени, внося тем самым свой ограниченный вклад в общее представление об обществе и его рисках»[16].

Мрачная картина катастрофизма все же не должна (и, полагаю, не сможет) парализовать волю граждан и высших органов власти к принятию адекватных мер против возрастания рисков. Опыт алармизма Римского клуба тому подтверждение. Мировое сообщество создает глобальную систему сохранения среды обитания. Концепция Карла Поппера о самореализуемых прогнозах должна здесь «сработать». Осознав ситуацию в полной мере, люди и правительства стран, будем надеяться, изыщут средства и способы предотвратить дальнейшее сползание к порогу бедствий.

Теории циклических изменений[17]. Преодоление узости дилеммы оптимистов/пессимистов — прогресс или регресс можно искать в представлении о циклических (маятниковых) изменениях, которые отражают разворачивающиеся во времени повторяющиеся движения общества.

---

[13] *Luhmann N.* Risk: A sociological Theory. N.Y.: Aldine de Gruyter Inc., 1993. P. VIII.

[14] *Beck U.* Risk Society: Toward a New Modernity. L.: Sage, 1992.

[15] *Яницкий О.Н.* Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс, 2001. С. 21–45.

[16] *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004. С. 10. С.А. Кравченко находит, что социальные исследователи с древнейших времен рассматривали историю человечества под углом зрения рисков. См.: *Кравченко А.И.* Социология: Парадигмы через призму социологического воображения.М.: Экзамен, 2002).

[17] Этот раздел написан О. Оберемко в нашей совместной главе учебного пособия, см.: *Социальные* трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В. Ядова. М.: Флинта., 2005. С. 21–22.

Наиболее очевидной аналогией для теорий циклических изменений являются природные циклы смены времен года. В зависимости от интереса наблюдателя указанные природные процессы можно интерпретировать двояко. Во-первых, как абсолютно циклический процесс, последняя фаза которого «возвращается к своей первой фазе, и цикл начинается снова, проходя тот же самый путь, который он проделал до этого»[18]. Во-вторых, как относительно циклический процесс, в котором траектория следующего цикла может не совпадать с траекторией предыдущих циклов по направлению (в количестве, пространстве или времени) и смыслу[19]. Если циклы повторяются на более высоком уровне, можно говорить о циклическом прогрессивном развитии, если на более низком уровне, то о циклическом регрессе.

Циклические концепции убедительно подтверждаются периодами подъема и спада экономической активности (экономические циклы по Н. Кондратьеву, удостоенному Нобелевской премии). Аналогично и социально-политическая преобразовательная активность не может быть постоянной. Люди должны адаптироваться к новым условиям, ими же созданным в процессе реформ, «перевести дух». Циклические процессы можно наблюдать также в подъеме и угасании цивилизаций (Н. Данилевский, П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби).

При анализе современных российских трансформаций А. Ахиезер приходит к выводу, что в отечественной истории имеют место циклы прозападных реформ, сменяющиеся противоположным стремлением к восстановлению национальных традиций[20].

Как говорилось выше, в современной мировой литературе дискутируется вопрос: является ли эпоха постмодерна «высокой» (в смысле фазой, завершающей развитие современных индустриальных обществ) или ее наступление возвестило конец западной цивилизации и вступление в фазу глобальных и национальных рисков?

Доказательно и «однозначно» оценить достоинства и минусы парадигмы циклизма затруднительно. Циклические социальные изменения есть синусоида, которая обозначает разворачивающиеся во времени повторяющиеся движения обществ между двумя полюсами. Но что это за полюса? Если представить их как точки подъема и спада, то с этим трудно не согласиться: все общества и цивилизации переживали и будут переживать подобные циклы. Если же исходить из идеи возвратного движения к прошлому, то циклизм — явная утопия, ибо, как сказал еще древний философ: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды». Кроме того, аккуратный прогноз наступающего цикла, его субстанционального содержания почти нереален, ибо парадигма циклизма в принципе не содержит в себе обосно-

[18] *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб: РХГИ, 2000. С. 90–91.

[19] Там же. С. 91.

[20] *Ахиезер А.С.* Россия — расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3–57.

ванные аргументы относительно сущностной природы будущего. Предсказания П. Сорокина о наступлении гармонии сенситивных и рациональных культур — скорее мечта великого гуманиста, нежели научное предвидение.

Практически социальные прогнозы ближайшего будущего возможны: (а) как вероятностные и (б) как опирающиеся на обобщение суждений экспертов. К тому же экспертные оценки должны регулярно корректироваться теми же или иными командами специалистов[21].

Деятельностно-активистская концепция социальных изменений вполне нейтральна под углом зрения оптимизма/пессимизма. Мы уже знаем, что лейтмотив данного подхода — акцент на преобразовательную коллективную или индивидуально-спонтанную активность многообразных социальных субъектов. Акторы и группы, обладающие богатым социальным ресурсом, доминируют в определении направленности социальных преобразований. Поэтому лишь с учетом композиции различных социальных групп, кланов, объединений, партий и фракций в парламентах можно говорить о направленности трансформационных процессов. Применительно к России мы обсуждали это в третьей лекции.

6.3. Глобализация и ее воздействие на социальные изменения[22]

Единого и общепринятого взгляда на процессы глобализации нет, что нормально, учитывая многообразие ее проявлений[23]. Некоторые авторы придерживаются «линейных» представлений о глобализации, согласно которым имеет место расширение, углубление, увеличение интенсивности мировых интеграционных процессов без радикального изменения их внутреннего содержания и качества. Мир наращивает современные свои особенности и тем самым преодолевает противоречия, связанные с разобщенностью человечества. В этом смысле

---

[21] Великолепный пример — сборник, подготовленный Центром Карнеги: «Россия: ближайшее десятилетие». Российские и западные политологи единодушно описывают два принципиально возможных сценария — движение в сторону авторитаризма и моноцентризма либо противоположное — в сторону либерализма, демократии, гражданского общества. Все зависит, отмечают авторы публикации, от соотношения социальных сил после окончания президентства В. Путина (Россия: ближайшее десятилетие: Сб. статей к десятилетию Московского центра Карнеги) / Под ред. Э. Качинса, Д. Тренина. М., 2004).

[22] Здесь я частично опираюсь на работу Н.Е. Покровского (*Покровский Н.Е.*Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ» /Под ред. В.А. Ядова. М.: «Феникс». 2005. С. 504–257). См. также: *Покровский Н.Е.* Вефлиемские звезды «глобализации» // Социологические исследования. 1995. № 2.

[23] См., например, классификацию концепций глобализации В.С. Малаховым, который в частности, выделяет структурно-функционалистский и марксистский взгляд на проблему. Согласно первому глобализация – одна из стадий модернизации, а согласно второму – это усиление зависимости слабых от сильных, стран миросистемы (Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М., 2007).

практически все глобальное априорно несет положительные черты — в экономике, политике, культуре, информатике, коммуникациях, защите окружающей среды и т. д. Но мы уже знаем, что глобализация порождает глобальные риски, так что трудно согласиться с описанным подходом.

Прямо противоположную перспективу предлагает Э. Валлерстайн в теории мировой капиталистической системы. Согласно этой концепции, страны «ядра» миросистемы («золотой миллиард») доминируют над странами второго и третьего «кольца», навязывают им выгодную для себя политику, прежде всего в экономике, и противятся допуску в свой клуб менее преуспевающих[23]. Политика США в последнее десятилетие демонстрирует пренебрежение уставом ООН: бомбежки Югославии, вторжение в Ирак, признание Косово независимым от Сербии государством, вызвали широкую волну недовольства даже в среде союзников США.

Теория Валлерстайна правдоподобна прежде всего потому, что капиталистической системе чужды нравственные нормы бескорыстия и свойственны императивы извлечения прибыли в любой ситуации. М. Хардт и А. Негри крайне обострили проблему капиталистической миросистемы, назвав ее империей. Они пишут: «“Империя” обозначает новую форму глобального суверенитета со своими органами власти, порядками иерархий и политической стратегией “вмешательства во имя универсальных ценностей”. При этом национальный суверенитет не исчезает — скорее государства скрытым образом меняют свои функции, встраиваясь в разные уровни власти мировой “имперской машины”»[24]. Пирамиду мирового устройства они обрисовывают так: на высшем уровне государство-гегемон США, «семерка», на среднем — транснациональные корпорации и большинство национальных государств, нижний — различные институты, представляющие глобальное гражданское общество (ООН, масс-медиа, неправительственные международные организации).

Ф. Кардозо и Е. Фалетто выдвинули концепцию «зависимого развития» менее преуспевающих стран, вынужденных искать поддержку извне[25]. Нельзя не заметить, что страны «восьмерки» в 2005 г. приняли решение простить долги странам «третьего мира», которые Валлерстайн по аналогии с пролетариатом назвал «опасными» для капиталистической системы.

Широко известна концепция «макдонализации», которую часто упрощенно понимают лишь как американизацию мировой культуры. Между тем ее автор Дж. Ритцер[26] имел в виду высокую рациональ-

---

[23] *Wallerstein I.* The capitalist World-Economy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

[24] *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. С. 11.

[25] *Cardoso F., Faletto E.* Dependency and Development in Latin America. Berkeley: California Univ. Press, 1969.

[26] *Ritzer G.* The McDonalds Thesis. L.: Sage, 1998.

ность деловых отношений и производства: эффективность, просчитываемость и предсказуемость результата. Такая макдонализация не помешала бы российскому народному хозяйству.

Ряд теорий акцентирует внимание на культурных следствиях глобализации. С одной стороны, мрачная картина унификации, а с другой — прямо противоположная позиция многообразия культур, сохранения ими своих особенностей при заимствовании простейших массовых элементов универсализма. Авторы книги «Многоликая глобализация» дают ей подзаголовок — «Культурное разнообразие в современном мире»[27]. Один из редакторов книги Питер Бергер так завершает свое предисловие: «В условиях зарождающейся глобальной культуры (имеет место. — В. Я.) поиск неких средних позиций между принятием и агрессивным сопротивлением, между глобальной однородностью и провинциальной изоляцией. У этого поиска есть свои сложности, но, как убедительно показывают полученные в ходе нашего исследования данные, он не является чем-то несбыточным»[28]. Так или иначе, начиная с XII Всемирного социологического конгресса в Мадриде (1990 г.) с подачи Р. Робертсона[29] наиболее распространенным термином стало понятие «глолокальность», т. е. совмещение глобального и локального в социальных институтах и культуре различных стран.

Н.Е. Покровский усматривает в глолокальности преимущества России. Россия становится всемирным экспериментальным полигоном глобализационных эффектов. Этому способствует постсоветская ломка прежних правил, норм и культурных стереотипов, вошедшая в резонанс с интенсификацией глобальных изменений. Россия активно реализует большинство глобалистских тенденций в их яркой «гибридной» форме и тем самым становится «испытательным полигоном», где апробируют себя те тенденции, которые лишь в будущем полностью проявятся в глобальном пространстве [5].

В последние годы аналитики глобализационных изменений все более склоняются к тому, что происходит фрагментация миросистемы и вместе с тем возникают новые взаимосвязи и взаимодействия. Совсем недавно (в 2008 г.). Витторио Котеста заметил, что имеют место «не только взаимосвязи между ансамблем целого и его элементами, но и между дискретными элементами того и другого, создающие транс-национальные, транс-культурные, транс-религиозные (выдви-

---

[27] *Многоликая* глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. См. также: Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Global Modernities. Ed. by M.Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L:Sage. 1995.

[28] Цит. по статье Романовского Н.В. «Три подхода к будущему социологии» // Социс. 2005. № 3. С. 5).

[29] *Robertson R.* Globality, global culture and images of world order // Social Change and Modernity / Ed. H. Haferkramt, N. Smelser. Berkley: University of California Press, 1992.

нутые автором) и прочие связи» [30]. Глобальный финансовый кризис, наступивший к концу 2008 г., вынудил правительства лидирующих в мировой экономике стран координировать свои усилия дабы спасти крупнейшие банки от финансового краха.

Можно утверждать, что глобализационные процессы еще далеко не осмыслены в социальной теории. З. Бауман в своей последней работе, посвященной глобализации, пишет, что вывод к которому он пришел, таков: больше вопросов, чем ответов. «… проблемы нынешнего состояния современной цивилизации заключаются в том, что она перестала задавать себе вопросы. Отказ от некоторых вопросов несет в себе большую опасность, чем неспособность ответить на вопросы, уже стоящие на повестке дня …»[31].

Мнение автора. Россия интенсивно вовлечена в глобализационные процессы, и в дальнейшем, по всей вероятности, будет все более испытывать на себе и плюсы и минусы глобализации. Будем рассуждать так.

– Глобальную систему можно рассматривать как неустойчивое образование экономического, политического и культурного полей.

– Нормативные правила, регулирующие взаимодействия национально-государственных и транснациональных субъектов на этих полях отличаются не только содержанием, но и степенью принудительности: в экономическом поле — наиболее высокой, в политическом — ситуативно гибкой, в сфере культуры — минимальной.

– Взаимодействия между тремя полями различны. Политико-экономические объединения стран образуют узлы взаимосвязей, которые потенциально и реально фрагментируют миросистему, а транснациональные корпорации (финансовые и энергетические в первую очередь) успешно конкурируют в навязывании своих правил с международными институциями — ООН и созданными при ней специализированными структурами.

– То, что называют глобальной культурой остается предельно глолокальной, ядро цивилизационных и национальных культур несравнимо более устойчиво к внешним воздействиям, нежели их периферия (заимствования языковых практик и стереотипов «попкультуры»).

Следующая схема суммирует сказанное (схема 4).

---

[30] *Vittirio Cotesta* .From national-state to global society: the changing of contemporary sociology // International Review of Sociology. V. 18. No 1. March 2008. P. 26.

[31] *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004, С. 14–15.

Схема 4. **Поля глобального пространства, агенты и правила взаимодействий между ними**

	Экономическое	**Политическое**	**Поле культуры**
Агенты	Государство, финансовые и промышленные корпорации	ООН и ее институты, правительства государств, общественные движения	Традиции, инноваторы и массы
Нормы-правила	Жесткие правила мирового рынка	Противоборство за установление правил более ресурсного агента	Унификация попкультуры, сохранение ядра национальных культур

Возникает вопрос каков же смысл понятия «модернизация», адекватный нынешнему состоянию человеческой цивилизации? Классики XIX века стремились теоретически осмыслить цивилизационный переход от Gemeinshaft к Gesellshaft, нынче же мы находимся в состоянии перехода, если можно так сказать, к Globalshaft. Ш. Эйзенштадт ввел в оборот термин «множестенные модернизации»[32]. И смысл категории «модернизация» должен быть иным[33]. Общий вектор развития человеческой цивилизации в тенденции можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания. Реальный же вектор — это результирующая действий многих агентов подобно сложению физических сил, приложенных в одну точку: «параллелограмм сил» исторического процесса по метафоре Энгельса.

Государства и другие игроки на мировой арене преследуют свои интересы, в итоге же глобальный мир изменяется не так, как этого хотелось бы той или иной, даже самой мощной державе.

Рассуждаем дальше. Вспомним, что Том Барнс и Елена Флэм предложили теорию систем правил[34], в которой выделяют систему правил (их содержание), режимы правил (как они поддерживаются санкциями) и грамматику правил — их усвоение, вплоть до игнорирования.

Далее (повторю сказанное в лекции о культуре и личности) я использую метафору из области психологии: каждый индивид выполняет заданное «социальной схемой» своим индивидуальным стилем (В.С. Мерлин), т. к. люди различаются и типом нервной системы, и особенностями психики, и др. свойствами. Национальные особенности модернизации можно определить как «национальный стиль» развития страны в миросистеме. Этот стиль характеризуется особенностями режимов и грамматик жестко или нежестко навязываемых миросистемой правил.

---

1 *Eisenstadt S*. The contemporary Scene – Multiple Modernities // The Annals of the International Institute of Sociology / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: BRILL, 2000. Vol. 7.

2 См. раздел 7.1., где я критически рассматриваю проблему модернизации. Предлагаемая дефиниция: Модернизация есть возрастание способностей к социальным преобразованиям с целью повышения конкурентоспособности в миросистеме.

3 *Burns T., Flam H.* The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.

Главная особенность национального стиля российских модернизаций состоит в том, что все они, начиная с петровских реформ и до нашего времени инициировались и осуществлялись верховной властью сверху, не снизу. Другая важная особенность — низкая правовая культура, небрежение узаконенными правилами.

Успешность очередного исторического модернизационного рывка зависит от сложения сил социальных субъектов, представленных во властных и гражданских структурах.

Возвращаясь к нашей главной проблеме о воздействии глобальных процессов на социальные изменения в России, можно резюмировать.

В регулировании российской национальной экономики влияние глобальных транснациональных правил или систем правил будет достаточно быстро усиливаться в силу интеграции в мировой рынок. Режимы правил, т. е. система санкций, будут отличаться национальной спецификой, а грамматики правил (их освоение, понимание мотивационный импульс) на непредсказуемое историческое будущее останутся сугубо российскими.

Политические институты скорее всего станут изоморфными западной идеальной модели в соответствии с общим вектором развития человеческой цивилизации. Процесс их преобразования связан со сменой поколений политически активной части граждан.

В культуре и менталитете населения исторически близкого будущего можно ожидать множественность эффектов разного рода: противоборство русификации (православию) со стороны инокультур и иноконфессий, возникновение наряду с бытующими новых культурных «кентавризмов». Неизбежный приток мигрантов усилит мультикультурное устройство нашего общества.

Дизайн институционального устройства России далекого будущего принципиально непредсказуем на основе имеющегося знания, в немалой степени и потому, что на социальные процессы будут влиять возрастающие природные риски и новые технологии. Человеческая цивилизация может обрести совершенно иной облик.

Вопросы для самоконтроля

1. Основные стратегии общенаучных подходов к анализу социальных изменений по Р. Будону.
2. В чем ограниченность девелопментализма?
3. Каковы возможности теорий циклизма в анализе социальных изменений?
4. В чем состоят главные аргументы теорий риска?
5. Основные концепции глобализации
6. Проблема: Россия в миросистеме.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Будон Р.* Теория социальных изменений / Пер. с англ. под ред. М. Черныша. М. Аспект-Пресс», 1999.

2. Глобализация и постсоветское общество / Под ред. А. Согомонова и С. Кухтерина, М., Стови, 2001.

3. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Бергера и С. Хантингтона., пер. с англ. В.В. Сапова. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.

4. *Оберемко О., Ядов В.* Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ» / Под ред. В.А. Ядова. М.: 2005, «Феникс». С . 10–44.

5. *Покровский Н.Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ» / Под ред. В.Ядова. М.: «Феникс». 2005.

6. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996 (Гл. 6)

7. *Яницкий О.Н.* Социология риска. М.: Изд. LVS. 2003.

Дополнительная

8. *Alexander J.C.* Modern, anti. Post and Neo: How Social Theories have tried to understand the “New World” of “Our times”? N Y. Harper. 1998.

9. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование в обществе. М.: Аспект-Пресс, 1999.

Лекция седьмая
Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций

7.1. Сомнения относительно традиционной теории модернизации

За минувшие годы с начала посткоммунистических[1] трансформаций в странах бывшего социалистического лагеря многими исследователями были сделаны попытки теоретически осмыслить именно этот тип радикальных социальных перемен. Ничего подобного история еще не знала. Первопроходцами выступили бывшие советологи (часто их называли также «кремленологами»), которые, утратив объект изучения, переименовали себя в транзитологов.

Транзитология самоопределилась как комплексная социальная наука, объектом которой был определен переход (транзит) бывших стран социалистического содружества к принципиально иному социально-экономическому и политическому устройству по образцу развитых западных стран. В качестве эталона были приняты США. Транзитологи придумали элегантное название этим странам — «страны новой демократии». Мне с Владимиром Шубкиным пришлось участвовать в нескольких конгрессах транзитологов, которые собирались в самых разных привлекательных и дорогостоящих «локалах» Америки, например, в Майями[2]. Главная тематика дискуссий — что есть транзитология? Прошло не так уж много лет, и в 2002 г. в Варшаве собрался транзитологический конгресс под лозунгом: «Долой транзитологию, назад в социологию!» Бывшие кремленологи осознали, что проблема выходит далеко за рамки перехода от одной социально-экономической и социально-культурной системы к другой. Следовало мобилизовать весь корпус социальных теорий для более или менее адекватного понимания и объяснения происходящих перемен.

Из транзитологов остался разве что З. Бжезинский с его идеей падения стран социалистического лагеря подобно карточному домику. Но Бжезинский — классический политолог-кремленолог и талантливый прогнозист в области политических перемен.

---

[1] Называние соответствующих стран «посткоммунистическими» принято в западной литературе. Имеется в виду, что в этих странах у власти находились коммунистические партии. В отечественной литературе о странах бывшего СССР говорят «постсоветские», а применительно ко всем упомянутым государствам — «постсоциалистические». Я буду использовать первый термин потому, что сегодня мы понимаем, что социализм, как его в идеале представляли Маркс и Энгельс, в этих странах так и не состоялся.

[2] В Майями-Бич, главном городе штата, при невыносимой жаре мы с Шубкиным обратились к паре полицейских с вопросом как пройти туда-то? Один из них немедленно реагировал: «Parlo espanol? Я сказал «copito italiano poco-poco», т. е. чуть кумекую по-итальянски. Стражи выяснили, что мы русские и перешли на нормальный английский. Путем прямого наблюдения мы поняли, что политкорректность в США – это одно, а поведенческие практики — другое. Майями — испаноговорящий штат (множество кубинских эмигрантов), но полицейский по закону не может не знать английского. Что он хотел продемонстрировать иностранцу? Что он не янки — да, а, может быть хотел выразить симпатию к кубинцам?

Однако стояла проблема фундаментального свойства: как в XX в. оказывается возможной радикальная трансформация социетальной системы в некую иную без революционного взрыва.

Теория модернизации. Выше уже говорилось, что идея модернизации проистекает из девелопментализма. Это его политико-прикладной продукт. В нашей литературе наилучшим образом под углом зрения традиционного понимания модернизации проблему проанализировала Н.Ф. Наумова [4]. Опираясь на исследования западными авторами опыта осуществления модернизационных программ в странах «третьего мира», Н. Наумова выделила следующие условия, необходимые для успешной модернизации: а) достаточность экономических и человеческих ресурсов; б) гражданское согласие среди элит общества; в) удержание государством социального контроля, упреждение острых социальных конфликтов и вооруженных столкновений; г) быстрый рост численности среднего класса и д) наличие общенациональной мобилизационной идеи.

По части ресурсов Россия далеко не из бедных. Вместе с тем в принципе все посткоммунистические страны «живут взаймы у прошлого и будущего» [3. С. 18]. Займы прошлого — накопленный ресурс, который исчерпывается без восполнения. Россия не исключение. Промышленное оборудование практически не модернизируется, предприятия работают на старом и устаревшем; научный потенциал «разбазаривается» (утечка умов, мизерное финансирование науки) и т. д. Займы из будущего — это внешние долги, по которым многие годы следует платить проценты, что истощает бюджет. И все же сравнительно со всеми другими странами бывшего советского блока Россия наиболее богата и природными и человеческими ресурсами, каковые крайне обильны и способны стать мощным фактором социально-экономических перемен, если эффективно их использовать и по возможности восстанавливать. Грузия, например, утратила все свои материальные ресурсы, ибо цитрусовые и вино, ее главное богатство, столь ценимое в СССР, не выдерживают конкуренции на рынке фруктов и вина со средиземноморскими странами.

Другой критерий успешной модернизации — единство в правящих элитах и обществе, где солидарность способствует успеху реформ. Здесь мы решительно уступаем, например, Польше, Венгрии, Чехии, Эстонии, где призыв «Назад, в Европу» объединил всех[3]. Согласие по части проводимых реформ в российском обществе напрочь отсутствует[4], к 2009 г. в ситуации разразившегося кризиса — тем более. Прибалтийские республики бывшего Союза в 2004 г. стали членами Европейского

---

[3] См., напр.: *Return* to the Western World: Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition / Eds. M. Lauristin, P. Vihalemm. Tartu: University Press, 1997.

[4] Во всероссийском опросе ВЦИОМ в марте 2000 г. на вопрос «Какая социально-экономическая система более правильная — основанная на государственном планировании и распределении или на частной собственности и рынке?» 48 % опрошенных выбрали первую, советскую и 34 % нынешнюю (18 % не могли решить, какая система лучше).

сообщества не в последнюю очередь благодаря согласию элит и граждан в целесообразности такой политики.

Россия как «вечно расколотое», по выражению А. Ахиезера, общество свою геополитическую стратегию солидарно пока что не способна определить. Ни в обществе, ни в кругах политиков, предпринимателей и интеллигенции согласия в этом плане нет. Так что «судьбоносные» решения принимаются авторитарным образом (как, например, после трагедии в Беслане: наша национальная цель — солидаризация в борьбе с мировым терроризмом, или в конце 2005 г. — стать мировым гарантом энергоресурсов).

Третий критерий — способность власти удерживать контроль в обществе, не допустить гражданского противостояния, бунтов и т. п. Конечно, Россия не Югославия, но контроль порядка и законности утрачен (преступность, коррупция) и продолжаются конфликты в Закавказье, переходящие в одно из звеньев глобального терроризма. В России его следствия обретают традиционные институциональные формы — усиление власти государственных структур.

Еще один критерий, не упоминаемый в работах Н. Наумовой, но подчеркиваемый Ш. Айзенштадтом[4] — исходная позиция государства: войти в мировое сообщество с готовностью к сотрудничеству или скорее в позиции противостояния. Ясно, что «малые» страны посткоммунистического ареала не имеют другой перспективы помимо сотрудничества. Иную политику проводит Великая держава, балансируя между солидарностью с мировым сообществом и решительным настаиванием на своих особых интересах.

Критерий четвертый — наличие вдохновляющей все слои общества мобилизационной идеологии.Эту проблему мы обсуждали во второй лекции (см. разд. 2.2.). В этом пункте Россия никакого, даже минимального ресурса для трансформаций пока что не имеет. Единственно работающая и солидаризирующая идея имеет защитную, не созидательную функцию — образы внешнего врага.

В итоге, если учитывать общие критерии успешности «модернизации» посткоммунистических стран, Россия занимает некое срединное место между крайними полюсами — бывшей Югославией и резко продвинутыми странами Центральной и Восточной Европы: Венгрией, Польшей, Словакией, Чехией, балтийскими государствами [5].

В сущности, модернизацию определяют как процесс создания «современных» (читай — западных) институтов и отношений, ценностей и норм. Однако чтобы новые социальные институты западного образца заработали эффективно, необходимы изменения социального типа «базисной личности», превращение человека советского или постсоветского в иной тип, как назвал его А. Инкелес, «A Modern Man». Если между модернизацией и вестернизацией ставить знак

[4] *Eisenstadt S.* The contemporary Scene — Multiple Modernities // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: BRILL, 2000.

равенства, то в переводе на русский это означает, что российские «обломовы» поголовно должны стать «штольцами»[5].

Между тем, ни у одного из переживших успешную модернизацию народов не произошла полная смена их национальной идентичностипрямо связанной с исторически сложившейся культурой страны. Особенно ярко это проявилось на примере ряда азиатских стран. Сначала Япония, а затем и молодые дальневосточные «тигры» продемонстрировали возможность модернизации не только без изменения идентичности, но и без ломки традиционного социального института корпоративности. Так, в годы послевоенных реформ под контролем американских военных японские кейрецу (предприятие, фирма с традициями патернализма и корпоративизма) явились мотором не только экономических успехов, но и демократизации в отсутствии институтов гражданского общества и «разумно эгоистичных индивидов»[6]. В противовес японскому опыту, в целом ряде развивающихся стран их лидеры пытались скопировать западные модели общественно-государственного устройства и внедрить демократические институты западноевропейского образца, потерпев на этом пути полнейший провал.

Получается парадокс. С одной стороны, усердное копирование западных образцов не обязательно приводит к модернизации, а с другой — модернизация может происходить без либерализации общественной жизни по американскому образцу[7]. Этот парадокс ставит под сомнение базовый постулат теории модернизации о необходимом соответствии друг другу уровня технологического производства, типа социальной организации и типа сознания (культуры)[8]. Так, российский опыт показывает, что неолиберальные рецепты реформирования экономики без адекватной демократизации и прежде всего без развития структур гражданского общества приводят к бурному росту теневого бизнеса и криминализации. Правомерно ли управляемое сверху создание капиталистического производства на чуждой ему основе все-таки называть модернизацией? Я утверждаю, что наша страна претерпевает *социетальную трансформацию,* но не модернизацию в принятом понимании термина.

[5] См.: *Вишневский А.Г.* Русский или прусский?: Размышления переходного времени. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.

[6] *Китахара А.* Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // Философские науки. 1996. № 1–4. С. 30–48. Добавим, что в нашем исследовании трудовых отношений на крупных российских предприятиях машиностроения наиболее успешным и на рынке продукции и в практике менеджмента оказалось предприятие, руководство которого сумело интегрировать советские традиции коллективизма в рационально рыночные, что мы назвали «постсоветским корпоративизмом» (*Становление* трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Д. Дебарделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004).

[7] В отношении того, какие модели общественного устройства западного типа «лучше подходят» для разных стран, см. [6].

[8] *Berger P., Berger B., Kellner H.* The Homeless Mind. Modernization and Consciousness. N.Y.: Random House, 1973. P. 19–20.

В 2004 г. бывший редактор журнала "International Sociology", Г. Арджманд писал: «Надо изучать «множественные модерны», соотношение религиозных и культурных традиций вне Европы и Северной Америки: общезначимость паттернов последних преувеличена»[9]. Наиболее разумное толкование термина «модернизация» для обозначения современных трансформаций предложил И. Роксборо, который заметил, что «В наше время модернизацию следует понимать как «возрастание способностей к социальным преобразованиям»[10]. Т.И. Заславская дополнила и уточнила это определение указанием на главный вектор развития современных обществ: повышение конкурентоспособности в миросистеме[11], и тогда можно определить модернизацию следующим образом: *модернизация есть возрастание способностей к социальным преобразованиям с целью повышения конкурентоспособности в миросистеме*[12].

Но поскольку такое толкование термина у нас не утвердилось и попрежнему доминирует принцип прямого копирования некоего идеального западного образца, хотя в итоге все равно получается нечто иное, то не лучше ли пользоваться более адекватным понятием трансформации? Наша страна претерпевает социетальную трансформацию, направленность которой диктуется миросистемными процессами, а институциональные механизмы не могут не быть своеобразными, т. е. российскими.

7.2. Концепции посткоммунистических трансформаций

Вклад Ральфа Дарендорфа[13]. Первым уловил суть проблемы так называемого переходного периода Ральф Дарендорф, иронизируя над неологизмом «пост…» и называя его «постизмом». Приставка «пост», отмечает он, означает неспособность атрибутивно определить наступающее или наступившее состояние. Кроме того (и это главное), постсостояние неизбежно содержит в себе противоречие между воздействием традиций недавнего прошлого и их публичным отвержением. Дарендорф схватил самую суть проблемы «перехода». Впоследствии появились словечки «кентавризм», «мексиканизация» и др. В самом деле, как можно было понять фразу Б. Ельцина — первого президента страны после распада

[9] Цит. по ст. Романовский Н.В. «Три подхода к будущему социологии, Социс, 2005, №3. С. 5.

[10] Roxborough I. Modernization Theory Revisited //Comparative Studies in Society and History.1988 V. 30.№ 4. pp. 753-761.

[11] Заславская Т., Ядов В. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Ш Всероссийский социологический конгресс. Тезисы. М., 2008.

[12] Там же.

[13] *Dahrendorf R.* Reflections on the Revolution in Europe. L.: Chatto & Windus, 1990. Дарендорф опирается на высказывание Маркса и его работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 119).

Союза: «Пусть каждая республика России берет себе столько прав, сколько сумеет удержать». Эта формула — точная иллюстрация второго тезиса Дарендорфа. Если в СССР частный, особый интерес непрекословно должен был быть подчинен общему (коллективному, государственному), то теперь следует действовать прямо наоборот? Чтобы исправить положение, ныне действующий президент начал именно с установления вертикали власти, что представляется стратегией «перегибания палки». Это любимое Лениным выражение Плеханова означало, что лучше «пережать», чем недожать, добиваясь радикальных перемен.

Теория Ильи Пригожина. Важнейшая особенность переходного состояния в том, что оно чревато неожиданными бифуркациями, требующими принятия «судьбоносных решений». Нобелевский лауреат Илья Пригожин предложил теорию «динамического хаоса» применительно к анализу социальных процессов. Главный принцип теории: неожиданные события могут стать поворотным пунктом в последующей динамике всей социально-политической и экономической ситуации (у нас за последние годы это дефолт, Хасавьюртский договор с Чечней, избрание В. Путина президентом, административные реформы после бесланской трагедии). Поэтому доминирует прагматизм принятия решений по ситуации. Известный болгарский социолог Николай Генов называет такую стратегию «инструментальным активизмом», что подразумевает прежде всего концентрацию усилий на средствах достижения цели, нежели на самой цели[14]. Так, неясно, что имеется в виду под разделением власти между центром и регионами: утверждение жесткой центральной власти или же предоставление субъектам Федерации достаточных полномочий и материальных средств?[15]

Метафоры российского «транзита». Одна из них — «кентавризм», что и обозначает противоречивое (не органичное) совмещение прошлого с новыми реалиями. Российско-советский гимн — пример № 1. Другой пример — Трудовой кодекс, принятый спустя более десяти лет после начала рыночных реформ. В Кодексе содержится статья, утверждающая право вести переговоры с работодателем (его администрацией) о заключении общего трудового соглашения представителям профсоюза большинства работников, который, как правило, входит в Федерацию независимых профсоюзов — наследника советского ВЦСПС. И членами этих профсоюзов, как и в советское время, являются генеральный директор и вся его администрация. Ни в одной стране с рыночной экономикой нет таких правил[16].

---

[14] *Genov N.* Transition to democracy and nation-state in Eastern Europe // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: BRILL, 2000. P. 148–161.

[15] *Федерализм* и публичная сфера в России и Канаде: Аналитический доклад / Под ред. А. Галкина. М.: Университет Калгари и Горбачев-фонд, 2002.[16] См.: *Становление* трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Д. Дебарделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004 (С. 27–60 о трудовом законодательстве Германии и Канады).

Другая метафора — «мексиканизация» — была пущена в оборот политологами и означает радикальный разрыв между столицей и провинцией. Мексиканские крестьяне живут так, как и сотни лет тому назад, тогда как население Мехико вполне американизировалось. Достаточно взглянуть на данные массовых опросов, в которых Москва и Санкт-Петербург, более «прозападные», всегда выделяются особой строкой, чтобы убедиться в обоснованности этой метафоры[17].

Российский капитализм некоторые авторы именуют «бандитским», другие «олигархическим», дальше — «феодальным», «варварским». Ю.Н. Давыдов, опираясь на труды М. Вебера о двух типах капитализма (точнее, типов рыночных отношений, имевших место в античные времена), именует российский капитализм спекулятивным[18]. Польский теоретик Ядвига Станицкис, активно работающая именно в проблематике посткоммунистических перемен, определяет российский капитализм как «капитализм без государства»[19], т. е. без жестко установленных законом цивилизованных правил рыночных отношений. Д. Старк (вслед за Дарендорфом) выдвинул теорию, названную им «теорией зависимости от прошлого»[20], а чешский автор М. Иллнер констатирует, что «чем дальше продвигаются трансформации в посткоммунистических странах, тем больше провозглашаются и практикуются идеи и образцы прошлого»[21]. Примеры использования прежних форм в новой оболочке — бывшие колхозы, а ныне крупхозы с тем же председателем и незаинтересованным работником. Президент страны выезжает в регионы, решая «на ходу» их местные проблемы. Система иначе работать не способна, ей по-прежнему нужен Генеральный вождь.

Политологи в характеристиках сложившегося российского политического режима прибегают к разного рода терминам, выражающим его гибридный характер с явной авторитарной составляющей: «демократура» (Ф. Шмиттер и Т. Карл[22]), «делегативная демократия» (Г. О'Донелл[23]), «авторитарная демократия» (Р. Саква[24]), «режим-гиб-

---

[17] Иногда говорят, что Москва и Петербург — это подобие Гонконга в Китае.

[18] *Давыдов Ю.Н.* Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 64–76.

[19] *Станицкис Я.* Посткоммунизм — явление тайны // СОЦИС. 2002. № 1. С. 17–28.

[20] *Stark D.* Path Dependency and Privatization Strategies in East-Central Europe // Economic Institutions, Actors and Attitudes: East-Central Europe in Transition / Ed. by G. Lengyel. Budapest: University of Economic Sciences, 1992.

[21] *Illner M.* Post-Communist Transformation revised // Czech Sociological Review. 1996. № 4.

[22] *Shmitter Ph.C., Karl T.L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East should they Attempt to Go? // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 1. P. 173–185.

[23] Модель демократии, сочетающая сильную президентскую власть с неразвитыми остальными политическими и социальными институтами, способными оказать этой власти противодействие.

[24] *Саква Р.* Режимная система и гражданское общество в России // ПОЛИС. 1997. № 1. С. 61–82.

рид» (Л. Шевцова[25]), «выборная монархия» (И. Клямкин), «электоральная клановая система» (А. Лукин [26]) и т. п.

Теория Петра Штомпки. Польский теоретик П. Штомпка решился на разработку именно теории переходных состояний, имевших место в истории, и нынешних. Он назвал свою концепцию теорией культурной травмы [8]. Травмирующие перемены охватывают решительно все сферы общественного устройства и повседневную жизнь граждан. Люди утрачивают ранее накопленный капитал жизненного опыта и крайне болезненно это воспринимают, рушатся основания привычных символов, смыслов и значений социальной реальности, обесценивается накопленный прежде социальный капитал индивида, он становится своего рода банкротом[27].

Не все проигрывают в условиях социально-культурной травмы. Обладающие достаточным личностным и социальным ресурсом (связи) выигрывают. В России это не только «новые русские», но и «челноки», решившиеся бросить работу на предприятии, в институте или КБ, чтобы испытать себя в рискованном бизнесе. Но подавляющая масса россиян утратила свой жизненный ресурс, а заодно и денежные сбережения. Это ли не травма?

Штомпка выделяет шесть стадий травматического состояния, что вполне адекватно описывает постсоветские изменения в России.

1. Прошлое состояние общества, благоприятствующее возникновению травмы. В России это состояние стагнации советской экономики, решительное экономическое и технологическое отставание от Запада, непомерный государственный долг и отсюда опасность утраты положения Великой державы при обесценивании ее экономического и военного потенциала. Таковы были главные объективные причины для «запуска» горбачевской перестройки.

2. Травматические события как таковые, их содержание, существо травм. Например, денежная реформа и исчезновение накопленного в сберкассе, приостановка предприятий, возникновение безработицы, кризис системы здравоохранения и системы образования и пр.

3. Противоречивые толкования прошлого, его символического осмысления, что является одним из факторов дезинтеграции общества наряду с социально-статусной дезинтеграцией. Так, опросы общественного мнения обнаруживают, что часть сограждан поддерживает предложение восстановить памятник Дзержинскому, а другая — убрать труп Ленина из Мавзолея на Красной площади. В проекте первого телеканала «Имя Россия» (ТВ назвало его «историческим выбором») из 12 выдающихся деятелей четверо – Александр Невский, Петр Столыпин, Александр Пушкин и … Иосиф Сталин заняли лидирующие места большинством более полумиллиона голосов телезрителей.

[25] *Шевцова Л.* Политические зигзаги посткоммунистической России. М.: Московский центр Карнеги, 1997.

[26] *Лукин А.В.* Демократизация или кланизация?: Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России // ПОЛИС. 2000. № 3. С. 61–79.

[27] Вполне понятно, почему Р. Рывкина, рассматривая нынешнюю российскую ситуацию, озаглавила свою монографию «Драма реформ» (М.: Дело, 2001).

Сегодня мы имеем и убежденных сторонников рыночных реформ, и столь же воинственных антикоммунистов, осуждающих советские порядки как кровавый режим, а победу в Великой Отечественной рассматривающих сквозь призму миллионов бездарно брошенных генералами на верную смерть солдат, в отличие от тех, кто видит в этой войне прежде всего героев и гениальных маршалов.

4. Травматические симптомы как разделяемые большинством образцы поведения и общепринятые мнения в постобществе. У нас в ряду таких симптомов — нормализация (общеприемлемость) института взятки чиновнику, легитимация массовым сознанием проституции, всеобщая уверенность в том, что политики не думают о благе народа, что в обществе нет справедливости и т. д.

5. Посттравматическая адаптация, которая во всех странах имеет две формы: использование активных стратегий совладания с трудностями и, напротив, пассивной стратегии примирения с ними.

6. Завершающая фаза преодоления травмы по сути совпадает с окончанием переходного периода, т. е. с наступлением стабильного («нормального») состояния общества и его граждан.

Травматологическая метафора акцентирует внимание не столько на особенностях институциональных структур, сколько на внутреннем психическом самочувствии граждан.

Системная концепция трансформации Т.И. Заславской[28]**.** В отличие от травматологической концепции Штомпки, Т.И. Заславская рассматривает проблему объектно и субъектно, исходя из того, что посткоммунистические общества претерпевают качественное, типологическое изменение, причем различные социальные акторы по-разному представляют желаемый тип общества. Автор исходит из предпосылки, что трансформационные процессы в России не следует рассматривать в закрытом социальном пространстве, в котором теоретически заданы идеальные типы по ступеням социального прогресса: общества традиционные, современные и постсовременные. Необходимо анализировать реальные, часто противоречивые и возвратные изменения *в открытом социальном пространстве*, выделяя в нем три координаты-вектора: вектор институциональных преобразований, вектор социоструктурных изменений и вектор человеческого потенциала общества.

Институциональные изменения есть изменения в «правилах игры» — норм экономических и социальных взаимодействий; социоструктурные — это сдвиги в конфигурации социального расслоения по критерию продвижения к такой, которая позволяет каждому гражданину наиболее эффективно реализовать себя, а вектор человеческого потенциала логично завершает модель Т.И. Заславской, ибо фиксирует качество такого потенциала. Он состоит из четырех компонентов, а именно: социально-демографического (сейчас резко снижается), социально-

[28] *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М: Дело, 2004. С. 241–264

экономического (занятость, качество рабочей силы), социокультурного (уровень образования, правосознание Я, культурные традиции и менталитет) и, наконец, *инновационно-деятельностного* потенциала.

Т.И. Заславская исходит именно из деятельностного понимания трансформационных процессов, и потому в центре внимания оказывается иерархия социальных субъектов (акторов), о чем мы говорили выше. Одни из акторов, образующие социоструктурные общности, властные «кланы», поколенческие когорты и другие практически деятельные компоненты социума, заинтересованы в либерально-демократическом реформировании общества, другие используют сложившуюся ситуацию в своих интересах и не намерены что-то серьезно изменять, а третьи призывают вернуться к прошлому (советскому или же к досоветскому)[29]. Имеет место многочисленный слой массовых групп, которые не способны адаптироваться в постсоветском пространстве, так как не обладают достаточными для этого ресурсами (здоровьем, знаниями, материальными возможностями и др.).

Концепция Татьяны Заславской, на мой взгляд, наилучшим образом систематизирует современные научные знания о социально-экономических и социокультурных трансформациях и, что особенно важно, эта концепция *инструментальна*: обладает богатым аналитическим потенциалом для исследования реальных процессов в целостной системе трансформирующихся обществ и, следовательно, — для построения экспертных сценариев ближайшего или более отдаленного будущего. Единственно, что необходимо также принять во внимание в дополнение к аналитически-прогнозному осмыслению — анализ миросистемных тенденций. Впрочем, это особая проблематика (См. разд. 6.3.).

7.3. Что считать завершением «переходного» периода?

Обращение к студентам. Как вы полагаете, какой момент (состояние) политико-экономических и социокультурных изменений в России можно было бы определить фазой завершения «транзита»?

Проблема определения фазы завершения «транзита» остается далеко не решенной из-за ее многокритериальности.

В политико-экономическом плане, следуя модернизационной программе, порог фазы — принятие стран Центральной и Восточной Европы в Евросоюз. К России этот критерий не применим вследствие ее колоссальной территории и евразийского положения на мировой карте Евросоюз, как он изначально был создан, теряет смысл. К тому же по меркам ЕС Россия основательно не «дотягивает» до Венгрии, Польши, Чехии, ставших членами ЕС в 2004 г.

Европейский банк реконструкции и развития, оценки которого при-

---

[29] Одна из глав книги Т. Заславской — «Трансформационная активность: поведенческий аспект» (*Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М: Дело, 2004. С. 241–264).

нимаются во внимание полномочными органами ЕС, регулярно публикует рейтинги европейских стран на основе разработанных его экспертами индексов либерализма в экономической политике, развития демократических институтов, уровня вмешательства государства в экономику, политической нестабильности и уровня преступности, эффективности правительства в смысле исполнения и контроля за соблюдением принятых законов и распространенности коррупции. Ниже приведен фрагмент таблицы индексов «европеизации», рассчитанных Европейским банком реконструкции и развития на 2000 г.

По этим критериям в 2000 г. Россия в пять раз уступает Венгрии в области либерализации экономики (10,0 против 2,0), зато по уровню вмешательства правительства в экономику опережает ее в 4,6 раза (7,0 против 32,0). Что же касается эффективности регулятивных усилий правительства (жесткость соблюдения законов-правил игры на рынке), то в этом решающем аспекте Россия, имеющая отрицательный индекс эффективности правительственного регулирования (– 0,59), на порядок отстает от других посткоммунистических стран, особенно от Чехии (+ 0,69). Коррупция чиновничества у нас более терпимо воспринимается предпринимателями по сравнению с тем, как ее воспринимают чешские или венгерские бизнесмены. Венгры с их австоимперским прошлым вырвались вперед почти на 3 балла из 10. Славянские братья раскололись: чехи, что исторически были под Австрией и Германией, дотянули до 4,6 баллов (на 2,2 выше русских), поляки сумели опередить нас на 1,8 балла, а украинцы, напротив, на 0,2 балла лучше хранят великорусские традиции, чем мы сами. Преступность в России зашкаливает в минус от нуля показателя индекса[30]. Однако наши демократические институты в 2000 г. представлялись вполне сопоставимыми с институтами в других посткоммунистических странах (11 баллов против 9,0 в России). После 2000 г. эти показатели то повышались, то понижались, постоянно оставаясь ниже европейских.

Страна	Либерализм	Демократия	Государств. вмешательство	Преступность	Эффект. правит.	Коррупция
Чехия	9,0	11,0	11,0	0,81	0,59	4,6
Венгрия	10,0	11,0	7,0	1,25	0,61	5,2
Польша	8,0	11,0	12,0	0,84	0,67	4,2
Россия	***2,0***	***9,0***	***32,0***	***– 0,69***	***– 0,59***	***2,4***
Украина	Нет сведений	4,0	32,0	– 0,24	– 0,89	2,6

Источник: Transition Report 2000, European Bank for Reconstruction and Development. P. 14.

[30] Этот индекс рассчитывался на основе опросов деловых людей, имеющих бизнес в соответствующих структурах.

Критерий собственно экономического статуса в миросистеме как «маркер» завершения переходного периода также не очевиден. Идея В. Путина умножить темпы экономического роста, чтобы догнать Португалию, — явный пример «инструментального активизма», по Геному, так как это не более чем символическая демонстрация вхождения в экономически развитое «ядро» стран миросистемы, ибо Португалия до принятия в него стран бывшего социалистического лагеря по уровню экономики замыкала список стран ЕС.

В геополитическом плане переходный период успешно завершается принятием России в «Большую восьмерку», признанием верховенства международных юридических норм, сотрудничеством в коалиции против мирового терроризма, вступлением во Всемирную торговую организацию, подписанием Киотского протокола об охране природной среды и т. д., Россия входит сегодня в несколько политико-экономических союзов-коалиций со странами всех континентов. Все это обеспечивает статус Великой державы.

Можно, однако, предложить ещё один критерий, связанный не с объективными показателями социально-экономической «модернизации», но с субъективным восприятием гражданами условий жизни как нормальных, приемлемых. Самоощущения гражданами своего благополучия или неблагополучия относительны. В этом плюс и минус такого индикатора. Информативность же индикатора состоит в том, что (как мы помним из теоремы Томаса) люди конструируют свой образ социального пространства, так что нельзя сказать, что пропорции успешных и неуспешных статистические службы определяют более «надежно», чем данные массовых опросов. Transition Report Европейского Банка за 2007 г. содержит наряду с экономстатистиками данные опросов по 28 странам, включая Россию и другие государства СНГ[31]. Поддерживают демократические реформы: в России — около 35%, а в Узбекистане и Монголии — около 70%: приветствуют рыночные реформы у нас — около 30%, в Монголии — около 70%. В целом, считают, что по сравнению с 1989 г. жить стали лучше среди россиян — около 20 %, в Албании — 43%. По данным нашего 12-летнего мониторинга формирования новых идентичностей[32], на вопрос «Кто Я?» в начале 1990-х около 70% населения относили себя к «людям без будущего», а по прошествии десятилетия с небольшим — всего 14%. Как отмечает Ю. Левада, массовые опросы убеждают, что постепенно наступала «рутинизация» в восприятии гражданами условий своей жизни и общей ситуации в стране, «отсчет от воображаемого будущего заменялся отсчетом от наличных обстоятельств, происходило «приземление» образца»[33]. В восприятии людей «транзит» либо затормозился, либо к 2005 г. для нынешнего поколения на том и завершился,

---

[31] EBRD–World Bank, Life in transition Surway, 2006 (http://www.ebrd.com/pubs/econo/tr07.htm)

[32] *Данилова Е., Ядов В.* Нестабильная социальная идентичность как норма современных динамичных обществ // СОЦИС. 2004. № 4. С. 23–27.

[33] *Левада Ю.* Человек обыкновенный в двух состояниях // Вестник общественного мнения. 2005. № 1. С. 13.

либо, судя по настроениям к концу 2008 г., о транзите в сторону Запада вообще не следует говорить, ибо у России свой, особый путь.

Если же исходить из оценок реального состояния социума Россия, то следует сказать, что Российское общество на сегодня еще не достигло должного уровня зрелости ни по одному из трех важнейших критериев: в институциональном устройстве, в создании устойчивой социальной структуры, в которой не должно быть места вопиющему разрыву между зажиточными и бедствующими слоями граждан и по качество человеческого потенциала, в котором Россия не будет уступать странам с наиболее продвинутой экономикой[34].

Вопросы для самоконтроля

1. Условия успешной модернизации.
2. Основная идея постсостояния общества по Ральфу Дарендорфу.
3. Концепции Ильи Пригожина о динамическом хаосе социальной системы.
4. Теория культурной травмы Петра Штомпки.
5. Теория социетального пространства российских трансформации Татьяны Заславской.
6. Дискуссии о критериях завершения переходного периода.

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Беляев Э.В.* Трансформация: у каждой страны уникальный путь // Социс. 2002. № 10.
2. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М: Дело, 2004. С. 241–264.
3. *Мюллер Р., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистических трансформаций // Социс. 2002. № 9. С. 67–82.
4. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал, 1999.
5. *Тамаш П.* О чем свидетельствует сравнительный анализ посткоммунистических трансформаций в разных странах // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ» / Под ред. В.А. Ядова. М.: 2005, Изд. «Феникс». С 528–561.
6. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17; Его же: Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.

Дополнительная

7. *Alexander J.C.* Modern, anti. Post and Neo: How Social Theories have tried to understand the “New World” of “Our times”? N Y. Harper. 1998
8. *Genov N.* Transition to democracy and nation-state in Eastern Europe // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 8.
9. *Dahrendorf R.* Reflections on the Revolution in Europe.London: Chatto & Windus, 1990.
10. *Станицкис Я.* Посткоммунизм – явление тайны // Социс. 2002. № 1. С. 17–28.

---

[34] *Заславская Т.И., Ядов В.А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4.

Лекция восьмая
Стратегии совмещения различных теоретических подходов в эмпирическом исследовании

8.1. Варианты стратегий

Итак, какие же исследовательские стратегии возможны в полипарадигмальном пространстве современной социологии? Здесь я во многом опираюсь на статью Ч. Ками и Н. Гросса, предпринявших незавидный труд обозреть проблему [1]. Однако попытаюсь несколько реконструировать и пополнить их анализ.

Комплиментарный подход. Несомненно, продуктивной стратегией представляется идея Жоржа Гурвича о «комплиментарном» подходе к объяснению тех или иных социальных процессов и явлений [1. P. 458]. Автор имеет в виду взаимодополняющие истолкования проблем, т. е. применение разных теоретических подходов. Эта стратегия великолепно работает при использовании различных специальных (middle range, по Мертону) теорий.

В длительных исследованиях социальных идентификаций россиян, их ориентаций в социальном пространстве «своих» и «не своих» групп и общностей мы с коллегами активно прибегаем к комплиментарности толкования разного рода данных в нашем предмете[1]. Так, Г. Зиммель объясняет функции «чужаков», которые, по его выражению, приходят не затем, чтобы позже уйти, но чтобы остаться, и далеко не всегда осваивают культуру своей новой среды[2]. Маркс помогает истолковать солидаристические интенции некоторых, как правило, депривированных групп населения. Сторонники теории рационального выбора объясняют те же процессы трезвым расчетом выгоды в виде способности «мы-сообществ» обеспечить поддержку и защиту в ответ на готовность поддержать «своих». Этот аргумент отлично применим к многократно фиксированному факту наибольшей близости в понятиях «мы как свои люди» семейных, дружеских, поколенческих и иных: «мы-групп», которые доминируют в нынешних социальных идентификациях россиян. Психоаналитики, утверждая защитную функцию «отца» в человеческом подсознании, вполне закономерно постулиру-

---

[1] *Данилова Е.Н.* Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4; *Данилова Е.Н.* Кто есть «Мы» в России и Польше? // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001; *Социальная* идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН. Вып. 1. 1993; Вып. 2. 1994; *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3–4.

[2] В нашем исследовании это большая подвыборка вынужденных русских переселенцев из Чечни в Краснодарский край. Они чувствуют себя «не теми» русскими, которые живут рядом с ними. Буйство мусульманской молодежи во Франции в конце 2005 г. — яркий пример эффекта «чужаков».

ют неизбежность присутствия тех, от кого следует защищаться[3]. Бихевиористы акцентируют внимание на ситуативности, прямой зависимости социальной идентификации от социального контекста. С. Московиси предлагает решать проблему на базе идеи о своего рода идентификационной матрице, в которой одни ячейки в данной ситуации могут быть активизированы, другие же образуют фоновую структуру, «задний план». Ни одно из приведенных толкований не представляется лишним, но обеспечивает многосмысленное понимание проблемы.

Дж. Тернер: «Аналитическое теоретизирование». Этим термином Тернер [2] называет одновременное движение от «интересной философии» и наблюдаемых фактов к некоторым «сенсибилизирующим обобщениям». Такой способ включает использование любых подходящих теорий, способных прояснить проблему. Эту стратегию мы применили в исследовании трудовых отношений на российских предприятиях. «Интересной философией» здесь может быть, пожалуй, лишь конструктивистский подход, а ближайшими частными теориями — неоинституционализм и теория становления правил Т. Бернса и Е. Флем[4].

Эмпирические данные как свободные интервью с руководством и простыми рабочими приводят к «сенсибилизирующим обобщениям». Например, мы обнаружили, что на предприятии, где интенсивно внедряются западные стандарты менеджмента и которое успешно на рынке своей продукции, рабочие дружно говорят о высшей администрации как об эксплуататорах. Другое предприятие, возглавляемое директором, избранным на должность еще в советское время, также успешно при том, что здесь сохраняются близкие к советским взаимоотношения работников и руководителей. Коллективизмом это назвать нельзя потому, что рабочие крайне ответственны именно за собственную работу, тогда как в советских «трудовых коллективах» формировалось чувство ответственности прежде всего за общее дело. Советский рабочий, как правило, был склонен списать свой брак на инструментальщиков (негодные резцы и т. п.), неясный чертеж и что угодно еще. Тогдашнюю культуру труда мы обстоятельно исследовали и описали в книге «Человек и его работа»[5]. Здесь же рабочие, активно поддерживая руководство, на общих собраниях по цехам проголосовали за то, чтобы потратить имеющиеся средства сначала на модернизацию оборудования, а уже после на повышение тарифных ставок. Моя коллега Светлана Климова придумала, как определить такой тип трудовых отношений: «постсоветский корпоративизм». Думаю, что этот термин и отражает как раз то, что Р. Тернер называет сенсибилизирующим обобщением.

---

[3] Этим, например, объясняется неустойчиво кратковременная активизация гражданской идентичности («Я — россиянин») в периоды бомбежек Югославии силами НАТО, захвата заложников в Москве, в период американо-британского вторжения в Ирак…

[4] *Burns T., Flam H.* The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.

[5] *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс, 2003.

Использование универсального исследовательского инструмента. Ч. Ками и Н. Гросс выделяют в качестве одной из стратегий привлечения различных теорий к истолкованию изучаемых процессов применение Universal Tools[6], т. е. неких исследовательских приемов, с помощью которых наподобие разводного гаечного ключа можно открутить гайку любого размера. Понятно, что это метафора, каковые в теоретической социологии (да и в других науках) порождают нетривиальные идеи. Авторы приводят в качестве примера методологию Пьера Бурдье[7]. Каковы основания рассматривать концепцию Бурдье в функции универсального инструмента? В сущности, предложен достаточно общий принцип социологического исследования — концепция полей взаимодействий и агентов, которые обладают разными ресурсами — капиталами.

К универсальным инструментам, я уверен, можно отнести принцип INIO П. Штомпки[8]. Любую социокультурную общность и социальную систему, согласно этой модели, можно проанализировать, принимая во внимание четыре измерения: «I» как идеологии, системы ценностей (здесь уместны и Т. Парсонс, и М. Шелер, и, конечно, К. Маннгейм); «N» как нормативная система (десятки нормативистских концепций будут уместны); второе «I» как интеракции (преимущественно вертикально организованные или преимущественно горизонтально-гражданские либо сетевые); наконец, «O» как opportunity — социальный ресурс, социальный и символический капитал групповых и индивидуальных деятелей. INIO Штомпки — инструмент, заведомо предполагающий привлечение множества теоретических концепций в анализе данных социальных процессов. Эвристичность формулы Штомпки вполне убедительно демонстрируют работы студентов магистратуры Центра социологического образования Института социологии РАН, где рассматриваемый инструмент великолепно работает при анализе самых разных проблем (от проблематики рисков до гендерных сюжетов)[9].

Разработка интегральных теорий — стратегия, не лишенная амбициозности. Она состоит в развитии некоторой интегрирующей разнообразные теоретические подходы и внутренне вполне стройной концепции, отвечающей современному динамизму общественных процессов. Это теории Бурдье, «постпарсонианский микро-макросинтез» Дж. Александера, морфогенеза М. Арчер, структурации Э. Гидденса, сетевой подход М. Кастельса, активистская теория А. Турена, социального становления П. Штомпки, становления правил Т. Бернса и

[6] J.S. Chafetz (1997 г.) назвал этот прием «Diverse set of practical tools». Цит. по [1].

[7] «Хабитус» по Бурдье — некий универсальный инструмент, система отрефлексированных индивидом практик прошлого, из чего следуют диспозиции к социальному поведению в данных конкретных условиях.

[8] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 28–30.

[9] *Полипарадигмальный* подход в социологии: опыт применения социокультурной концепции поля INIO Петра Штомпки / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Центра социологического образования ИС РАН, 1999.

другие, а еще ранее — теория фигураций Н. Элиаса. Названные ученые пытаются диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические подходы.

В ряду интеграторов следует назвать теорию аутопоэзии социальных систем Никласа Лумана. Сам автор претендует на всеобъемлющее понимание и толкование всего социального. Я полагаю, что здесь мы в большей мере имеем дело с социально-философским подходом, который еще нуждается в социологической конкретизации.

Описанные четыре стратегии представляются наиболее плодотворными при решении обсуждаемой проблемы, так как три первые доступны любому исследователю, а четвертую следует отнести к стратегии создания эвристических теорий, по Штомпке. Современные эвристические концепции исключительно важны в том смысле, что дают обильную пищу для размышлений при разработке исследовательской стратегии и анализа данных.

Обнаружение «белых пятен» определенно заслуживает особого внимания в этом ряду. Так, Гидденс вводит в социологическое осмысление то, что он называет «природным» и «телесным». В самом деле, классики социологии были настолько увлечены пониманием существа социальности, что просто-напросто игнорировали «естественное» в социальном. Достаточно обратить внимание на не слишком пространные границы человеческой жизни, чтобы понять многие явления, наблюдаемые в сфере государственной и даже мировой политики. Политические лидеры остаются смертными людьми и, в частности, потому нередко предпочитают программировать свои государственные действия в кратко- и среднесрочных временных рамках.

«Белое пятно» обнаружил Страусс в своей Grounded theory [5], что трудно адекватно перевести на русский. При наблюдениях студентами действий медицинского персонала и пациентов клиники было замечено, что большое значение имеет медицинский инструментарий: пациенты боятся всякого рода операций, взятия пункции из позвоночника и т. п. Опирающиеся на структурный функционализм в социологии медицины ничего подобного не предусматривали и «зацикливались» на концепции принятия либо отвержения роли больного и тому подобных проблемах социальных взаимодействий в клинике. Медицинский инструмент, оперирование им не могли быть предметом изучения в этой парадигме.

Новое в понимании социального расслоения нашел Д. Блау в своей концепции множественности их форм, о чем говорилось в четвертой лекции. Действительно, посткоммунистические трансформации спровоцировали такие виды неравенств, которые с трудом поддаются прогнозам на основе теорий.

Ценными представляются концептуальные находки отечественных авторов, стремящихся понять общество, в котором мы живем. К их числу можно отнести, например, термин А. Ахиезера «расколотое общество» или Ю. Левады о «человеке фантомном», т. е. ощущающем себя в обществе, которого нет.

Другие стратегии. Ч. Ками и Н. Гросс упоминают и другие стратегии, например «рафинирование» и «расширение» классиков» (неомарксизм, неовеберианство[10] и т. п.), открытие «белых пятен» в социальной теории, построение теорий применительно к принципиально новым и ранее не имевшим места социальным процессам (глобализация, теория повышенных рисков и др.). Использование подобных стратегий доступно выдающимся мыслителям. Студенты должны их знать, но кто из них сможет сам стать видным теоретиком — покажет будущее.

8.2. Проблема «макро-микро» в теории и программировании эмпирического исследования[11]

Макро-микро дилемма. С первой четверти XX века становится ощутимым принципиальное расхождение в анализе социальных процессов между «объективистами» и «субъективистами», между «макро-» и «микро-социологами». Великая депрессия 30-х годов прошлого века потрясла Америку. Аномия решительно всех социальных институтов обнаруживала непригодность рациональных построений Парсонса для анализа социального хаоса. Зато Чикагская социологическая школа феноменологов в этой ситуации оказалась во всеоружии. К тому времени социологи Чикагского университета накопили солидный опыт изучения эмигрантов (У. Томас и Ф. Знанецкий), жителей трущоб (Р. Парк) и других не встроившихся в общественные структуры групп населения.

Спустя время, экономический кризис миновал, микро-макро раскол в социологической теории, напротив, обострился. Концептуально не удавалось свести в некую стройную теорию социально-структурные интерпретации социальных проблем и реалии повседневной жизни людей. Недоставало, если использовать выражение Дж. Тернера «сенситивного понятия», т. е. категории, чувствительной к эмпирическим данным. Не лучше и с эмпирической основой для теоретических обобщений. Данные массовых статистик дают основания для заключения о динамике социальных процессов и слишком скудную информацию для понимания происходящего. Наблюдения и рассказы людей проясняют мотивацию их действий, но не позволяют судить о доминирующих в обществе интенциях граждан.

В последние десятилетия, я думаю, в теоретической социологии имеет место примечательный процесс, значимость которого еще не отрефлексирована по достоинству. Наметились признаки интеграции в теории и методологии исследований макросоциальных процес-

---

[10] Пример — статья Ю. Давыдова «Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма» (*Россия:* трансформирующееся общество / Под ред. В. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 64–76).

[11] На основе этой лекции я опубликовал статью: Ядов В.А. К вопросу о макро-микро дилемме в социологии: решение найдено? (Социологический журнал. 2009 №1) и там же имеются критические комментарии И. Девятко, В. Волкова, О. Хархордина и М. Черныша.

сов и повседневной жизнедеятельности людей. В научном аппарате теоретиков активистского направления понятия социального субъекта, агента, как мы знаем, занимают первостепенное положение, а понятие практик как раз то, что обладает свойствами сенситивности в академическом тезаурусе макротеоретиков и феноменологов. Вошел в оборот термин «миксметодология» — совмещение количественного и качественного анализа. Не есть ли это признак преодоления разрыва между макро-микро социологией?

Путь к решению со стороны макро-теоретиков. В теории социального становления (Social becoming)[12] Петр Штомпка предпринял успешную попытку интегрировать идеи классиков «онтологистов», представителей интерпретативного и феноменологического направлений и концептуальные подходы современных теоретиков активистского направления, видным представителем которого он выступает. Автор выделяет три уровня социальных процессов и три состояния социального становления[13] (схема 5).

Высший уровень тотальности — это структуры. Они динамичны и рассматриваются как эмерджентные межсубъектные сети. Это означает, что они автономны по отношению к агентам и способны раскрывать себя неожиданным образом. Действия агентов, оперирующих структурами, полностью не предопределены ими, относительно независимы и могут в принципе противостоять структурам (инновации, протест и т. п.). Нижний уровень (уровень индивидуальности) образует деятельность агентов, система, последовательность их действий.

Средний же уровень (уровень реальности) социальных процессов в теории Штомпки — ключ к пониманию социального становления. Здесь, он подчеркивает, верхний и нижний уровни смыкаются и представляют собой двойственное целое — «интерфейс» в компьютерной терминологии. Дуальность структурных свойств социальных систем рассматривается Гидденсом одновременно «и как средство и как результат практики, которую они организуют, попеременно опираясь друг на друга»[14], а дуализм агентов, поясняет Штомпка, «можно рассматривать по принципу комплиментарнсти, имея в виду, что «свойства агентов являются и продуктами структур и ресурсами для их построения»[15].

«Мы не найдем, — заключает Штомпка, — ни одного примера в общественной жизни, в котором не было бы слияния структур и агентов, операций и действий... *Нет бесструктурных агентов и нет безагентных структур*» (курсив мой. — В.Я.)[16].

[12] *Sztompka P.* Society in action. The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press, 1991; Методология решения проблемы «микро-макро» изложена в работе: *Штомпка П.* Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996.

[13] *Там же*. С. 268–276.

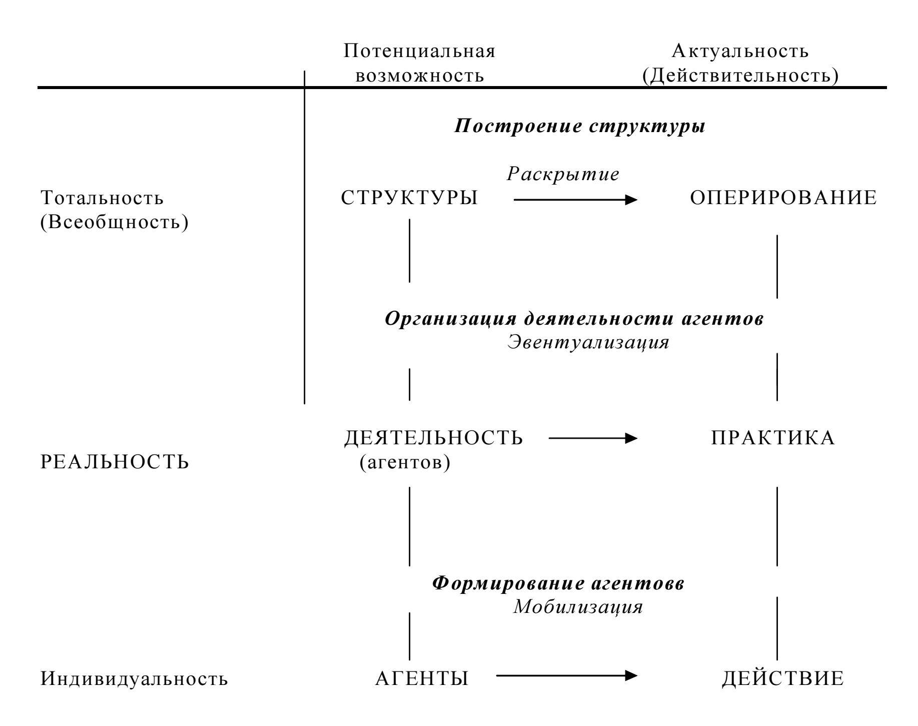
[14] Giddens A. Central Problems of Social Theory. London: Macmillan, P. 69.

[15] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. С. 272

[16] Там же.

[1] Sztompka P. Society in action. The Theory of Social Becomi

Схема 5. **Взаимодействия социальных структур и агентов**

Трудно не согласиться с тем, что деятельностная парадигма в сравнении с постмодернистской более адекватна реалиям современного мира и российским в частности. Так, советские социальные структуры, если использовать идею Штомпки о трех формах динамики структур, оперировали по «принципу инерции», власть предпочитала не допускать каких-либо существенных изменений. Эпоха Л. Брежнева получила название периода стагнации. Протестующие против системы, такие как академик А. Сахаров, подлежали изоляции. Период горбачевской перестройки можно, я думаю, отнести ко второй у Штомпки форме динамики структур — процессу становления по «принципу момента» или «континуальности», согласно которому начатый процесс изменений не прекращается, но и не отличается систематичностью, допускает пропуски некоторых уровней. Символично название сборника статей «прорабов перестройки», включая Т. Заславскую, — «Иного не дано»[17]. М. Горбачев и его соратники, как они сейчас пишут, не имели четко продуманного плана реформ и действовали по ситуации. Так, следом за призывом «ускорения» (экономического раз-

[17] *Иного* не дано / Под ред. Ю. Афанасьева. М.: Политиздат, 1988.

вития) Горбачев публично заявил, что экономический прогресс без демократических реформ невозможен.

Штомпка выделяет также как форму структурных преобразований принцип последовательности, безвозвратного перехода на очередную стадию изменений структур. В современной России мы сталкиваемся именно с этой формой, названной В. Путиным «строительством вертикали власти». Решающим агентом выступает сама власть, но вместе с тем процесс существенно шире и охватывает многообразные гражданские структуры, где агентами являются и лидеры инноваций и большие группы рядовых граждан.

Путь к решению с позиций интерпретативной социологии. Аргументация с позиций феноменологов. Здесь важнейшее значение приобретает категория практик. Еще раз обратим внимание на то, что интерфейс между структурами и агентами — деятельные практики. Практики являются тем сенситивным понятием, которого недоставало. Эвристический потенциал понятия практик состоит в том, что его смысл предполагает, как правило, единение действия с институционализированной или же становящейся нормой[18], так как действие и его осмысление совершаются в определенной социальной ситуации, в социальном контексте. Контекст, в свою очередь, непременно содержит такой компонент, как институциональная среда. А дальше — петля обратной связи. Мы знаем, что П. Бергер и Т. Лукман считают, что множественность практик объективируется в социальных нормах. Согласно теории фреймов И. Гофмана[19] субъективность конструирования социальных ситуаций не следует преувеличивать. Определения ситуации создаются структурами взаимодействий, а не произвольно их участниками. Как замечает В. Вахштайн, фрейм у Гофмана можно назвать синонимом понятия «определение ситуации»[20]. И далее развивает эту мысль: фрейм — «это одновременно и “матрица возможных событий”, которую таковой делает расстановка ролей, и схема интерпретации событий субъектами, в них участвующими». «Фрейм и “внутри” и “снаружи”, и воспринимаемое и средство интерпретации воспринятого»[21].

---

[18] Известно, что неоинституционалисты рассматривают в качестве норм не только узаконенные правила социальных взаимодействий и взаимоотношений, но и широко практикуемые неформальные правила, каковые суть ограничения обычаем, массовыми образцами поведения и теми смысловыми кодами, которые несут в себе данные поведенческие образцы (см. например: *North D.*C. Institutional Change and Economic History // Journal of International and Theoretical Economics. 1998. № 1. На русском – ряд публикаций А. Аузана и его лекции на Полит-ру).

[19] *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ.: Под. ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН; Фонд «Общественное мнение», 2004.

[20] Такой вывод делает В.С. Вахштайн, скрупулезно анализируя концепцию И. Гофмана (см.: Вахштайн В.С. Книга о «реальности» социальной реальности: И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта [рец.] // Социологический журнал, 2004, № 3–4).

[21] *Goffman E.* Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. New York: Anchor, 1967 (цит. по упомянутой рецензии В.С. Вахштайна, с. 43). Именно такую интерпретацию фрейма в ряду прочих мы берем за основу.

Демонстративный пример. Приведу в качестве одного из вариантов разрешения микро-макро проблемы в эмпирическом исследовании опыт нашего изучения «челноков» 1990-х годов[22]. Челноками называли тех, кто оставил работу в КБ или ином государственном учреждении в кризисные годы (зарплату задерживали или не платили вовсе) и рискнул заняться покупкой-продажей товаров массового спроса. Для этого они выезжали с огромными полосатыми сумками за рубеж. Привозили товар и торговали на диких рынках, что возникли по всей стране. Институциональная среда того времени отличалась разнообразием правил по регионам, противоречиями в законах и инструкциях чиновникам. В ней было множество лазеек, и энергичные новопредприниматели успешно использовали возможности законно обходить законы. Например, таможня задерживала багаж, превышавший 50 кг. Челнок подряжал кого-то еще, оплачивал им дорогу в Турцию, так что один человек — 50 кг, а пятеро — 250 кг. Миллионы таких «коробейников» побуждали власти как-то законодательно упорядочивать стихию. Поначалу рынки возникали прями на тротуарах, в Москве для челноков отвели стадион «Динамо»[23]. Постепенно барахолки вдоль улиц цивилизовались в ларьки, потом — своего рода пассажи ларьков под общей крышей. МВД узаконило выдачу специальных виз с правом одного в месяц выезда за рубеж[24]. Транспортные службы наладили международные поезда и авиарейсы прямиком к месту закупки товаров. Таковы наблюдаемые практики.

Начиная проект, в теории мы опирались на «симпатичную» активистскую философию (акторы, обладающие высоким ресурсом, способны изменять социальные институты) и на феноменологическую концепцию фреймов Гофмана (фрейм — матрица реальных событий и смыслов, которые им придают челноки).

Эмпирические данные мы извлекали из документов и доступной статистики[25], а также рассказов бывших челноков, из массового опроса, где в выборку попадало немало бывших челноков, и фокус-групповых дискуссий об отношении к челнокам 1990-х годов со стороны сограждан конца первого десятилетия нового века.

Интерпретация полученных данных позволяет сделать ряд выво-

---

[22] Участники проекта: Е. Данилова, С. Климова, И. Щербакова, В. Ядов (рук.), Е. Ядова.

[23] Мне довольно часто приходилось поутру проезжать мимо и наблюдать, что творилось у ворот стадиона. Колонна легковых машин со спешащими на работу медленно двигалась в проходы милицейского оцепления. Гаишники пытались обеспечить проезд к стадиону авто с огромными сумками на крышах и набитые теми же полосатыми сумками микроавтобусы. Челноки с руганью протискивались в проходы на стадион.

[24] Естественно, наши челноки нашли лазейку: наемные помощники регистрировали себя как самостоятельные негоцианты, и все шло по той же схеме, что и с ограничением веса багажа.

[25] Численность челноков 1990-х гг. достоверно не известна. С. Климова определяет их численность в 6,5 млн. (Климова С.Г. Челночная торговля. Челноки: бегство от нужды или погоня за шансом // Социальная реальность. 2006. № 2. С. 34.)

дов. (а) граждане, прошедшие социализацию в советской институциональной системе, своей активностью трансформировали институты; (б) челноки отличались более высоким социальным и персональным ресурсом: подавляющее большинство были высоко и достаточно образованы, успешны в своей прежней работе; (в) они в целом одинаково осмысливали общую ситуацию в стране, но в рассказах о собственной жизненной ситуации подобия не было. Их фреймы (системы практик и рефлексий) заметно различались. Опираясь на фактические свидетельства социальной мобильности наших респондентов и их рассказы, удалось выделить четыре категории: люди, которые нашли себя в рыночном обществе и сегодня преуспели в крупном и среднем бизнесе; те, кто обрел статус малого предпринимателя; бывшие челноки, ставшие наемными работниками — реализаторами иностранных товаров, которые закупают крупные фирмы, и, наконец, потерявшие себя, сожалеющие об утрате прежней интересной работы и уважения к их профессии в семье и со стороны друзей[26].

Посмотрим, в какой мере здесь являются инструктивными теоретико-методологические предпосылки, о которых говорилось выше?

Замысел проекта, напомню, непосредственно «продиктован» утверждением активистской теории. Челноки и НЕчелноки, судя по их рассказам, совершенно одинаково описывали общесоциальную ситуацию экономического кризиса 1990-х. Но челноки увидели в ней возможность для изменения собственной жизненной ситуации, их коллеги увидели лишь дурную перспективу для себя и семьи. Они по-разному конструировали реальность и вследствие этого их фреймы радикально отличались. Одни совмещали субъективные конструкции социально-экономического и институционального пространств с практиками в рамках ситуации, требующей рискованного действия, другие оставались в фокусе трудностей, которые следует перетерпеть. И практиковали привычное сидение на рабочем месте в ожидании… Что явилось пусковым механизмом, толкнувшим челноков в авантюру? Их персональные ресурсы, отличные от ресурсов коллег, оставшихся позади.

Мы фиксировали (по рассказам респондентов) *«пороговые»* изменения ситуаций челночного бизнеса и соответственно изменения в их практиках. Например, поначалу челноки помогали друг другу — и не только советами, потом сторожились друг друга, далее — конкурировали и, наконец, каждый пошел своей дорогой, отчего и образовались четыре упомянутые когорты пост-челноков.

В итоге мы получили эмпирическое подтверждение исходной посылки, согласно которой, пройдя социализацию в системе советских институтов, своей практической деятельностью эти люди изменили институциональную среду и сами радикально изменились.

Методологически очень важно адекватно проблематике иссле-

[26] Рабочие материалы проекта «Челноки». Анализ Е.Н. Ядовой.

дования определить *масштаб* и ситуации, и социального контекста, каковые могут совпадать или не совпадать. В нашем случае с челноками исходная социальная ситуация рассматривается в социетальном общероссийском масштабе. Особое внимание обращено на ее институциональный контекст (госструктуры не гарантируют жизнеобеспечение, внезапно открылись границы для выезда из страны и прочее). Данную ситуацию назовем нулевой как точку начала анализа биографий челноков и контрольной группы НЕчелноков. Этапы жизненных перемен НЕчелноков нам не интересны, фиксировали их впечатления и практики в момент «ноль». Пороговые ситуации, которые вынуждают индивидов, по Гофману, «переключать» фрейм, продуцируют «рефрейминг», — те, что радикально требуют и переосмысления социального контекста действий, и практик соответственно. Например, конструирование общей кризисной ситуации в фокусе поиска «институциональных дыр» для занятия челночеством — ситуация рефрейминга-1. Первый выезд за рубеж для скупки товаров и обратный путь через границу — ситуация рефрейминга-2. Первый выход на стихийный челночный рынок – рефрейминг-3, и т. д.[27]

Индивиды обладающие разным запасом социальных и персональных ресурсов, по-разному осуществляют рефрейминг своей жизненной ситуации. И, соответственно, практиками своими в разной мере воздействуют на изменения институциональной среды. В согласии с неоинституционалистским подходом в качестве социоинститутов выступают и НЕ узаконенные, но массовые практики. Например, по рассказам челноков, спустя в среднем два месяца, коллеги по челночному бизнесу перестали помогать друг другу, но, напротив, усвоили рыночную норму жесткой конкуренции.

Заключение. Вернемся к двум методологическим вопросам. Один из них был сформулирован в начале предыдущей лекции: как теоретически «развести» исследование нормативных изменений в рамках институционального и социокультурного подходов?

Социальные нормы и практики — это «контрапункт» социальных взаимодействий. Но социальные взаимодействия протекают в социокультурной системе. Личностные смыслы поведенческих правил индивиды извлекают из культуры и субкультуры, в которых они социализируются, тогда как социальные институты отслеживают соблюдение узаконенных или неформально легитимированных большинством правил социальных взаимодействий. Другими словами: практические и символические смыслы норм закрепляются культурой, инструментально они закрепляются путем институционализации.

Вопрос второй — проблема «макро-микро». Исторически в процессе социальных изменений происходят изменения детерминирующих функ-

---

[27] У Гофмана: «…потенциалом переключаемости обладает деятельность, сама явившаяся результатом переключения» (*Гофман И.* Анализ фреймов. С. 143). Принципиальную схему пороговых ситуаций «переключения» в нашем проекте предложила Карин Клеман и скорректировала Елена Данилова.

ций в связке социальных структур и социальных субъектов, роль которых к нашему времени намного значительнее, чем в далеком прошлом.

В традиционных обществах социальные структуры жестко ограничивают рамки допустимой свободы людей и соответственно воспроизводятся адекватными им субъектами; *само*-деятельные же индивиды в таких структурах неприемлемы. Потому некоторые авторы сравнивают советское общество с традиционным.

Социальные структуры современных демократических и мультикультурных обществ допускают значительный простор для инновационной активности агентов, каковые, в свою очередь, интенсивно преобразуют структуры.

Следовательно, принцип, согласно которому нет бессубъектных структур, как нет и бесструктурных субъектов, можно рассматривать в качестве наиболее общего решения проблемы «микро-макро».

Резюме лекции. В эмпирическом исследовании полезно совмещать несколько из описанных выше стратегий. В нашем «демонстративном примере» использовался комплиментарный подход, аналитическое теоретизирование по Тернеру и стратегия применения «универсального» методологического инструмента, в качестве которого выступает методология изучения фреймов[28]. Также и при сборе данных применялась «миксметодология». Можно сказать, что в реальной исследовательской практике комплиментарный подход к интерпретации данных отлично совмещается с комплиментарной стратегией их получения.

8.3. Должна ли социологическая теория иметь «национальные» черты?

Эта проблема, поднятая в работах А.Ф. Филиппова [4][29], сама по себе исключительно важна. Есть исторические примеры, доказывающие полную непригодность теорий, разработанных в одной социально-культурной среде, к обществам существенно иной культуры и институциональных традиций. Так, А. Акивово показал, что западноевропейские теоретические концепции не способствуют пониманию и объяснению социальных процессов в африканских странах, где то, что феноменологи называют body behaviour, важнее, чем артикулированное действие[30]. Акивово пишет, что, изучая нигерийские парламентские протоколы, западный исследователь ничего полезного не извлечет. Существенно, с какой интонацией и ужимка-

[28] Теория в ее инструментальной функции является методологией. Если по определению понятия фрейм аккумулирует объективные практики и субъективное их осмысление, то инструкция для сбора эмпирических данных диктует сбор информации о действиях челноков и уяснении мотивов действий, представлений об их последствиях и т.д.

[29] Следует заметить, что в последних публичных выступлениях автор склонен «либерализировать» свою жесткую позицию.

[30] *Akiwiwo A.A.* Contributions to the sociology of knowledge from an African oral poetry // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. L.: Sage Publ, 1990. P. 103–118.

ми депутат произносит свою речь. Она может быть документально расценена как речь в поддержку некоторого закона, но парламентарии ясно улавливают: оратор решительно против принятия этого закона.

Другой пример этнокультурной связанности социальной теории — опыт Турена. Алан Турен пришел к выводу, что в странах Латинской Америки, как и во Франции, эффективна «участвующая» социология. Он опробовал свою теорию также и в работе с польским движением «Солидарность». Суть такова: обсуждение социальных проблем в длительных дискуссиях с политически активированными деятелями результируется «здесь и сейчас» в практических действиях последних. Попытки Турена вместе с Л. Гордоном и Э. Клоповым испытать теорию в России (рабочее движение, профлидеры) не дали ожидаемого эффекта.

В пользу идеи А. Филиппова говорят многочисленные национально-страновые модификации марксизма: ленинизм в России, Чуч Хе в Северной Корее, непонятный «африканский социализм», китайские модификации — маоцзедунизм, марксизм в интерпретации ЛюШаоци или его трансформация Ден-Сяопином. Все это свидетельства так называемой «индигенизации» социальной теории, ее приспособления к условиям и культуре данной страны в данный исторический период[31].

Проблема состоит не в том, чтобы создать свою национальную теорию, но в оценке эвристического потенциала той или иной теории, т. е. не центрировать внимание на «изготовителе продукта», но убедится в его пригодности для употребления. Я думаю, что при оценке «полезности» того или иного теоретико-методологического подхода наиболее важны три критерия оценки: (a) сколь широкий круг проблем охватывает данный подход, каковы его ограничения? (b). Насколько востребованы обществом и государством исследовательские задачи, решаемые с помощью этого подхода и (c) достаточно ли имеющихся информационных и материальных ресурсов для его использования? По этим критериям, как на студенческом экзамене, я бы оценил деятельностно-активистские теории (Бурдье, Гидденс и др.) так: «вопрос a» — отлично, «b» — отлично «c» — скорее хорошо. Культуральные теории по критерию «a» в наших условиях на большее, чем удовлетворительно с минусом не тянут, по востребованности («b») — неуд, зато по ресурсному обеспечению — отлично, ибо в основном предполагают полёт фантазии.

Обсуждаемая проблема сводится к ответу на вопрос: является ли Россия страной западной цивилизации? Если да, то современные макросоциальные теории к анализу российских проблем применимы, если нет, необходимо какое-то иное теоретико-методологическое толкование наших реалий.

Ответ мы находим в том, что *процессуально* общество трансформируется в сторону западноевропейского образца и утверждения

---

[31] «Индигенизация» теории — характеристика, предложенная Мартином Элброу. Буквально «отуземливание», адаптация к особенностям данного общества.

соответствующих социальных институтов. К тому же страна включена в миросистемные процессы: экономические, политические, информационные. Сомнительно, чтобы российская социология нуждалась в какой-либо «национально-специфичной» *общей* социальной теории.

Общую теорию часто именуют «гранд-теорией», потому что она обладает потенциалом понимания и объяснения социальных явлений и процессов в мультистрановом и мультикультурном пространствах. Лозунгом Всемирного социологического конгресса в Испании (1990 г.) был избран такой: «Одна социология для всего мира или множество национальных социологий?»[32] Пафос дискуссий на конгрессе — глобализация бросает вызов теоретической социологии, требуя объяснения миросистемных изменений с учетом особенностей трансформационных процессов в отдельных странах. Именно тогда, после выступления Р. Робертсона в социологический дискурс вошло понятие «глокальность» — глобальное в сочетании с особыми институциональными и культурными традициями стран и народов.

Анализ российских трансформаций не нуждается в теории создании особой теории, но требует адекватного применения адекватных цивилизации XXI в. общесоциологических теорий. Выбор из двух доминирующих в наше время — деятельностно-активистской и постмодернистской. Последняя пока что не очень подходит к российскому обществу, которое лишь в перспективе видится постиндустриальным. Имеется немало примеров успешного целенаправленного истолкования и развития отечественными социологами общих и частных теорий применительно к российским условиям. В этом ряду: упоминавшиеся выше теория Т. Заславской о системных трансформациях в постсоветской России; новое прочтение М. Вебера Ю. Давыдовым с акцентом на спекулятивные (непродуктивные) особенности российского капитализма; совершенно отличное от западных оригинальное рассмотрение глобализационных процессов в проекции на российское общество Н. Покровским[33], концепцию «расколотого общества» А. Ахиезера; формулы Н. Наумовой об обществе «рецидивирующей модернизации» и «другой Европы», по В. Федотовой; С. Кирдиной о России как об обществе с доминированием вертикально организованных социальных институтов при решающей роли государства и «фоновом» присутствии гражданских институтов; Н.И. Лапина, который развивает теорию социумных процессов и применительно к России и акцентирует внимание на крайней важности учета региональных различий в огромной стране, О. Яницкого о России как об обществе повышенных рисков[34] и др.

[32] *Globalization*, knowledge and society / Eds. M. Albrow, E. King. L.: Sage publications, 1990.

[33] *Покровский Н.Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 521–523.

[34] *Яницкий О.Н.* Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 21–44; *Россия:* риски и опасности «переходного» общества / Под ред. О.Н. Яницкого. М.: ИС РАН, 1998.

Есть продвижения и в развитии общетеоретических идей, например, оригинальный системный подход А. Давыдова, опирающийся на исчисления социальных констант[35], релятивистская теория нации А.Здравомыслова[36], концепции Л. Ионина о феномене «культурных инсценировок»[37], «играизации общества» С. Кравченко[38], Ю. Качанова и Н. Шматко о морфологии социального пространства[39], работы А.Филиппова по социологии пространства[40] и целый ряд других. В заключение можно сказать, что пессимизм по поводу отсутствия теоретического дискурса в отечественном социологическом сообществе вряд ли оправдан.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем суть стратегии комплиментарного подхода Дж. Фридмана?
2. Логика аналитического теоретизирования Дж. Тернера.
3. Использование стратегии универсального инструмента (пример INIO П. Штомпки).
4. Примеры открытия «белых пятен» в социологической теории.
5. Макро-микро проблема и поиски ее решения.
6. Насколько социологическая теория может быть «национальной»?

Рекомендуемая литература

Основная

1. *Camic Ch., Gross N.* Contemporary development in sociological theory: Current projects and conditions of possibility // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24.

2. *Тернер Дж.* Аналитическое теоретизирование // Теория общества / Под ред. А. Филиппова. М.: Канон-Пресс, 1999.

3. *Ядов В.А.* Для чего нужна сегодня национальная русская социология? Социс, 2008. № 3.

4. *Филиппов А.Ф.* О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1/2.

Дополнительная

4. *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию/ СПБ, Изд. «Академиа». 1992

5. *Glaser B., Strauss A.* The discovery of grounded theory. Chicago: Adline, 1967.

---

[35] *Давыдов А.А.* Системный подход в социологии: Принципы и законы функционирования социальных систем. М.: КомКнига, 2005.

[36] Здравомыслов А.Г. Социология, история, практика. М., 2008.

[37] *Ионин Л.Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–13.

[38] *Кравченко С.А.* Играизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

[39] *Качанов Ю.Л.* Социальная реальность и пространство — время социального мира / / Россия трансформирующаяся / Под. ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 57–74.

[40] См.: *Филиппов А.Ф.* Социология пространства как теоретическая альтернатива // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. Ядова. М.: Канон-Пресс, 2001. С. 45–63.

Заключение

Попробуем в заключение извлечь несколько обобщающих выводов.

Вывод первый. *Обилие теоретических подходов — это наше богатство*, но не признак «недоразвитости» социологии. Если бы общество со множеством рефлектирующих индивидуально и совместно субъектов было подобно какому-либо, пусть самому сложному, техническому механизму, можно было бы, в конечном счете, все просчитать и вывести надежные формулы оценки его исправности/неисправности. Социологу его профессия запрещает мыслить по логике «технаря». Мы никогда не можем быть уверены в том, что учли все обстоятельства, в разной степени воздействующие на социальные взаимодействия и социальные процессы. Любая теоретическая конструкция есть образ реальности, игнорирующий что-то в рамках *этой* конструкции как несущественное. Зато в *иной* конструкции «несущественное» обращается в центральную проблему.

Множественность теорий предоставляет социологу богатые возможности для интерпретации данных. Но подлинный профессионал тот, кто, владея обилием теоретических знаний, способен целесообразно их использовать. Канадский философ и логик Марио Бунге в 1950-е гг. предложил такой метафорический образ обращения исследователя с накопленными знаниями. У нас в голове, писал Бунге, как на чердаке сельского дома хранится множество разных инструментов: лопаты, топоры, гаечные ключи, клещи, молотки, рубанки для грубой обдирки досок и тонкой шлифовки…. Это просто хлам. Но иногда хозяин поднимается на свой чердак и фонариком высвечивает именно то, что ему нужно. Это — интуиция. Добавим — профессиональная интуиция.

Надо развивать в себе данные человеку природой способности, высвечивать именно те знания, которые нужны для решения проблемы

Вывод второй. В своих лекциях я акцентировал внимание на преимуществах деятельностно-активистского подхода как наиболее адекватного современным реалиям внутрисоциумных и миросистемных процессов. Но из этого не вытекает, что теоретическая социология достигла «потолка» понимания и объяснения своего объекта изучения. Достаточно заметить, что «гнездо» активистских теорий наполнено множеством особых теоретических конструкций. И не исключено, что в наступившем веке не будет востребована иная социологическая парадигма. Почти уверенно можно такое предвидеть, коль скоро мировизация социальных процессов и глобализация рисков человечества на планете Земля взывает, как было показано, к переосмыслению ряда классических категорий нашей дисциплины. На одном из семинаров в Институте социологии Зигмунт Бауман сказал, что сегодня мы даже не можем себе представить, в каких

понятиях следует теоретизировать о далеком будущем. Он привел великолепный аргумент: «Я, — сказал Бауман, — спросил Галтунга (видный социолог и политический деятель), как он себе представляет политическую систему для законодательного регулирования взаимоотношений между странами миросистемы». Галтунг ответил: «Всемирный парламент». И тогда Бауман задал вопрос: «Ты понимаешь, что в таком парламенте будет 40 % представителей мусульманского мира, 20 % китайцев, 10 % американцев и по 2 % из европейских стран?» Мы сегодня даже представить не можем, какие понятия будут адекватны в новом тысячелетии, потому что живем понятиями прошлого.

В период, пока эти лекции подготавливались к публикации, я заметил, что перестал мысленно брать в кавычки постмодернистские термины. Студенты убеждают в том, что действительно выстраивают проекты своих жизненных биографий, лавируют меж наличных социальных структур. Но таковы и есть постмодернистские утверждения.

Больше того, начинают возникать сомнения относительно «устарелости» организмических взглядов на общество и еще хуже — социал-дарвинистских. Так ли уж наивны были классики XIX в., «примеряя» к сообществам homo sapiens механизмы межвидовой борьбы наших неразумных предков?

В середине 1990-х физики, химики, биологи академических институтов в подмосковной Черноголовке пригласили на свой семинар гуманитариев, чтобы поговорить о социальных проблемах. Философ С.Я. Матвеева, отвечая на их упреки в адрес гуманитариев, выступила в защиту социологов. Она уподобила историю теоретической социологии филогенезу человека. В раннем детстве мы стремимся подражать взрослым, как это делали в социологии Конт, Дюркгейм, Спенсер, ориентируясь на возмужавшие физику и биологию. В подростковом и юношеском возрасте возникает уверенность в единственно своей правоте.

Классики социологии Маркс, Вебер, Парето, Сорокин отличались убежденностью в том, что их теория должна быть всеохватывающей и непротиворечивой, а потому единственно верной. В «первом зрелом возрасте» человек начинает оглядываться на тех, чей образ мыслей и образ жизни не похож на его собственный, и задумывается, так ли он правильно живет. Зрелость социологии наступает ближе к концу XIX в., когда социологи обратились в частности к психологии и антропологии. «Второй зрелый возраст» человека отмечен эскалацией сомнений, человек начинает остро осознавать смысл народной мудрости «век живи, век учись».

В стиле метафоры Матвеевой предлагаю так закончить это рассуждение: социологическая теория, если бы она была способна подобно абсолютной идее Гегеля рефлексировать как сама-в-себе субъект, должна диалектически вобрать все ценное из прошлого и совершить «скачок» в иное качество. А далее — новый виток по

спирали накопления знаний о меняющемся объекте ее интеллектуальных усилий. О старости демографы нынче элегантно предпочитают не говорить, так что период зрелости социологии может длиться беспредельно.

Вывод третий. Относится к анализу российских проблем в концептуальных рамках многообразных теорий. Я стремился показать, что российские трансформации, будучи направленными в общее русло миросистемных изменений, не могут не иметь национальной специфики. Проблема национальных матриц социальных институтов и ментальных «матриц» остается. Нужна ли субтеория именно российских трансформаций? Скорее да, чем нет. Решающий аргумент — является ли Россия социокультурным обществом «Евразия» или обществом «Азиопа»? Ориентиры — прозападные, методы действий в их направлении — традиционные. Нашему обществу предстоит найти органичную стратегию трансформаций, учитывающую и традиции и миросистемные процессы.

Здесь — широкий простор для теоретических изысканий. Единственно разумная стратегия научного поиска состоит в том, чтобы, обогащая теоретический потенциал, накопленный в мировой социологии, использовать его в качестве методологического инструмента для решения этой фундаментальной проблемы.

Приложение 1

Советы студенту относительно работы над рефератом и эссе

Выбор темы. Социолог может быть профессионалом в традиционно-цеховом и в современном смысле. В прошлом мастер ценился за компетентность в своей узкой специализации. Мастер-социолог наших дней — тот, кто понимает, что однозначного толкования и решения социальных проблем нет. Есть более или менее адекватные, более или менее оптимальные. Чтобы найти наилучшее, полезно знать подсказанные теорией направления и способы анализа проблемы.

В процессе освоения курса старайтесь прикинуть, как можно было бы применить тот или иной подход в исследовании некоторой социальной ситуации и нельзя ли ту же ситуацию рассмотреть под иным теоретико-методологическим углом зрения. Какой из концептуальных подходов представляется вам оптимальным в данном случае, а какие «комплиментарными» — дополняющими.

Рассуждая подобным образом, определите тему своего реферата или эссе по курсу. Будет великолепно, если выбранная тема прямо связана с Вашим выпускным сочинением. Тогда можно считать, что написан вариант первого раздела магистерской или дипломной работы.

Преподаватель, несомненно, пойдет Вам навстречу, если тема отсутствует в рекомендательном списке. Важно, чтобы в этой непременной по курсу работе Вы проявили знания и понимание множественности парадигм и теорий в нашей дисциплинарной области.

Чем реферат отличается от эссе? Граница довольно условна.

Реферат — это осмысленное изложение первоисточника или обзор литературы по проблеме. Реферат — не конспект прочитанного, он предполагает выделение главного, наиболее важного с точки зрения автора. Не исключено, что какие-то его мысли утратили актуальность, а то, что он заметил мимоходом, представляется сегодня важным. Если Вам при чтении текста придет в голову, что некоторое суждение автора можно интерпретировать как-то иначе, это отлично, даже в том случае, когда преподаватель не посчитает Ваше мнение достаточно интересным. Он определенно оценит вдумчивое отношение к источнику.

Эссе предполагает авторское обозрение проблемы с использованием литературных источников. Вы формулируете проблему и рассматриваете ее, приводя аргументы с опорой на литературу. Эссе — представление авторской позиции, что-то вроде «вольных размышлений» над проблемой, но не настолько, чтобы не придерживаться ссылок на литературу. Здесь уместны: «Я думаю», «Я сомневаюсь» и тому подобные личностные обороты.

Три правила культуры текста. Правило первое — *«Лексика — культура ума»*, что требует тщательно подбирать слова, использовать синонимы русского, не засорять текст неоправданными англицизмами («транзит» вместо «переходный период», «презентирует» вместо «представляет») или франкоязычными («патронаж» вместо «руководство»).

Но особенно аккуратно надо следить за научной терминологией, потому что многие понятия имеют особый смысл в определенной теории, а примененные в иной методологической парадигме смысл этот утрачивают или искажают суть утверждения. Наибольшая опасность грозит со стороны «постмодернизмов». Так, некоторые студенты к месту и не к месту пишут о «дискурсе». Дискурс — термин, имеющий глубокий смысл в постмодернистской логике. Discourse — разговор, обсуждение. Предполагается, что стороны общаются, чтобы понять друг друга, не навязывая свою точку зрения и не стремясь найти истину, на что участники не претендуют. Между тем мыслители недавнего прошлого и многие современные полагают, что именно в дискуссии рождается если не истина, то относительно более адекватное понимание предмета обсуждения. Подумайте, какой термин правильнее использовать в данном случае.

Правило второе — структура, последовательность изложения говорит о *дисциплине ума.* Дисциплина ума проявляется в логической стройности изложения, отбрасывании частностей или приходящих в голову ассоциаций по поводу... Все это — в подстрочные примечания.

Изобилие длинных закавыченных фрагментов — свидетельство знакомства с литературой, но оставляет в неведении, насколько пишущий осознает суть приведенной цитаты, если не сопровождает ее собственным комментарием. Лучше изложить содержание фрагмента своими словами, естественно, со ссылкой на литературный источник. Понятно, что жесткое цитирование непременно, если это дефиниция, изящно сформулированная мысль, образное выражение.

Выводы и резюме по разделам дисциплинируют. Попробуйте сбросить в отдельный файл все промежуточные обобщения и выводы. Если собранный таким путем текст не выглядит как «минириферат» написанного, значит, что-то упущено в промежуточных выводах и обобщениях или логика нарушена. Убрав частности, Вы практически составите резюме — первую часть заключения по работе в целом.

Выводы — вторая составляющая: что я извлекла (извлек) из прочитанного (реферат) и что главное в моих собственных размышлениях над проблемой.

Правило третье — *«Краткость — сестра таланта».* Чем более концентрированно Ваше произведение, тем оно лучше. 15 страниц плотного изложения гораздо лучше, чем 25 страниц рыхлого.

Приложение 2

Обращение к коллегам-преподавателям: варианты активных методик групповых занятий

Активные «технологии» групповых занятий в данном курсе адекватны его замыслу: помочь студенту использовать знание теорий для понимания и интерпретации современных проблем российского общества.

Здесь я хочу поделиться с коллегами своим опытом. В одних случаях присутствует элемент игры, в других применяются современные технологии. Дидактика, видимо, «сама собою» подстраивается к содержанию курса.

Дебаты

Диспут или дебаты — форма публичного столкновения противоположных позиций, широко принятая, например, в британских университетах. Позиции противоположных сторон заблаговременно формулируются преподавателем, на занятии формируются две команды.

Каждая из команд защищает одну из декларированных позиций независимо от того, какого мнения придерживается тот или другой член команды по аналогии с представительством позиции своей партийной фракции в парламенте. Например, по теме «Социальные институты» команда А защищает позицию, согласно которой российские социальные институты с доминированием государства в принципе не способны трансформироваться в институты западного типа с доминированием структур гражданского общества, а команда Б доказывает прямо противоположное.

Порядок дебатов. Ведет дебаты преподаватель. Его задача — строго соблюдать регламент и комментировать происходившее лишь после окончания высказываний студентов.

Избранные командами первые дискутанты («ведущие») выступают в таком порядке: команда «а», затем ведущий команды, защищающей противоположную позицию (б») . Регламент строго — 10–15 мин., что решают студенты. Избранные командами первые дискутанты и их «секунданты» выступают в последовательности, определяемой по жребию.

В первом раунде защищают свою позицию ведущие в дебатах. Во втором лидируют «секунданты», которые теперь выступают в порядке, обратном первоначальному: если команда А излагала свои аргументы первой, то «секундант» команды Б теперь имеет первенство. Задача «секунданта» — доказать несостоятельность позиции «противника», используя профессиональные аргументы, но также и остроту ума, как в дебатах Понурга с Ликуром. Регламент для секундантов также определяется всей группой до начала дебатов (5–7 мин.)

В третьем раунде всем студентам, независимо от позиции команд, дается время на вопросы, выдвижение аргументов в защиту «своих» и контраргументов против другой стороны. Ведущие и секунданты в этом раунде могут участвовать, но опять же важно активизировать всю группу. Длительность этого раунда желательно максимизировать, сообразуясь с графиком занятий.

Дальше объявляется перерыв (по моему опыту минут на 15). Перерыв дается для того, чтобы каждая команда сформулировала свою позицию с учетом дебатов и делегировала одного из своего состава ее изложить. Желательно, чтобы это был не тот или не та, что лидировали в дебатах.

В четвертом раунде после перерыва представители команд излагают продуманную по итогам дебатов позицию: согласие-несогласие с оппонирующей стороной в тех или иных пунктах.

Регламент крайне жесткий. Я ради забавы назначаю «клерка», который следит за регламентом по таймеру. Регламент, например, может быть следующим.

В первом раунде — по 5 мин для каждого из первых дискутантов от команд А и Б и 3 мин для «секундантов» в обратной последовательности.

Во втором раунде предлагается по 10 мин для членов каждой из команд в любом порядке, но «судья дебатов» (преподаватель) по справедливости дает слово поочередно представителям команд. Например, одна команда задает вопрос или ставит под сомнение аргумент другой команды. Следует предоставить возможность ответить или высказать дополнительные аргументы в пользу своей команды оппонирующей стороне.

В третьем раунде (после перерыва) делегируемый командой излагает ее позицию, причем вопросы и высказывания присутствующих не допускаются.

Определение победителя в дебатах. Оценке подлежат: а) содержание, обоснованность аргументов; б) убедительность, находчивость в споре; в) чувство юмора, сарказм. О критериях оценки победителя надо сообщить одновременно с заданием «Дебаты»[1].

Решается вопрос о тайном или открытом голосовании. Я обычно «проигрываю» процедуру выборов жюри. Избранные члены жюри подвергаются коллективно придуманному ритуалу приведения к присяге. «Главный судья» напоминает группе о критериях оценки, призывает судить непредвзято и вне зависимости от личной позиции по данной проблеме. «Клерк» выкладывает на стол две стопки карточек двух цветов, маркирующих команды А и Б. Жюри удаляется для подведения итогов голосования. «Клерк» призывает встать для зас-

[1] В классических дебатах итог подводят рефери из профессуры, объясняя свои аргументы. Одновременно тайным голосованием студенты, не участвующие в дебатах, также определяют команду-победителя.

лушивания вердикта, «Главный судья» тожественно объявляет решение жюри.

Важно, что студенты подчас высказывают суждения, ценные для преподавателя. В случае дебатов об институциональных восточных и западноевропейских матрицах студенты подсказали мне идею о конвергенции тех и других, приведя убедительные аргументы.

Иллюстрация задания студентам

Занятие по теме «Социальные институты». Вначале мы работаем в режиме семинара, затем — диспут (излагаются правила, описанные выше).

Позиция «А». В силу традиционно сложившихся «вертикальных» институциональных матриц базовых институтов России — «другой Европы» — понадобятся десятилетия, чтобы трансформировать наши институты по западноевропейскому «горизонтальному» типу.

Позиция «Б». Уже сегодня имеется немало свидетельств радикального переустройства базовых социальных институтов в России — экономических и политических.

Дается список литературы.

Панель

Это семинар в игровой форме. Предлагается проиграть форму международного симпозиума, которая предусматривает несколько ведущих участников. Ведущие приглашаются за фронтальный стол. Преподаватель исполняет роль chearperson, причем я обращаюсь к аудитории на английском.

Студенты излагают реферат или эссе по заданию. Хорошо использовать слайды: Имя «презентатора», тема, тезисы, цитируемый фрагмент из источника, если надо, — схема, таблица. Задаются вопросы. Председательствующий всех деликатно благодарит, но критические пометки для себя относительно качества выступлений делает.

Далее — обсуждение проблемы на основе литературы, рекомендованной для подготовки к занятию и выступлений «панелистов». В конце занятия преподаватель помимо обычных замечаний и комментариев отмечает плюсы и минусы в презентациях ведущих.

Защита проекта[2]

Предлагается составить групповой проект, исследовательский или проект проведения занятия на данную тему. Группа с преподавателем (он — модератор дискуссии) формулирует задание и обсуждает критерии оценки. Согласованные требования записываются на доске.

---

[2]Опыт А.Ю. Согомонова.

Например, лекция для *не*социологов на тему «Культура и личность». Двум командам предлагается составить план лекции. Представители команд излагают план и основные идеи. Группа определяет лучшую и аргументирует, почему именно, раздельно по принятым критериям. Преподаватель высказывается в заключение.

Аналитический тренинг

Так я назвал бы задание, выполнение которого требует знания различных теоретических подходов к проблеме. Эта методика хорошо себя оправдывает на семинаре «Теории социального расслоения».

Ниже — текст задания.

Семинар на тему «Изменения в структурах социальных неравенств».

1. В чем общность и различия в определении социальных классов К. Марксом и М. Вебером? В какой мере классовый анализ объясняет российскую ситуацию социальных неравенств?

2. Основные особенности стратификационного подхода и в чем его отличие от классового? Применимость к России.

3. Сетевые структуры: суть подхода и рассмотрение российских сетей как формирующих социальные неравенства.

4. Маргинализация социальных групп.

5. Концепция эмерджентности критериев социального расслоения Д. Блау.

6. Основные идеи деятельностной парадигмы социального расслоения. Российское общество под углом зрения этого подхода.

Как Вам представляются дальнейшие изменения в структуре социальных неравенств в российском обществе и Ваши прогнозы относительно стабилизации некой структуры? Какая «модель» более и какая менее вероятна ко времени, когда Ваши дети окончат университеты?

Задание

Какие из социальных групп, приведенных в таблице, более благополучны? Что означает «благополучие» — решает каждый по-своему. Попробуйте ранжировать названные группы, не изменяя список.

1) Определите критерий, по которому Вы ранжируете группы. Какую или какие, если не одну, теоретическую концепцию Вы используете?

2) Ранжируйте группы по выбранному (выбранным) критерию и выделите 5–6 наиболее (+) и наименее (–) благополучных.

Когда все эту работу закончат, мы обсудим результаты, имея в виду: а) насколько разнятся выбранные критерии, б) какими аналитическими и прогностическими возможностями они обладают, т. е. что следует из анализа социального неравенства под данным углом зрения для изучения социальных процессов; в) совпадают или различаются выводы.

Группа	Ранг. Вар. 1	Ранг. Вар. 2	Отметка «+» или «–»
Врачи			
Гл. бухг. ср./мал. предприятия, организации			
Водители-«дальнобойщики»			
Инженеры в НИИ и КБ			
Квалиф. рабочие			
Крестьяне-наемники			
Крупные бизнесмены			
Мелкие/средние предприниматели			
Мелкий криминалитет			
Научн. работники			
Офицеры			
Рыбаки морфлота			
Служ. банков			
Собственники крупн. с/х предпр.			
Солдаты-призывники			
Солидный криминалитет			
Фермеры ср. уровня			
Чиновн. федер. уровня			
Чиновн. рег. уровня			
Шахтеры			
Учителя			

Литература к занятию

Видео-наблюдение реальных практик

На семинаре по теме «Социальные институты» мы обсуждали концепцию неоинституционалистов, которые рассматривают массовые формально не регламентируемые практики в качестве социального института. То же имеет место и с повседневными практиками бытовой культуры. Я привел пример, что в России при выходе или на входе в публичное здание не было принято оглядываться на идущего следом и, если надо, придержать дверь. В Англии, скажем, норма – прямо противоположная.

Чтобы понять, насколько западные повседневные практики осваи-

ваются россиянами, предложил провести натурное наблюдение. Студенты же предложили сделать видофильм[3].

Снимали на видео выход и вход в метро, где двери очень массивные. На двух станциях, одна возле вокзала, другая в спальном районе, в начале и середине рабочего дня. Владимир Костюшев организовал со своими студентам такое же наблюдение в Петербурге («Окно в Европу»), З.М. Саралиева в Нижнем Новгороде, проф. Пал Тамаш в Будапеште. Получилась вполне приличная работа[4]. Этот случай можно рассматривать как пример «видеосоциологии», энтузиастом которой выступает проф. Государственного университета - Высшая школа экономики Н.Е. Покровский.

Игровое занятие по теме «Культура и личность»

Особенности этнонационального менталитета проявляются в пословицах, поговорках и анекдотах относительно представителей разных этносов.

Попробуйте за 10 мин вспомнить типично русские пословицы, поговорки и анекдоты про русских, которые так или иначе иллюстрируют стереотип русского. Предложите социокультурное толкование данного изречения. Дальше мы вместе обсудим, является ли это изречение самоиронией или стереотипом иностранцев относительно русских.

Особенно интересны контраверсии вроде «Авось» и «Семь раз отмерь».

Дискуссия, как правило, позволяет отделить плевелы от зерна.

«Хэппенинг»

Идея подсказана рассказом Ярослава Гашека и криминальными фильмами: путаница в показаниях свидетелей. Этот прием хорош не для постдипломников, а в аудитории протосоциологов. Я использую его в теме о фактуальном базисе социологического знания. Помимо дефиниции социального факта Э. Дюркгеймом (социально-нормированное поведение) мы обсуждаем общенаучное понимание факта как его сформулировал Марио Бунге. Есть факты онтологические (события, произошедшие в определенное время и в определенном пространстве) и гносеологические — регистрация, описание событий. В систему знания попадают лишь вторые, т. е. не стопроцентно адекватные реальному событию. При регистрации событий, например данных прямого наблюдения или ответов респондента на заданный вопрос, социолог так или иначе вносит «отсебятину» в концептуальных пристрастиях или вследствие использования определенной методики сбора данных. Все это я говорю после проигрывания студентами какой-нибудь сценки.

---

[3] Идея Сергея Никитина, студента социологического факультета ГУГН (4 курс 2005 г.).

[4] См. Социологический практикум. Щербакова И.В., Ядов В.А. Культура предупредительного поведения в большим городе: опыт видеонаблюдения пассажиров у дверей метро Будапешта, Москвы, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 138–148.

Игра-хэппенинг на одном из занятий была такой. Трех студентов я пригласил выйти из аудитории, и мы договорились, что они разыграют жизненную сценку. Какую именно — они сами отрежессировали, а я вернулся в аудиторию, большинство которой составляли студентки.

Ребята ворвались в аудиторию и двое из них стали что-то требовать от третьего, который не то отказывался выполнить требование, не то был в затруднении, не знал, что делать. Сыграли очень артистично. Спрашиваю студентов: опишите, что происходило на Ваших глазах? Одна из студенток говорит, что видела ссору, другая видела гаишников, которые предъявляют претензии водителю, а третья сказала, что двое москвичей пристают к кавказцу (один из ребят был осетин).

После этого, думаю, студенты твердо запомнят формулу Бунге о различиях между онтологическим и гносеологическим фактами.

On-line общение со студентами

Сейчас это просто. Большинство московских (и, думаю, не только москвичей) студентов пользуются Интернет и электронной почтой. Факультет, как правило, имеет компьютерный класс. Студенты каждого курса создают коллективный почтовый ящик, так что преподаватель может обращаться к своему курсу с заданиями или комментариями к ним. В той же мере студенты могут обращаться и к преподавателю с вопросами, особенно при подготовке письменных работ.

В своей практике я предлагаю студентам посылать сочинения электронной почтой, комментарии встраиваю цветом в режиме «правка».

Приложение 3

П. Штомпка

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ*

Обучение социологов преследует четыре цели: (а) научить *языку* этого предмета, набору понятий, с помощью которых познается социальная реальность; (б) привить определенный взгляд на предмет, *перспективу* подхода к социальной реальности; (в) научить применять *методы*, процедуры и технику эмпирических исследований; (г) использовать информацию об основных *фактах* и сведениях о современной общественной жизни. Объединим пункты (а) и (б) — язык и перспективу — одним названием «социологическое воображение», заимствованным из классической работы Чарльза Райта Миллса. По определению Миллса, «социологическое воображение помогает нам понять историю и биографию, а также связь между ними внутри общества» [1. P. 3]. Проанализируем значение данного определения и распространим понятие социологического воображения за рамки, в которых его использовал Миллс.

Под социологическим воображением я понимаю умение или способность рассматривать общество под определенным углом зрения. Это умение включает пять компонентов: (а) рассматривать все социальные явления как результат деятельности социальных агентов, индивидов либо групп и идентифицировать этих агентов; (б) понимать скрытые за поверхностью явлений структурные и культурные ресурсы и ограничения, влияющие на социальную жизнь, в том числе те возможности, которые имеются в распоряжении агентов (Мирра Комаровски писала: «Чтобы распознавать невидимую социальную структуру, от студентов требуется терпеливое формирование социологического взгляда на общество» [2]); (в) изучение предшествующей традиции, живого наследия прошлого и его постоянного влияния на настоящее; (г) воспринимать общественную жизнь в ее динамике, изменчивом процессе становления [3]; (д) признание огромного разнообразия и вариантов форм проявления общественной жизни (Эверетт Хьюз определяет одну из главных задач социологического образования следующим образом: «Освобождение [познания] посредством расширения границ человеческого мира, проникновения во внутренний мир других людей и сравнения с миром других людей и других культур — не единственный аспект социологическо-

---

* *Штомпка П.* Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. 2001. № 1.

го воображения… Однако все это составляет его значительную часть, поскольку является частью человеческой жизни» [4. P. 16]).

Иными словами, социологическое воображение — это вытекающая из признания разнообразия и множественности социальных установлений способность связать любое событие в обществе со структурным, культурным и историческим контекстами, а также с индивидуальными и коллективными действиями членов общества.

Ч. Райт Миллс приводит следующий пример: «Одним из результатов изучения социологии должно стать умение читать газету. Чтобы разобраться в газетных материалах, что является очень непростой задачей, необходимо научиться связывать сообщаемые события, понимать их в связи с более общими представлениями о жизни общества, а также тенденции, частью которых они являются… Суть дела заключается в следующем: социология — это прежде всего способ выхода за рамки того, о чем мы читаем в газете. Она дает систему понятий и вопросов, помогающих нам сделать это. Если этого не происходит, то социология, как часть либерального образования, оказывается несостоятельной» [5. P. 16–17]. Преподавание социологии не сводится к «книжной социологии», оно должно ориентировать на «социологию в жизни», что позволит давать более глубокие интерпретации и лучше понимать то, что нас окружает. По словам классика социологии Роберта Парка, «при отсутствии стремления интегрировать знания, полученные в аудитории, с опытом и проблемами действительной жизни процесс обучения становится простым педантизмом. Этот педантизм проявляется в отсутствии ясных суждений и практического понимания вещей, которое мы называем здравым смыслом» [6]. Мирра Комаровски также подчеркивает, что «не существует большей опасности в образовании, чем та, когда студенты изучают социологические категории на чисто формальном, словесном уровне, не наполняя их всей полнотой жизненного содержания; когда эти слова остаются стерильной частью мышления, относительно не связанной с потоком жизни, который пытаются объяснить при помощи этих слов» [7].

На мой взгляд, развитие социологического воображения и навыка его применения в социальной жизни является абсолютно необходимым в образовании социологов, как тех, кто планирует заниматься академической наукой, так и тех, кто выбирает профессии, ориентированные на практику.

Социологическое воображение и теоретические ресурсы

Развитие социологического воображения почти то же самое, что овладение социологической теорией. Речь идет не о запоминании имен и школ, определений и аргументов. Суть дела заключается в применении теории, то есть соотнесении ее с конкретным опытом, рассмотрением текущих проблем современного общества, его дилемм и возможностей, а также с осмыслением наших личных судеб и жизненных

возможностей в контексте теории. Социологическое воображение должно вооружить нас своеобразной картой, ориентацией в хаосе событий, изменений, трансформаций. Оно должно дать нам более глубокое понимание мира, более ясный взгляд на вещи, следовательно, дать нам более широкие возможности сознательно и рационально строить свою жизнь и заниматься общественными делами. Я собираюсь рассмотреть ресурсы, необходимые для теоретической подготовки социологов, которыми вооружает нас социологическая традиция, а также новейшие достижения в социальной теории.

Сокровищница теоретических идей обнаруживается в истории дисциплины с начала XIX в. до наших дней. Преподавание истории социологии не является пустым копанием в прошлом. Традиция в нашей дисциплине все еще чрезвычайно сильна. Большая часть понятий, моделей, вопросов, проблем, изучаемых сегодня, унаследована нами от мастеров XIX в. Они заложили крепкие основы социологическому «предприятию», а их труды до сих пор не потеряли актуальности. Труды социологов-классиков следует изучать не как исторические памятники, в контексте того времени или в связи с биографиями авторов, а в контексте нашего времени, поскольку их основные идеи проливают свет на нашу действительность. Разумеется, их следует воспринимать критически и осуществлять необходимый отбор. Мои собственные предпочтения включают, разумеется, «трех великих»: Карла Маркса, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма — бесспорных гигантов социологии. В число достойных изучения авторов я бы включил Огюста Конта, Герберта Спенсера, Георга Зиммеля, Фердинанда Тенниса, Вильфредо Парето, Алексиса де Токвиля, Чарльза Кули, Уильяма Самнера и Джорджа Мида. Чтение и перечитывание их работ чрезвычайно важно для открытия новых взглядов и проблем, формулирования вопросов социологии, критической их оценки посредством сопоставления с нашими собственными идеями. В трудах знаменитых социологов XIX–начала XX в. мы образцы интеллектуальной работы. По словам Роберта Мертона, «проникновение в творческую лабораторию таких проницательных исследователей, как Дюркгейм и Вебер помогает нам формировать нормы хорошего вкуса при определении значимой социологической проблемы — значимой прежде всего в теоретическим отношении — и найти путь к ее удачному решению. Классика — это, по определению Сальвемини, ‘libri fecondatori’ — книги, которые обостряют ум погруженных в них читателей» (цит. по: [8. P. 31, 32]). Есть и еще одна положительная сторона: студент понимает, что мир социологии имеет много измерений, очень сложен и поэтому для его понимания требуется много подходов. Изучение истории социологических теорий — важный урок теоретического плюрализма, терпимости к различным версиям и разнообразию взглядов, лучшее лекарство против узколобого догматизма и ортодоксии.

Обратимся к современной социологической теории и ее значению

для преподавания. На мой взгляд, в современной социологии сложились четыре типа теории и теоретической деятельности, которые имеют разное значение для образовательных целей, для формирования социологического воображения. В порядке убывания их значимости я буду рассматривать: (а) объяснительную теорию; (б) эвристическую теорию; (в) аналитическую теорию; (г) экзегетическую теорию.

Теоретический «бум»

В целом, конец XX в. был хорошим временем для социологической теории. Всего лишь полвека назад часто активно обсуждался вопрос о кризисе в социологической теории (например, О. Гоулднер). Теперь ситуация изменилась. Многие разделяют мнение британского социолога Дж. Деланти, что «в настоящее время социальная теория занимает очень сильные позиции» [9]. Действительно, это заключение имеет под собой основания. Рассмотрим институциональные и организационные аргументы. Исследовательский комитет по теоретической социологии (RC-16) Международной социологической ассоциации, который основали мы с Джеффри Александером в 1986 г., стал одним из самых крупных среди пятидесяти исследовательских комитетов ассоциации. В Американской социологической ассоциации теоретическая секция — самая многочисленная.

За последние десятилетия значительно увеличили подписку теоретические журналы, появились новые периодические издания: «Theory, culture&society», «European journal of social theory», «Theory» (издается Американской социологической ассоциацией), «Theory and society». Новый «Journal of classical sociology» готовится к выпуску в свет издательством «Sage» под редакцией Брайана Тернера. Изданы крупные теоретические работы: «Polity reader in social theory» [10], «Blackwell companion to major social theorists» [11], «Handbook in social theory» [12]. Результаты современных теоретических исследований обобщаются в монографиях Патрика Берта «Social theory in XX century» [13], Джона Скотта «Sociological theory: contemporary debates» [14]. Крупные издательства — «Полити пресс», «Кембридж юниверсити пресс», «Сэйдж» выпустили в свет множество теоретических книг, как классических, так и современных, в том числе такие серии, как «Cambridge cultural social studies» (Кембридж, под ред. Александера и Сейдмена). В различных странах мира проводятся теоретические конференции.

Недавно мне довелось участвовать в конференциях «Новый взгляд на теории социальных изменений» (Монреаль, 2000) и «Новые источники критической теории» (Кембридж, 2000). Характерно, что теория после долгого путешествия по Северной Америке вернулась в свою колыбель, в Европу [15]. Именно в Британии, Франции и Германии уделяется сейчас наибольшее внимание теоретической работе. По свидетельству Нейла Смелсера, «за последние 50 лет центр тяжести общей теоретической мысли фактически переместился из США в Европу, и

это перемещение обозначено трудами таких исследователей, как Ален Турен, Пьер Бурдье, Юрген Хабермас, Никлас Луман и Энтони Гидденс. Многие современные теоретические разработки в США возникли под влиянием этих социологов на преподавателей и выпускников университетов» [16]. Аналогичное мнение высказывает Брайан Тернер: «Европейская социальная теория, возможно, снова займет доминирующую позицию в мировом развитии социальной теории» [17].

Объяснительная теория

О чем говорят эти факты? Придерживаясь старой, традиционной оппозиции «теория vs исследование», либо «теоретическая социология vs эмпирическая социология», как это было в дискуссии Т. Парсонса и Р. Мертона в 1947 г. на ежегодной конференции Американской социологической ассоциации [18], можно было бы подумать, что первоочередное внимание к теории означает отход в сторону схоластики и в царство чистых идей, уход от реальных социальных проблем и конкретных социальных фактов, отказ от эмпирических исследований. Такое предположение очень далеко от истины. На самом деле, ситуация — совершенно противоположная. Впечатляющее продвижение теории вызвано тем, что она получила признание во всех областях эмпирической социологии, нашла свое место среди всех областей социологии и наконец признана важным и необходимым компонентом социологических исследований. Разделение теории и исследований более невозможно. Вместо этого мы наблюдаем широкое распространение теорий, в которых рассматриваются разнообразные социальные проблемы.

Теоретики и исследователи встретились на пути друг к другу. Многие теоретики более не занимаются абстрактными идеями, а обращаются к таким реальным проблемам, как глобализация, личность, риск, доверие, гражданское общество, демократия, новые формы труда, социальные эксклюзии, культурные травмы и т. д. Эмпирические исследователи более не ограничиваются регистрацией фактов и сбором данных. Вместо этого они предлагают обобщающие модели на основе систематизированных фактов. Таковы теория девиантности, теория коллективного поведения, социальных движений, этничности, теория массовой информации, концепция социального капитала, постматериалистических ценностей и т. п. В 2000 г. опубликован учебник по социологии под редакцией С. Куа и А. Сейлса [19]. Цель этой книги — суммировать положение дел в разных областях социологии, и каждая глава содержит значительную часть теоретических сведений. В результате теория приближается к реальным «социальным проблемам», т. е. проблемам простых людей (common people), а к эзотерическим «социологическим проблемам», проблемам профессиональных социологов. Теория дает объяснения насущным социальным вопросам (создавая гипотезы, более или менее про-

веряемые на практике). Она может оказать влияние на более широкую аудиторию, простых людей, направляя их мышление, предоставляя им «карты» отдельных областей их общественного «жизненного мира».

Первый тип теории можно назвать объяснительной теорией. Она представляет собой то, что Брайан Тернер называет «сильной программой» для теории [17. P. 6]. Зададимся тремя важными для этого типа теории вопросами: теория чего, для чего и для кого. Теория чего? Это теория реальных социальных проблем. Она отвечает на вопросы, почему растет преступность, почему возникают новые общественные движения, откуда возникает бедность, почему возрождаются этнические настроения. По Мертону, Бурдье и Тернеру, теория вырастает из исследований и должна быть направлена на исследования. «Чтобы теоретический результат имел значение, он должен основываться на постановке проблем» [20]. «Социальная теория процветает и выживает наилучшим образом тогда, когда она занимается эмпирическими исследованиями и общественными вопросами» [17. P. 12]. Для чего? Чтобы дать объяснения или, по крайней мере, модели для лучшей организации разрозненных фактов и явлений, интерпретации множества различных событий и явлений. Для кого? Не только для коллег-теоретиков, но для простых людей, чтобы дать им ориентацию, просвещение, понимание своего состояния. Важная роль теорий — «обеспечивать информацию для демократического дискурса» [21. P. 429]. Эта роль станет еще более ощутимой по мере того, как демократия будет устанавливаться все в новых и новых странах, особенно важна ее роль в будущем «обществе знания», обществе информированных и образованных людей, которых волнуют социальные и общественные вопросы, где демократия приобретет форму «дискурсивной демократии» [22].

Можно сформулировать гипотезу в рамках «социологии знания»: причины такого успеха объяснительной теории коренятся в быстрых, радикальных, широчайших социальных изменениях. Мы сейчас переживаем «новый великий переход» (перифразируя К. Поляни). Во времена изменений возникает особая потребность в теории. Социологи испытывают особое давление со стороны простых людей (common people), а кроме того политиков, которым нужна ориентация в этой неразберихе. Все они хотят знать, откуда мы пришли, где мы есть и куда идем. Никакие факты и цифры не могут ответить на такие вопросы. Адекватные представления об обществе, карты социальных отношений могут быть предоставлены только с помощью обобщенных объяснительных моделей. «Ничто так не требует от нас теоретических изысканий, как опыт исторических изменений и межкультурное разнообразие» [21. P. 431].

Преподавание объяснительных теорий является для меня самой важной целью социологического образования, особенно во времена широчайших социальных изменений. Подобная теория дает самый

сильный толчок для развития социологического воображения, поскольку она соединяет теоретизирование с конкретным опытом.

Эвристическая теория

Перейдем ко второму типу теории. Теоретические ориентации я бы назвал эвристической теорией, которую нельзя проверить непосредственно, но которая плодотворна, поскольку создает понятия, образы, модели. Эвристическая теория близка к социальной философии, особенно к онтологии или метафизике социального мира, так как пытается ответить на три вечных онтологических вопроса о строении социальной действительности: (а) что является основой социального порядка?; (б) что составляет природу человеческой деятельности? и (в) каковы механизм и направление социальных изменений? Этими вопросами занимались все классики-основатели социологии. Примерами классической ориентации, преобладавшей в середине нынешнего столетия и пытавшейся решить такого рода вопросы, были структурный функционализм, символический интеракционизм, теория обмена, марксизм. С тех пор появилось несколько новых тенденций, которые мы рассмотрим позже.

Каковы характерные черты подобной теории? Зададимся тремя нашими вопросами. Теория чего? Основ социальной реальности. Она ставит вопросы не «почему», а «как»: как возможен социальный порядок (как существуют социальные группы, как люди живут вместе, сотрудничают, сосуществуют), как выполняются социальные действия, как развиваются социальные изменения? Теория для чего? Для того, чтобы создать категориальный аппарат для более конкретной объяснительной теоретической работы, предложить значимые категории для осмысления разрозненных фактов. Теория для кого? В основном для исследователей, создающих объяснительные модели отдельных областей мира, отвечающих на конкретные вопросы.

Впечатляющее развитие подобных эвристических теорий в конце века может быть объяснено не социальными фактами, а интеллектуальными достижениями. Этот успех следует рассматривать не в терминах социологии знания, а с позиций истории идей. Кажется, что он вызван новыми достижениями в развитии общественной мысли; новыми тенденциями, увлекательными и оригинальными перспективами. Возникла интеллектуальная напряженность, свойственная «парадигматическому смещению» (Т. Кун [23]), на самом деле — трех параллельных парадигматических смещений, которые мы наблюдаем в новой теории. Первый сдвиг — это сдвиг от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил. Другими словами, происходит сдвиг от «первой» ко «второй» социологии [24]. Социальный порядок видится как возникающий, конструируемый, постоянный результат достижений агентов действия, производимый и воспроизводимый человеческим действием. Примеры такой теоретической перспективы можно найти в

работах П. Бергера и Т. Лукмена, Н. Элиаса, Э. Гидденса, П. Бурдье. Второй сдвиг — это переход от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (social becoming). Акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям. Наилучшим образом этот подход представлен «исторической социологией» (Дж. Тилли, М. Арчер, Т. Скочпол и П. Штомпки [3, 8]). Третий сдвиг — переход от образа «гомо экономикус» (расчетливый, рациональный, целеустремленный деятель), представленного в «теории рационального выбора» (Дж. Коулмэн, Дж. Эльстер), и от «гомо социологикус» (нормативно направленного исполнителя роли), представленного «неофункционализмом» (Дж. Александер, Н. Луман, Р. Мюнх), к «гомо когитанс» (знающий и понимающий участник, информированный и ограниченный коллективными символическими системами знаний и веры). Эту тенденцию часто называют интерпретативным поворотом, культурным поворотом, лингвистическим поворотом. «Современная социальная теория изменила свое лицо, отдав приоритет культурным явлениям и культурным отношениям» [17]. Она имеет много разновидностей. В одной из них, которую иногда называют ментализмом, первоочередное внимание уделяется инвариантным компонентам человеческого сознания. Сюда относятся структурализм К. Леви-Стросса и Ф. де - Соссюра, феноменология А. Шютца. Вторая разновидность «культурного поворота» называется текстуализмом. Она представлена постструктурализмом, или теорией дискурса М. Фуко, где социальная реальность трактуется как разновидность текста со своей семантикой и грамматическими правилами. Третью версию иногда называют интерсубъективизмом. Большой вклад в нее внес Хабермас своей теорией коммуникативного действия. И, наконец, имеется ответная реакция на «сверхинтеллектуализированный образ человека». Человек думающий, человек знающий — да, но не только в форме дискурса. Акцент смещается на практическое знание (Э. Гидденс), «этнометоды» (Гарфинкель), а также тело как инструмент действия (Б. Тернер), эмоции как сопутствующие действия, вещи, которыми человек пользуется, встречаемые объекты, окружающая среда как контекст действия. Индивиды трактуются как носители упорядоченных, типичных наборов практических действий (П. Бурдье).

Таким образом, современная социология характеризуется большим разнообразием эвристических ориентаций. Их преподавание может оказаться полезным для студента прежде всего взглядом на общество с различных позиций, что необходимо для понимания общественной жизни.

Аналитическая теория

Третью разновидность теории можно назвать аналитической теорией. Она обобщает и проясняет понятия, дает типологии и классифи-

кации, пояснения и определения. Ее применение имеет важное значение, но она играет вспомогательную, инструментальную роль. Аналитическая теория рискует переродиться в постоянное совершенствование инструментов без их определенного применения либо в конструирование закрытых категориальных систем. Попытки создать закрытые концептуальные системы, специальные языки для общей социологии, как кажется, закончились с работой Никласа Лумана (ранее только у Толкотта Парсонса были похожие цели). Но в некоторых узких сферах такого рода усилия весьма полезны, они восходят к тому, что Р. Мертон называл теориями среднего уровня (цит. по [25. P. 41–50]): эмпирически обоснованные концептуальные схемы, применимые к конкретным эмпирическим проблемам (например, мертоновские теория ролей и ролевых репертуаров, теория референтных групп, теории стратификации, мобильности, аномии, девиации и т. д.).

Какова природа подобной теории? О чем она? О содержательных понятиях, полезных для понимания вещей. Для чего? Для определения, раскрытия, пояснения явлений или их важных характеристик. Для кого? Для социологов — теория создает для них канонический словарь, технический язык для работы с предметом, этот язык намного яснее обыденного языка и языка здравого смысла. Преподавание аналитической теории имеет огромное значение для развития способности студента думать и говорить на языке социологии. Она дает студенту основные инструменты профессии. В вводных курсах социологии первостепенное внимание должно уделяться исключительно этому виду теории.

Экзегетическая теория

Четвертый тип теории можно назвать экзегетической теорией. Она заключается в анализе, толковании, систематизации, реконструкции, критике существующих теорий. Конечно, экзегетическая теория особенно значима для подготовки к теоретической работе. К ней следует относиться как к этапу в научной карьере, периоду обучения. Через эту стадию прошли большинство выдающихся теоретиков: Т. - Парсонс в работе «Структура социального действия» [26], Э. Гидденс в работе «Капитализм и современная социальная теория» [27], Дж. - Александер в знаменитых четырех томах «Теоретическая логика в социологии» [28], Н. Смелсер в книге «Объяснение и социальная теория» [29]. К этой категории я бы отнес и свою книгу «Социологические дилеммы» [30]. Но все цели теряют смысл, если главной целью становится бесконечное препарирование работ модных авторов: что сказал такой-то ученый, как бы он мог сказать это лучше, что он мог сказать, но не сказал, последователен ли он, что он в действительности хочет или не хочет сказать? Чем более эзотеричной, непонятной, неясной, запутанной является теория, тем больше возможностей она дает экзегетическим спорам. Она вдохновляет на отчаянные поиски в темной комнате черного кота, которого там нет. В этом — секрет

некоторых современных теорий (например школы «постмодернизма») и их популярности среди толкователей. Если теория четкая, ориентирована на проблемы, точная и ясная, то в ней найдется немного из того, что можно толковать и критиковать.

В данном случае три наших вопроса многое проясняют. Теория чего? Других теорий, отдельных книг, текстов, фантомов социологического воображения, вырождающаяся в конечном итоге в самореферентные упражнения. Теория для чего? Для апологии или ниспровержения теорий: что непременно предполагает возникновение фракций, догматизма, ортодоксальных школ, сект, поклонников. Такая теория развивается вспять от «свободного рынка идей» к недоброй памяти «полю борьбы идей». Теория для кого? Для других теоретиков, играющих в интеллектуальные игры в сектах посвященных. С моей точки зрения, такие теории — наименее значимые, часто бесполезные. Часто они перерождаются в эпигонство. Среди некоторых теоретиков бытует следующее мнение. «Социальная теория становится как раз наиболее бесполезной и наиболее жизнеспособной формой интеллектуальной деятельности. Она бесполезна, когда обращается вовнутрь, закрывается на самой себе, превращается в тщетную войну концепций или в возмутительное превознесение интеллектуальных изысканий автора, данной школы, моей традиции, вашей ортодоксальности» [31].

Имеются и другие мнения: «Необходимо впустить свежий воздух в изолированные помещения домашнего теоретизирования. Социальная теория не сводится только к выработке концепций и толкованию концепций других теоретиков» [31]; «Без приверженности определенной общественной роли социологическая теория превратится в поиск приятного досуга академиков, демонстрирующих лишь декоративную сторону ученой карьеры» [31]; «Без политических и общественных обязательств социальная теория рискует стать эзотеричным, элитным и эксцентричным интересом маргинальных ученых» [17. P. 13]; «Многие ученые, вероятно, полагают, что развитие теории зависит исключительно от пристального изучения и переработки предыдущих социальных теорий… Вряд ли такая стратегия сможет привести к новым и глубоким социальным знаниям» [20. P. 203].

Я бы не рекомендовал студентам экзегетические теории. Если и включать их в учебные программы, то они должны иметь достаточно узкое применение, во всяком случае, они могут изучаться только старшими студентами и аспирантами в качестве умственных упражнений.

Заключение

Нами показано, что наиболее важными, плодотворными и многообещающими видами теорий, имеющих определяющее значение для социологического воображения, являются объяснительная и эвристическая теории. Аналитические теории играют вспомогательную роль

в наладке концептуальных инструментов и выработке языка социологического мышления. Экзегетические теории полезны исключительно для развития навыков критического мышления, но в собственно теорию никакого вклада не вносят и не заменяют другие формы создания теорий.

Объяснительные и эвристические теории образуют многостороннюю мозаику теоретических объяснений и ориентаций. Как разобраться в столь фрагментированном теоретическом поле? К надежной объяснительной теории, адресованной обычным людям, а не только ученым, вполне применим мертоновский принцип «дисциплинарного эклектизма» [32. P. 169]. Этот принцип полезен студентам, изучающим социологию. «Дисциплинарность» в данном случае означает критический подход к теории, ее оценку по внутренним достоинствам, согласованности, убедительности, продуктивности гипотез. «Эклектизм» означает открытое, терпимое, свободное от одностороннего догматизма отношение к альтернативным объяснениям. Такая стратегия разделяется многими современными авторами: «Невозможно предусмотреть все интересующие исследователя вопросы о любом значимом явлении в рамках одной теории или даже в рамках согласованных, логически совместимых теорий» [21. P. 435]; «Можно получить обобщенное знание о мире, опираясь на разные, иногда соперничающие точки зрения» [33. P. 79]. Дисциплинарный эклектизм позволяет преодолевать границы между теориями и дисциплинами, выходить за рамки узко понимаемой «социологической теории» и обращаться к «социальной теории» в том виде, в каком она создавалась классиками.

Доклад Фонда Гулбенкяна «Открыть социальные науки» (Gulbenkian Foundation, «Open social sciences», под ред. И. Уоллерстайна) показывает необходимость объединения социологии с психологией, экономикой, антропологией, когнитивной наукой, политической наукой. Особенно важное значение имеет отказ от некоторых пагубных междисциплинарных разграничений, возникших в XIX в. и оказавшихся очень устойчивыми [34]. Маттеи Доган высказывает аналогичную мысль: «Сети междисциплинарных взаимодействий изживают старую классификацию социальных наук. Сегодня обозначилась тенденция перехода от старых формальных дисциплин к новым гибридам социальных наук» [35. P. 442]. Преподавание социологической теории должно быть ориентировано на связи между теориями и междисциплинарные взаимодействия, а не на традиционные разделения. Вероятно, в этом заключается самая важная задача, стоящая перед социологическим образованием.

Литература

1. *Mills Ch.W.* Sociological imagination. New York: Oxford University Press, 1959.
2. *Komarovski M.* Teaching college sociology // Social Forces. 1951. Vol. 30. P. 252–256.
3. *Sztompka P.* Society in action: A theory of social becoming. Cambridge: Polity Press, 1991.

4. *Hughes E.* Teaching as fieldwork // The American Sociologist. 1970. Vol. 5. No 1. P. 13–18.
5. *Mills Ch.W.* Introduction // Images of man: The classical tradition in sociological thinking. New York: George Braziller, 1960.
6. *Park R.* A memorandum on rote learning // American Journal of Sociology. 1937. Vol. 43. P. 23–36.
7. *Komarovski M.* A note on a new field course // American Sociological Review. 1945. Vol. 9. P. 194–196.
8. *Sztompka P.* The sociology of social change. Oxford: Blackwell, 1996.
9. *The tasks* of social theory: editorial // European Journal of Social Theory. 1998. Vol. 1. No 1. P. 127–135.
10. *Polity* reader in social theory. Cambridge: Polity Press, 1994.
11. *The Blackwell* companion to major social theorists. Oxford: Blackwell, 2000.
12. *Handbook* in social theory. London: Sage, 2000.
13. *Baert P.* Social theory in the twentieth century. Cambridge: Polity Press, 1998.
14. *Scott J.* Sociological theory: Contemporary debates. Cheltenham: Edward Elgar, 1995.
15. *Sociology* in Europe / Ed. by B. Nedelmann, P. Sztompka. Berlin: De Gruyter, 1993.
16. *Smelser N.* Sociology's next decades: centrifugality, conflict, accommodation // Cahier de recherchй sociologique. 1990. No 14. P. 35–49.
17. *Turner B.* Intriduction // Blackwell companion to social theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 1–19.
18. *Merton R.* The position of sociological theory // American Sociological Review. 1948. Vol. 13. P. 164–168.
19. *International* handbook of sociology / Ed. by S. Quah, A. Sales. London: Sage, 2000.
20. *Baert P.* Social theory in the twentieth century. Cambridge: Polity Press, 1998.
21. *Calhoun C.* Social theory and the public sphere // The Blackwell companion to social theiry / Ed. by B. Turner. Oxford: Blackwell, 1996.
22. *Dryzek J.* Discursive democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
23. *Kuhn T.* The structure of scientific revolution. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
24. *Dawe A.* Theories of social action // The history of sociological analysis / Ed. by T. Bottomore, R. Nisbet. New York: Basic Books, 1978. P. 362–417.
25. *Sztompka P.* Robert Merton on social structure and science. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.
26. *Parsons T.* The structure of social action. Glenkoe: Free Press, 1937.
27. *Giddens A.* Capitalism and modern social theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
28. *Alexander J.* Theoretical logic in sociology: 4 vols. London: Routledge & Kegan Paul, 1982.
29. *Smelser N.* Explanation and social theory. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1968.
30. *Sztompka P.* Sociological dilemmas: Toward a dialectic paradigm. New York: Academic Press, 1979.
31. *European* Journal of Social Theory. 1998. Vol. 1. No 1.
32. *Merton R.* Sociological ambivalence. New York: Free Press, 1976.
33. *Alexander J.* New theoretical movement // The handbook of sociology. Newbury Park, 1988. P. 77–102.
34. *Wallerstein I.* Should we unthink the nineteenth century? // Rethinking the nineteenth century. Westport: Greenwood Press, 1988. P. 185–191.
35. *Dogan M.* The new social sciences: Cracks in the disciplinary walls // International Social Science Journal. 1997, September. Vol. 153. P. 429–443.

Учебное издание

В.А. Ядов

Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций

Курс лекций

Редактор *М.С. Юдович*
Компьютерная верстка *О.В. Голенской, В.В. Козловского*

Подписано в печать 25.03.2009. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 10. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Интерсоцис».
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66.